

18+

Андрей Смирнов

Балаганы Белокамня

Андрей Смирнов
Балаганы Белокамня

«Издательские решения»

Смирнов А.

Балаганы Белокамня / А. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850340-5

Двухголовый великан, медведь, гном-иллюзионист, сёстры-акробатки, полурослики-жонглёры и мимы, а также ущербный полуэльф-писатель, аристократ и знаменитый менестрель путешествуют вместе одним цирковым балаганом, давая представления в различных городах и весях, развлекая публику. Но что скрывается за кулисами этого бродячего шапито, где масок и личин больше, чем можно себе представить? Не скрывают ли эти артисты каких-то страшных тайн, и что является причиной их бешеной популярности в народе? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-850340-5

© Смирнов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	44
Глава 3	82
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Балаганы Белокамня

Андрей Смирнов

© Андрей Смирнов, 2017

ISBN 978-5-4485-0340-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пёстрый балаган колесит по просторам различных стран, развлекаая во всех поселениях обывателей, которые потом вспоминают артистов не только добрыми, но и злыми словами. Почему? Да потому что насколько шикарны и красивы их выступления, настолько же возмутительны их проделки. Первая красавица на деревне вдруг оказалась обесчещена и принесла в подоле? Наверняка в этом повинен тот сладкоголосый менестрель из труппы, больше некому! Что-то пропало из дома или кармана? Вот же ж мерзкие половинчики-артисты! Все они ворюги ещё те! На окраине деревни нашли разодранный труп селянина?! Так это точно дело когтей и клыков циркового медведя, которому злобный жмот, коим является хозяин балагана экономит на еде! Из деревни пропали парни?! Так их увели те распутные девки из труппы, обольстив и заморочив головы своими чарами! Ату их, парни?! Ату!

Смирнов Андрей Викторович

Посвящается моему самому любимому артисту – моему сыну Михаилу. Он, как и все детки, может выступить и устраивать представления хоть целые сутки, как и герои моего романа. Вырастешь – прочитаешь, и, возможно, исправивши конец или напишешь более хорошую и достойную книгу.

Глава 1

На облучке сидел убелённый сединами, старый, как сама земля, гном. Лицо его походило на болезненную высохшую курагу, поскольку его прорезала обильная сеть глубоких морщин, а цвет кожи был желтовато-землистых тонов, напоминавших о бренности всего сущего и неизбежной кончине всего живого. Не добавляла задора и его густая длинная борода, которую вознице приходилось обматывать вокруг своей шеи наподобие шарфа, дабы та не путалась и не задевала земли при ходьбе. Глядя на него, можно было подумать, что сей персонаж застал те времена, когда земля ещё только зарождалась, боги были ещё совсем юными, и ходили под стол пешком, распугивая первую живность, только вылезшую из мирового океана. Впрочем, пусть гном и прожил долгую и насыщенную жизнь, но до старости ему ещё было далеко, поскольку для его нынешнего вида легко находилось простое объяснение. Морщины и огрубевшая кожа были не следствием почтенного возраста, сколько проклятием всех морских волков, поскольку солёный дубящий воздух морей был безжалостен к вездесущим двуногим, обветривая их лица за считанные годы и даже месяцы плаваний, а в море гном, судя по многочисленным татуировкам соответствующей тематики на его теле, провёл не мало времени. Болезненный оттенок кожи подгорного жителя объяснялся скорее пристрастием к табаку, коего гном выкуривал за день приличные порции, отчего всегда страдал жутким кашлем, но бросать сей дурной привычки не собирался. Он уже давно не чувствовал вкуса того, что дымилось и тлело в его резной трубке, созданной им вручную из кости крупной рыбы, именуемой в народе твердолобиком. Седые же волосы также можно было легко объяснить тем, что пришлось перенести, испытать, увидеть и выдюжить этому маленькому рудознатцу за свою насыщенную жизнь. Многие люди бы и вовсе слегли от подобных испытаний с инфарктом, но гном отделался лишь шрамами и рано побелевшими волосами. Вкупе всё это, вместе с надтреснутым кашлем, старило Арнолиуса на несколько веков, отчего его собеседники ошибочно не воспринимали коротышку всерьёз. И делали это абсолютно зря, поскольку за неполные пять прожитых столетий дядя Арни, как его звали друзья и знакомые, приключений и битв повидал столько, что их полное изложение заняло бы не один десяток, а то и сотню томов.

А кем только не побывал за свою жизнь этот убелённый сединами псевдостарец! Сменив два десятка профессий, среди которых были весьма мирные и спокойные, вроде шахтёра, ювелира, матроса или торговца, так и весьма экзотические и опасные, навроде солдата, наёмника, пирата, контрабандиста, монстролога, мага и прочая-прочая-прочая. За время своих странствий и осёдлой жизни Арнолиус обучился большому числу навыков, но лучше всего ему удавалось делать три вещи: торговаться и оценивать различные ценные вещи, бить всем морды налево и направо, как при помощи своих крепких кулаков и верного оружия, так и при помощи чар, а также профессионально поглощать алкоголь и табак в любых мыслимых и немыслимых количествах. Но всё же главные профессиональные успехи гном сделал на поприще магии, став искусным иллюзионистом, поскольку именно это направление чародейства давалось ему проще всего. Именно благодаря этому, а также накопившейся от приключений бесконечной усталости, Арнолиус решил испробовать себя в более мирном ремесле, став основателем и директором бродячей труппы артистов, желая немного отдохнуть от бесконечных побоищ. Благодаря своему таланту фокусника и иллюзиониста, а также солидному стартовому капиталу, обрётённому во многих походах, его любовь к приключениям и странствиям плюс тяга к спокойной жизни, наконец, смогла осуществиться, когда он придумал стать основателем балагана. Дом, который всегда с тобой, а также странствия, которые постоянно манили неусидчивого гнома вперёд – теперь эта мечта осуществилась.

Выбив остатки табака из трубки, гном полез в кисет за новой порцией, оглядываясь назад на крытые телеги своего балагана, коих было всего четыре штуки. Как и полагается лидеру,

он ехал в первой повозке-фургоне, которая служила ему спальней и маленькой квартиркой, возглавляя свой отряд. Его дом на колёсах тащил вперёд Малыш, глядя на чудовищные габариты которого любой здравомыслящий человек старался поскорее убежать, пытаясь при этом не кричать от страха, дабы не привлекать внимания чудища. Вообще, всем нравится называть огромных и сильных товарищей уменьшительно-ласкательными прозвищами, и нередко самый отъявленный драчун в любом коллективе зовётся не иначе как Малыш, Кроха, Пупс, Пятачок или как-то похоже. Ирония судьбы, не иначе. Тянувшее повозку дяди Арни существо было эттином – огромным двухголовым великаном, который с грохотом печатал дорожную пыль, гордо возвышаясь над небольшим караваном этакой мачтой. Росту в нём было на два с половиной человека, а весу хватило бы и на добрую дюжину. Гигант тащил фургон за небольшие краевые ручки, озираясь по сторонам обеими головами, с удивлением хлопая глазами, поскольку это чудо гор впервые видело вокруг себя столько песка. Балаган дяди Арни пересекал Восточную пустыню, среди могучих барханов которой вилась дорога торгового тракта, время от времени заносимая влекомым жаркими ветрами песком. Когда Малыша впервые обнаружили пару лет назад, то он был всего лишь напуганным диким подростком, промышлявшим людоедством, за что его и хотели убить и обезглавить (интересно, если срубить одну голову, вторая долго проживёт?) местные стражи правопорядка, но тут вмешался гном, который за большую сумму выкупил дикаря, поручившись за него своим честным именем. Дядюшку Арнолиуса знали по всему континенту, поскольку за время своей бурной молодости он успел побывать во всех его уголках, отметившись в разных его точках как с очень хорошей, так и с крайне поганой стороны. Среди своих соплеменников-гномов Арни был кем-то навряде живой легенды, настоящего героя, по которому сходили с ума все бородатые красавицы и на которого равнялась вся подгорная подрастающая молодёжь, чему их родители были весьма недовольны, так как своё подражание драгоценные чада начинали с табака и возлияний, а уже потом с тренировок магии и владению оружием. Только благодаря авторитету иллюзиониста, местные власти неохотно пошли ему навстречу, продав страшное чудовище, которое считали не воспитуемым и крайне опасным. Малыш и правда оказался настоящим дикарём, поскольку не знал никаких распространённых языков, общаясь между собой на неизвестном гортанном наречии. Все попытки эттина сбежать или напасть на гнома пресекались самым суровым образом, и, зачастую, при помощи магии. Раз за разом Арнолиус подступался к подростку, и вскоре ему удалось добиться успеха – эттин начал учиться речи, и стал намного более сдержанным в своих порывах, когда понял, что убивать его пока не собираются. Через несколько месяцев обучения, подростка худо-бедно удалось обучить самым простым словам и командам, а за год – простой речи.

За это время подросток из двухметрового нескладного дикаря вырос в трёхметрового молодого человека, обзаведясь приличными мускулами и довольно обширными для эттинов знаниями, однако кличка Малыш так и прилипла за ним до сих пор, когда великан вымахал уже за четыре метра. За это время стало ясно, что личности эттина были весьма противоречивыми, и чтобы не путаться в них, правую голову окрестили Рупертом, а левую Робертом. Руперт, или сокращённо Руп, оказался довольно живым и сообразительным, жадным до чтения и обучения, в то время как его брат Роб был туп, как пробка, и кроме низменных потребностей не интересовался больше ничем в жизни. И если любознательный Руп любил путешествовать, узнавать новое, читать и слушать новые истории, то его братец всему этому предпочитал крепкое пойло, обильную жратву и баб. С последним пунктом загвоздка была самой большой. Понятное дело, что жрал и пил этакий проглот от горла, и бочка вина у него уходила в один присест, но это было лишь делом денег, в то время как найти подходящую женщину для этого великана было проблематичным. Чистюля и книголюб Руперт всегда с презрением относился к желаниям своего брата, стараясь начитать на привале как можно скорее, пока Роберт не нажрался вина в хлам, потому как желудок у них был общий, а посему пьянели и насыщались сразу оба. А держать в трясущихся от возлияний крупных руках мелкую человеческую книгу было проблематично,

не говоря уже о том, чтобы сфокусироваться на малюсеньких буквах, которые гиганту казались микроскопическими. И если обильную еду Руп переживал без проблем, то вот алкоголь уже шёл хуже. Сущей же мукой стал интимный вопрос, поскольку добивался своего Роберт с упрямостью самого настоящего осла. Арнолиус понял, что либо он даст эттину требуемое, либо тот рано или поздно взбунтуется, и тогда результат может оказаться непредсказуемым и весьма плачевным. В лучшем случае верзила сбежит из балагана, в худшем же устроит погром.

Решение всплыло, как всегда, весьма неожиданно. В одном орочьем поселении, где труппа дядюшки Арни остановилась на ночь, желая скоротать тёмное время суток в относительно безопасном и обжитом месте, их представление имело оглушительный успех. И безусловной его причиной послужил именно Малыш, а никак не музыка, театральная постановка или танцы. Не успели ещё артисты раскланяться, как к Арнолиусу на поклон пошли орочьи вожди и шаманы, твёрдо вознамерившиеся выкупить у гнома его великана, дабы сделать лучшим воином племени. Естественно, что спор поднялся жуткий, как и вопли. В дело шли не только увещевания, но и угрозы с отборной руганью, поскольку согласия достичь никак не могли. Гном не хотел отдавать своего колоритного силача на растерзание зеленокожим, те же не могли ничем заинтересовать Арнолиуса, поскольку от денег тот упрямо отказывался. До драки доводить опасались, поскольку путешествующая группа была не из безобидных, особенно учитывая тот факт, что на её стороне был эттин и опытный маг-иллюзионист. Когда спросили самого Малыша, чего же хочет он сам, то туповатый и агрессивный Роберт высказался за переход в племя, в то время как Руперт голосовал за продолжение странствий в составе труппы, ведь в противном случае он лишился бы возможности к дальнейшему обучению и путешествиям. Когда даже сам великан не смог определиться со своей дальнейшей участью, нашлась одна светлая голова, которая предложила выход из патовой ситуации, дабы не прибегать к насилию. Малышу было предложено покрыть как можно больше орчих за ночь, чтобы те смогли понести от него и выносить детей-богатырей, на что согласились обе стороны и, особенно, сам Роб, который уже давно просил себе бабу. Для эттина нашли самых крупных женщин в племени, которые смогли бы пережить сношение с гигантом, и те радостно восприняли это известие, потому как каждая орчиха мечтает о подобном сыне. Почему-то все в ту ночь были уверены, что получившийся ребёнок, коли таковой случится, будет непременно мальчиком. Тогда труппе удалось уйти из поселения зеленокожих невредимыми благодаря неустанным бдениям своего самого большого товарища, но в память всем надолго врезалась эта странная ночь. Артисты ещё долго не могли позабыть, как жутко пыхтят и ревут огромные любовники, сам Малыш потом любовно вспоминал всю дюжину женщин, с которой он кувыркался до рассвета. Точнее, восхищался и смаковал все подробности довольный Роберт, в то время как бедняга Руперт страдал от недосыпа, проклиная всё на свете. После этого случая Арнолиус всегда старался находить в крупных городах могучих орчих, которые сами с радостью разделяли ложе с эттином, в той же самой надежде родить могучего ребёнка. Неизвестно, отцом какого количества детей мог быть Малыш, но теперь Роберт перестал ворчать, с большей охотой начиная путешествовать из города в город.

Вспомнив об этой истории, Арнолиус усмехается, глядя на могучую спину великана, тащившего его фургон вперёд. Облачён Малыш был в лоскутное одеяние, сшитое из шкур множества животных в некое подобие туники, а также штопанное-перештопанное, отчего он был похож на леопарда, поскольку цвета у шкур были самые разные – от угольно-чёрных, до желтоватых и почти белых (простите нас, северные медведи и волки). Пятнистый эттин был бы довольно забавным зрелищем, если бы не две тяжёлые алебарды у него за спиной, и пара двуручников на большом поясе, которые в лапищах великана казались игрушечными. Сам громила настаивал на привычной ему дубине, коей могло послужить любое дерево, вырванное с корнем из почвы, но гном упорно стоял на своём, раз за разом заявляя, что такие грубые

вещи присущи дикарям, но никак не образованным людям, что лишний раз польстило образованному Руперту.

– А ещё, для владения моим оружием требуется обучение! – продолжал настаивать на своём Арнолиус. – Ты же любишь учиться, а, Руп? И, кроме того, Роб, после обучения ты станешь ещё сильнее и опаснее чем раньше. Подумайте над этим, парни!

То оружие, которым опытные воины владели двумя руками, Малыш легко держал и управлялся одной, отчего алебарды для него были обыкновенными небольшими топорами, а двуручные мечи превращались если не в ножи, то в кинжалы, коими великан мог после небольших тренировок с одинаковым успехом как колоть и резать, так и метать в цель. А летевшая без промаха в цель алебарда или двуручный меч могли напугать кого угодно, уж поверьте! Многие разбойники и грабители благоразумно предпочитали не связываться с балаганом, когда видели, кто шёл в его главе, чем несказанно огорчали боевого Роберта, любившего подраться.

Арнолиус улыбнулся, откидываясь назад, предоставив могучему эттину, выполнявшему в труппе роль циркового силача и главного воина, тащить его кибитку вперёд самостоятельно без указаний со стороны хозяина. Следом за ними шла вторая повозка, впряжённая в большого чёрного пещерного медведя, который оказался дрессированным, и имел кличку Конан. Это живое существо также отпугивало любых потенциальных грабителей, а на ярмарках пользовалось неизменным успехом со стороны всей детворы, которые с удовольствием смотрели на трюки косолапого, а также катались на нём верхом. А ещё ребятня любила и эттина, который охотно соглашался поднять их за пару медяков вверх или усадить себе на могучие плечи, отчего спиногрызы с восторгом обозревали окрестности и казавшихся такими вдруг далёкими и маленькими маму и папу, оставшихся на земле. Родители к подобным развлечениям чад относились крайне разносторонне – папы, как правило, улыбались, глядя на довольных детей, в то время как матери кричали, падали в обмороки или усиленно потели.

Характер у огромного медведя был довольно простодушный, и он любил подурачиться, поспать и вкусно поесть. Лопал обжора всё, что попадалось ему под челюсти, не брезгуя также сырым или тухлым мясом, хотя больше всего любил рыбу и фрукты. За угощение Конан охотно выполнял различные трюки, которым его научил как Арнолиус, так и его прошлый хозяин, который проиграл своего питомца на ярмарке гному в кости. Труппе повезло приобрести в своё распоряжение довольно сильное, умное и уже обученное животное, которое не только вызывало интерес со стороны публики, но и озадаченность для всевозможного рода грабителей, желавших напасть на балаганщиков. А таковые находились регулярно, поскольку выглядели фургоны довольно презентабельно, как и их хозяева. Специально для Конана была изготовлена индивидуальная упряжь, благодаря которой он мог перевозить за собой подобно лошади крытую тележку, что часто использовалось как во время представлений, так и в путешествиях труппы между городами. Особенностью этой упряжи было то, что возница мог одним нажатием высвободить своего перевозчика от груза, чтобы Конан сразу же мог броситься на врагов, буде таковые нападут на караван во время путешествий.

Как правило, пещерный мишка тянул за собой небольшой фургон пёстрой расцветки всевозможных цветов, в котором путешествовала семейная пара артистов – Офелия и Зингар. Муж и жена, оба половинчики, или полурослики (в простонародье – низушки). По именам в труппе к данной чете практически никогда не обращались, поскольку у обоих были прилипчивые прозвища, которыми и пользовались все, кому не лень. Даму постоянно звали Стряпухой, и не без оснований, ведь именно Офелия всегда готовила еду на всю труппу, оказавшись толковым поваром и знатоком не только множества блюд, но и экстремальных рецептов, навроде, «что можно приготовить, если в буфете осталась одна только соль да перец». Даже в те редкие тяжёлые времена, когда балагану, что называется, «приходилось сосать лапу», делали они это разнообразно, смакуя её под различными нехитрыми приправами и соусами. Стряпуха

порой умудрялась приготовить даже такое, из чего никто из товарищей и в жизнь бы не догадался, что можно извлечь хоть какие-то питательные вещества.

Её муж Зингар был прозван всеми Ковригой, за его постоянную одинаковую меру для любых хлебных и сдобных изделий. Крошки, кусочки, ломти, краюхи, буханки и даже целые булочки, калачи и караваи у него неизменно назывались ковригами, которые он норовил умять как можно скорее. Appetit у обоих полуросликов, а также огромного эттина и медведя были такими зверскими, что они вчетвером (впятером, если считать две головы Малыша) ели едва ли не как целая рота голодных солдат. Однако надо отдать этим четверым должное, ведь и зарабатывали для труппы они также отменно. Офелия с Зингаром были отличными актёрами, и в театральных постановках практически всегда исполняли роли всех детей, карликов, гномов и иже с ними. Кроме того, Коврига был первоклассным мимом, который одними своими ужимками мог заставить рассмеяться даже каменного голема, а его жена, крутившаяся как белка в колесе на походной кухне, ухитряясь делать десять дел одновременно, в совершенстве овладела искусством жонглёра. Зрители с воодушевлением аплодировали летавшим в её руках мячам, ножам или факелам во время представлений, в то время как коллегам больше нравилось наблюдать за полётами её отменнейших горячих блинов с многочисленных раскалённых сковородок по их тарелкам. Кроме того, Стряпуха и Коврига сами выглядели на редкость аппетитно – румяные, пухлощёкие, все такие сдобные и слюновыделительные, что в голодные времена (а случались у труппы и такие) эттин и пещерный медведь с нехорошим блеском в глазах облизывались на бедных полуросликов. Из недостатков семейной пары можно было выделить их смертоубийственную привычку закармливать товарищей до полусмерти (тут, в основном, виновата Стряпуха) или передразнивать коллег, доводя их до белого каления. Это мим Коврига старался оттачивать свои актёрские навыки всегда и везде, пародируя товарищей по труппе, что тех не могло не бесить по понятным причинам. Хотя раздражало это лишь поначалу, потом же все попривыкли к половинчикам, и перестали так остро реагировать на их реплики и жесты, пропуская большую часть их словесных потоков и ужимок мимо глаз и ушей.

Офелия (удивительное для дам дело!) держала при себе ручную крысу, которая всегда ползала по своей хозяйке, тычась любопытным носом во все дела. Звали серую зверушку Дега, что было сокращением от слова дегустатор. Завели животинку чисто из практических соображений – иногда в долгих переходах приходилось иметь дело с пищей и водой сомнительного качества, и тут-то на помощь и приходила умная крыска, которая безошибочно определяла, что можно отправлять в рот и в котёл, а чего следует избегать.

В фургоне низушков также хранились большие запасы пищи балагана, поскольку Офелия готовила зачастую прямо на ходу, пока её муж правил телегой, меланхолично погоняя Конана, хотя медведь, как правило, в этом не нуждался. Умный зверь уже привык, что в долгих переходах ему следует топтать за повозкой хозяина, который жил в своём фургоне в гордом одиночестве, не допуская туда никого постороннего.

Следом за Стряпухой и Ковригой медленно ехало нечто неопределённое, которое никак не могло определиться, к какому классу транспорта ему принадлежать. До кареты этому экипажу было далеко, но и обычным фургоном его назвать было сложно, поскольку эта плотная коробка имела самую настоящую дверь и небольшую лесенку, по которой следовало выбираться наружу, а также пару окошек. По объёмам эта телега была самой большой и единственная претендовала на некую роскошь, возвышаясь над прочими товарками как в физическом, так и в моральном плане. Разнообразия ради стоит отметить, что этот небольшой дом на колёсах был запряжён не очередным диковинным зверем или существом, а парой коней-тяжеловесов, которые с усилием продвигали свою ношу вперёд. Не будь под копытами умных и выносливых животных полотна дороги, тогда бы передвижение этого фургона повесили на силача эттина, который всегда занимался тем, что вытягивал из грязи и бездорожья застрявшие телеги, и тащил их едва ли не на себе.

На облучке обнаружилась мускулистая девушка, ещё две сидели внутри, беседуя между собой. Три сестры, три яркие звезды балагана дяди Арни, три причины, почему все мужчины так любили представления этой труппы. Все девицы обладали иссиня-чёрными волосами, смуглой кожей и миндалевидным разрезом глаз, но на этом их родственные сходства заканчивались. Старшую звали Вира, и она была самой высокой и атлетичной из всех сестёр, обладая не в пример лучше развитой мускулатурой. Нира была младше её на год, ниже на голову, но при этом была самой большегрудой и наделена природой тем, что мужчины называют приятной полнотой. Ни капли лишнего жира, всё настолько идеально, что удовлетворяет запросы как любителей пышек, так и тех, кто предпочитает стройняшек. Зато младшая из трёх сестёр – Лири, была самой маленькой и щуплой, но также не лишена определённого шарма и красоты.

Вообще-то, в семье Скавенов, откуда сёстры были родом, детей было в два раза больше. У их отца и матери – видной четы торговцев шёлком, была навязчивая мания и полное отсутствие фантазии. Семейная пара (а вернее её глава семейства) страстно возжелала во что бы то ни стало обзавестись наследником, коим, по традиции, должен быть старший сын. Однако из шести детей ни одного мальчика не уродилось. Все красавицы дочери носили схожие имена из четырёх букв, двух слогов, и различались лишь первой буквой, что стало следствием, как мы уже отмечали, небогатой фантазии родителей. Когда торговцы, наконец, сообразили, что небеса не торопятся одаривать их наследником, решено было учить семейному делу и передавать в дальнейшем бразды правления Вире, которая была второй по старшинству из детей, поскольку самую старшую дочь к тому моменту уже выдали замуж. Однако в этот момент три девушки увильнули хвостами, сбежав из отчего дома с путешествующим балаганом дяди Арни, заставив родителей кусать от безысходности локти, ведь две оставшиеся девочки – Дири и Миря были слишком малы для обучения и наследования, а пускать с трудом запущенный бизнес с молотка вовсе не хотелось. Поэтому торговцы снова вздохнули, принимаясь за производство наследника, держа подрастающих девчушек в поистине тюремных условиях, чтобы те не смогли сбежать подобно их более старшим и неблагодарным сёстрам. Кто знает, вполне возможно, что сейчас у Виры с Нирой и Лирой и появился братик или новые сёстры, однако выяснять этого девушки не собирались, поскольку возвращаться домой не желали. Им пришлась по душе жизнь бродячих артистов, а также все те путешествия, приключения и новые страны, которые они повидали в составе труппы.

Все девушки были до одури хороши собой, хоть и не похожи друг на друга. В группе им выпала редкая честь стать танцовщицами, актрисами и акробатками, поскольку гибкости и пластике сестёр могли позавидовать не только люди, но и любые змеи, пантеры и прочие хищные, но грациозные существа и животные. Все они всегда выступали в довольно открытых и свободных одеждах, что позволяло им не только легко танцевать, но и выполнять различные чудеса при помощи своих тел. Шпагаты, сальто, живые пирамиды, складывания своих тел в нечто невообразимое, а также излюбленные номера толпы – метание ножей в исполнении Виры, танец живота Ниры, и номер с саблями миниатюрной Лиры. Всё это приковывало внимание зрителей похлеще, чем любой спектакль или номера с Конаном и Малышом, ну а уж их совместные выступления и вовсе заслуживали самых настоящих оваций и бурю щенячьего восторга.

Стоит отметить, что характеры у девчушек, как и их телосложение, отличались разительно. Вира была довольно нахальной и заносчивой особой, готовой при помощи силы доказывать всем и каждому своё превосходство, и на дух не переносила тех мужчин, которые были по её мнению слабее её. Хохотушка Нира болтала без умолку, при этом норовясь соблазнить всё, что было мужского пола и затащить к себе в постель, в то время как Лири была угрюмой молчуньей, разговорить которую было очень проблематично и имела небольшие проблемы с контролем ярости, отчего страдала вся труппа. Арнолиусу и сёстрам постоянно приходилось одёргивать

Ниру, чтобы та вела себя тише и скромнее, но девушка попросту не умела молчать и находиться не в центре внимания, флиртуя со всем, что могло говорить.

У девушек был самый большой фургон по той простой причине, что у них был самый большой из всех гардероб, что было вполне объяснимо. Кроме множества повседневных одежд (как и у всех обычных дам) у сестёр было много парадных, а также танцевальных и сценических костюмов, отчего общий размер гардероба мог сравниться с каким-нибудь гаремом падишаха по размерам. Чтобы фургон мог двигаться, а не рухнуть под тяжестью всех нарядов, девушки в складчину приобрели безразмерный сундук, который вмещал в себя множество всякой всячины, при этом не становясь тяжелее или объёмнее. При желании туда можно было запихнуть и самого настоящего слона, если таковой смог бы влезть в неширокий проём целиком. Хотя по частям туда эта зверюга вошла бы точно. Помимо этого большая часть арсенала труппы также хранилась в безразмерном хранилище, поскольку Вира не только метала ножи, но и коллекционировала любое короткое клинковое оружие, коим владела в совершенстве, поскольку драки были её главной страстью после выступлений. Кроме того, сабли и кинжалы были необходимы и её сёстрам, поскольку те с ними не только танцевали, но и проделывали различные трюки. Помимо оружейной и гардеробной функции фургон и сундук девушек являлся самой настоящей сокровищницей, поскольку подарков от различных кавалеров красавицы накопили столько, что впору было открывать ювелирную лавку. Также, против воли Виры и Лиры в их волшебном вместилище хранился частично и провиант труппы, поскольку еды такие пролоты как Малыш, Конан и Коврига со Стряпухой поглощали очень много. Поскольку еда могла запачкать одежды или оружие, сёстры были против подобного соседства, и лишь одна Нира не возражала против подобного, поскольку это позволяло ей подкрепляться в любой момент или кормить своего ненаглядного боа-констриктора или попросту удава.

Зверюга эта была более двух метров длины и весила соответственно много своим размерам. Песчаного цвета змей звался нежно «Обнимашкой», поскольку любил обвиваться вокруг туловища любого теплокровного существа, и, особенно, на плечах и талии своей хозяйки. Нира использовала удава в своих танцах, что лишь ещё сильнее интриговало публику, а также любила охлаждаться о своего питомца, когда жара становилась совсем изнуряющей. Накинет, бывало, себе на плечи свою змею, когда станет совсем неспособна, и начнёт улыбаться, когда Обнимашка станет забирать с неё тепло на себя. Боа был жутким флегматиком, поскольку Нира всегда кормила своего питомца вусмерть, чтобы тот не вздумал нападать на неё или сестёр.

Другие девушки с опаской относились к хладнокровной тварюге, хотя сами держали не менее экзотических питомцев. Верная себе Вира приручила пару королевских скорпионов, назвав их Инь и Янь, держа их во вместилищем аквариуме. А у Лиры обнаружился мохноногий паук размерами с добрую кошку, которого ей подарили во время гастролей по тёмным пещерам Подземья. Знатному тёмному эльфу так понравилось выступление девушки, что он долго умолял её принять от него в дар самого своего лучшего арахнида, которых разводил, будучи опытным монстрологом. Сама гимнастка ужаснулась подобному подарку и начала усиленно от него отказываться, но опытный дядя Арнолиус убедил девушку передумать.

– Негоже злить тёмных эльфов у них в доме! – одёрнул он свою подопечную. – Кроме того, паука можно будет продать позже, когда мы покинем Подземье!

Однако когда балаган выбрался из дремучих пещер под жаркое южное солнце, Лира уже успела привыкнуть к своему мохнономому питомцу, который оказался весьма милым созданием, получившим кличку Мягкоступ. Сами питомцы сестёр долгое время относились друг к другу не иначе как к еде, поскольку паук постоянно примерялся к скорпионам, а боа голодным удавом паялился на кругленького восьмипалого паршивца, который взял за правило развешивать довольно крупную паутину в самых неожиданных местах. Помимо охотничьих сетей Мягкоступ легко бросался в бой, самостоятельно уничтожая различных ящериц, грызунов и крупных насекомых. Кроме самих девушек их странных ручных животных никто

особо не любил, поскольку справедливо опасались однажды ядовитого укуса либо смертельных холодных объятий, однако скорпионы, паук и удав быстро уяснили, что товарищей по коллективу и друг друга есть категорически запрещено. Если бы питомцы не выступали вместе со своими хозяевами, то остальные бы уже давно проголосовали за их умерщвление и продажу, однако публике они нравились, поэтому приходилось мириться с подобным соседством. Хотя, надо отдать девушкам должное, они старались не выпускать своих зверушек из фургона без присмотра, чтобы не нервировать товарищей и не провоцировать их на расправу.

Последний фургон в балагане был чем-то вроде мужского общежития, и также передвигался благодаря паре лошадей, которых погонял вечно флегматичный Атос. Откуда этот хмурый тридцатилетний мужчина был родом, никто не знал, но все понимали, что он из благородных. Это чувствовалось по его осанке, манерам, точёному профилю и высокому лбу, благородным бородачке клинышком и франтоватым усам, а также по излишне спокойному голосу, который артист никогда не повышал вне сцены. Даже если бы над их караваном сейчас начали кружиться драконы, Атос продолжал бы упрямо молчать, всё так же хмуро погоняя лошадей и доставая из-под сиденья свой верный арбалет. Стрелком и фехтовальщиком он был отменным, в чём все уже успели убедиться не один раз, когда на балаган нападали грабители во время долгих утомительных переходов. Усиливали подозрения труппы в благородном происхождении спутника также и его изящный меч с кольчугой, которые были слишком дорогие для обычного солдата или простолюдина. Хитрый Коврига не раз и не два пытался рассмотреть их поближе, чтобы обнаружить клеймо мастера или родовой герб на оружии с доспехом, но его всегда ловили с поличным, отчего потом уши у половинчика всегда становились приятно пунцово-розовыми. Кроме того, дворянин был единственным в труппе, кто обладал собственным выносливым скакуном буланой масти, прозванного им ласково «Золотце». Конь и вправду был этого цвета, всегда блестя на солнце безукоризненно отмытой шкурой, когда с него снимали попону и седло.

И если с товарищами и незнакомцами Атос был крайне сдержан и молчалив, то на сцене он блистал. Лучшего артиста придумать было крайне сложно, поскольку тут дворянин был как рыба в воде. Его мастерские импровизации, отличный бархатистый голос, а также великолепная жестикация буквально заставляли публику влюбляться в Атоса, которому одинаково хорошо давались любые роли. Злодеи и добряки, распутники и монахи, воины и трусы, монархи и бедняки – он мог изобразить кого угодно с одинаковым успехом.

Именно поэтому ему постоянно завидовал следующий член их труппы, самый настоящий менестрель, который отрекомендовался всем как «Эванс-с-с-с де Грей», старательно растягивая букву «с» в конце своего имени, а также всегда добавляя приставку «де» к фамилии, безуспешно стараясь доказать всем, что он, как раз таки, из числа благородных кровей Севера. Само собой, что барду никто не верил, хотя и относились к нему с уважением. Частично из-за его таланта, поскольку тот здорово намонстрировался не только играть на всех музыкальных инструментах, но и сочинял хорошие стихи и миниатюры, которыми смешил и печалил всех зрителей и товарищей по группе. Кроме того, Эванса уважали также и за его верного спутника, который всегда был при менестреле, коим оказалась боевая псина приличных размеров, отылавшаяся на Сорбонну.

Излишне утончённый от кончика своих щегольских усиков до носков своих безупречных туфель, франт и повеса Де Грей не обладал особыми боевыми навыками, отдав все защитные функции своему питомцу, который красовался в клёпанной коже и ошейнике с шипами, сделанными под заказ. Глядя на многочисленные шрамы на морде поджарой Сорбонны, можно было с уверенностью сказать, что та знакома с когтями и клыками хищных тварей, а также с ножами грабителей не понаслышке. Упитанная молосс (так называлась эта порода) обладала обрубком хвоста и ушей, которые были либо сотворены искусственно, либо потеряны в боях.

Когда намечалась заварушка, Сорбонна также получала специальный шипастый шлем, который защищал голову псины от ударов.

Эванс всем хвалился, что этого замечательного телохранителя ему подарили в псарнях самого Вигора, короля Эоса, поскольку он выступал аж перед самим монархом, который остался так доволен, что настоял на подобном подарке. Вообще, де Грей любил прихвастнуть по поводу и без, приписывая себе такие головокружительные знакомства и романы, что многие слушатели лишь хмыкали и недоверчиво качали головами. Сам же менестрель всегда пытался соревноваться с Атосом в актёрском мастерстве, хотя дворянину было глубоко наплевать на потуги «певуна», как Эванса иногда кликали за глаза. Как правило, во всех спектаклях этим двоим доставались роли врагов, отчего де Грей был всегда в восторге, в то время как его напарнику по сцене было глубоко безразлично.

Ещё у Эванса была одна глубокая страсть, которая постоянно влекла за собой разнообразные беды. Менестрель слыл жутким бабником и подкатывал ко всему, что могло носить юбки. Он раз за разом штурмовал фургон сестричек, и даже умел пару раз совратить Ниру, которая не возражала против подобного поворота событий, однако Лира и Вира постоянно держали оборону, не подпуская к себе барда ближе, чем на расстояние удара кулака. Один раз менестрель покинул их фургон с подбитым глазом, поскольку ухаживания Эванса наскучили девушкам, а Вира и вовсе всегда открыто заявляла, что:

– Разделить ложе с тряпкой, не способной постоять за себя – верх позора! Я возьмю только с тем, кто сумеет победить меня в честном поединке, и никак иначе! Запомни это хлыщ, когда снова вздумаешь ко мне подкатывать со своими стихами!

– Подумаешь! – ответил ей на это глубоко уязвлённый и оскорблённый де Грей, старавшийся не выказывать этого на глазах у посмеивающихся товарищей. – И не такие красотишки ломались под моим напором, и ты с сестричкой также рано или поздно окажешься подо мной!

Арнолиус рассмеялся, услышав подобное обещание, и заключил пари с несколькими артистами, случится подобное когда-нибудь или нет. Сам гном считал, что скорее небо упадёт на землю, нежели Де Грей переспит с кем-то ещё в труппе, однако через неделю случилась самая настоящая гроза с мордобоем. Эвансу удалось совратить неизвестным макаром Офелию, что стало известно её разъярённому мужу Ковриге, а также всем прочим. Если бы не вмешательство Сорбонны и прочих артистов, то всё перешло бы на поножовщину, и труппа наверняка бы распрощалась навеки с одним из артистов. Естественно, что Стряпуха тотчас в извечной женской манере поспешила сообщить, что она не виновата, её совратили, на что она довольно активно сопротивлялась. Поверить в это было сложно, поскольку когда любвеобильную парочку застукали с поличным, Офелия смеясь игралась с кудрями на голове голого менестреля, который с жаром читал ей стих собственного сочинения. Отсутствие одежд на охальниках говорило само за себя, как и заплывающий глаз де Грея и Стряпухи, поскольку Коврига всё же успел наказать обоих до того, как в дело вмешалась агрессивная псина паскудника-барда, а также выскочившие на шум товарищи. Мирились тогда между собой половинчики долго и громко, и их крик далеко разносился над песками Восточной пустыни, где на ночёвку встал их небольшой караван. К счастью, путь в обе стороны оказался таким долгим, что уходить из труппы прямо сейчас было смерти подобно, а к концу путешествия Коврига смягчился, решив не уходить из балагана и не прогонять неверной жены. Чем коротконогая малявка смогла приглянуться повесе-менестрелю не знал никто, хотя злые языки шептались, что переспал он со Стряпухой из-за спора или чтобы отомстить её муженьку, который (слуханное дело!) любил подкалывать де Грея и тренировался на нём в ремесле мима.

Теперь же Эванс, которого прозвали змеем-соблазнителем из-за его непреодолимой тяги к совращению женщин и постоянному сипению при выговаривании своего имени, занёс Ковригу в разряд своих врагов, и занимался тем, что составлял оскорбительный памфлет в честь воинственного рононоса.

Третьим обитателем мужской телеги-общезития и последним в труппе оказался тихий и безобидный полуэльф, выглядевший идеальной жертвой. Он всегда собирал все смешки и угрозы в труппе, поскольку закрепившееся за ним лёгкое косоглазие и небольшое заикание стало предметом многочисленных насмешек со стороны товарищей по труппе. Звали полукровку Назин, но многие намеренно добавляли к его имени побольше букв «з», поскольку именно с этим звуком у мужчины были связаны самые большие проблемы.

– Над тобой родители специально издевались? – постоянно приставал к полукровке бард, довольный тем, что в группе есть ещё более слабый и беззащитный объект. – Они специально дали тебе такое имя, которое ты не можешь выговорить без заикания?!

– Иди в з-з-задницу! – обычно отвечивал полукровка, чем лишь ещё сильнее раззадоривал болтливую менестреля.

В целом, Назин был довольно тихим и незаметным малым, стараясь не показываться без нужды лишним раз на людях. На сцене он выступал чаще в роли статиста, либо ограничивался короткими репликами, желательно не содержащими проклятушей буквы в словах. Был полуэльф мягкотел, слаб и выглядел довольно смешно, поскольку косоглазых остроухих в мире было всего ничего. Драться Назин не любил и не умел, постоянно норовя спрятаться под телегу или убежать, когда начиналась любая заварушка. Однако у него имелся один очень жирный плюс, который перечёркивал все его недостатки – полуэльф был чертовски талантливым писателем, сочинявшим часть номеров и практически все пьесы для труппы. Вдохновения для новых историй Назин обычно почёрпывал в рассказах старины Арнолиуса, главы труппы, который любил по вечерам в переходах порассуждать у лагерного костра и повспоминать о былом. Учитывая богатый послужной список пожилого гнома, материалов для баллад и пьес у него было на много томов вперёд – надо было только слушать и задавать уточняющие вопросы. Естественно, что по просьбе дяди Арни и по своим соображениям автор немного искажал эти истории, дабы ни у кого не возникло вопросов в их реальности, ведь прошлое хозяина балагана было не только героическим, но и порой откровенно криминальным.

Если у Атоса Коврига всегда мечтал найти клеймо на оружии или доспехе, то у Назина его интересовало другое – огромный талмуд, который полукровка постоянно таскал с собой. Книжища была такой тяжёлой и внушительной, что ей можно было легко ломать черепа или заслоняться от стрел и мечей, благо переплёт был укреплен прочной кожей и полосками металла. Сам полуэльф писал внутри книги только в те моменты, когда рядом никого не было, и при малейшем подозрении, что за ним могут подсматривать или хотят отобрать талмуд силой, он быстро захлопывал свой гримуар, щёлкали автоматические скобы и замки, наглухо запиравшие его опус ото всех. Как книга открывалась, также никто не знал, кроме самого хозяина.

Поспорить в массе и габаритах талмуд Назина мог только с огромным гроссбухом Арнолиуса по смете доходов-расходов его труппы, а также его личным дневником, который был практически у каждого гнома. Именовались такие гномские толмуды как «Книги Обид», куда бородачи скрупулёзно вписывали имена всех своих обидчиков, а также описывали все случившиеся с ними подставы. Напротив каждой отмщённой обиды они ставили руну, которая указывала на необходимость свершения мести, либо уже указывала на совершение правосудия. Мстили гномы обычно больно, не «око за око», а ещё хлеще, что часто заканчивалось смертельными исходами или иными катастрофическими последствиями. У кого-то из подгорных обывателей такая книга была тонкой, не больше пары десятков листов, но Арнолиус же собрал такой огромный талмуд, что им, как и гроссбухом с талмудом Назина, легко можно было пользоваться как щитом или оружием. Однако, справедливости ради, стоит отметить, что большая часть обид неусидчивого гнома, ищущего приключений на свою пятую точку, была отмщена, и лишь одиноким мерзавцам удавалось избежать возмездия. Большая часть таких счастливицков, правда, умерла от сторонних причин, что Арнолиус также всегда отмечал в своём талмуде, сожалея о том, что очередной мерзавец пал не от его руки.

Вот таков был состав этой труппы актёров, чей балаган упрямо пересекал большую пустыню с восхода на закат, неспешно следуя за садившимся солнцем.

Пустоши и пески Арнолиус не любил. Как можно любить бескрайние степи или пустыни, где нет ничего примечательного на многие дни пути? Гном любил путешествовать, узнавать новое, но монотонные путешествия по ледяным или песчаным пустыням кого хочешь вгонят в тоску или ужас. Однажды, помнится, Арнолиус заблудился в тундре, когда началась снежная метель (снег, он, кстати, тоже с тех пор возненавидел), и все пути занесло. Пургу он тогда переждал в так кстати подвернувшейся небольшой пещерке, в которой было холодно и пусто. Когда-то это было лежбищем какого-то хищника, поскольку на полу валялись многочисленные заплесневелые кости, покрытые толстым слоем пыли. Тогда Арнолиусу пришлось узнать, что такое настоящий голод, когда он по многу часов вываривал эти останки, в надежде сварить хоть какой-то бульон. Благо, что недостатка в жидкости тогда не было – снега снаружи было столько, что гном всерьёз опасался, что его может замести намертво. Тогда он истратил все немногочисленные скудные припасы и порубил весь чахлый кустарник у входа, чтобы раздобыть хоть немного топлива для костра.

Песчаные пустыни также не оставили у него приятных воспоминаний, поскольку один раз подельники по банде решили избавиться от своего командира, чтобы забрать все трофеи от разграбленного каравана себе. Они оставили Арнолиуса без воды, что, по идее, должно было убить гнома, но тот всё же смог доползти до караванного пути, где ему попались добрые погонщики, спасшие от жажды. Своим подельникам мстительный гном отомстил очень быстро, поскольку представился своим спасителям пострадавшим разбойником, заявив, что знает, где находится логово злодеев, сдав своих бывших подельников с потрохами. После этого в книге обид Арнолиуса добавились довольные красного цвета руны, которые он всегда рассматривал с любовью и удовлетворением.

Балаган медленно продвигался по Великому Торговому Тракту – большой каменной дороге, которую проложили на континенте уже очень и очень давно, соединяя все крупные государства между собой. Своеобразным центром этого торгового маршрута был Белокамень – столица южного государства Эос, и именно в этот город сейчас и направлялись лицедии, дабы заработать там побольше золота. Кроме Арнолиуса и Эванса-Змея там никто раньше не бывал, поэтому все с нетерпением желали лицезреть жемчужину Юга во всей его красе. По праву Белокамень слыл самым большим и самым крупным городом из ныне известных, а посему и самым богатым и красивым.

Закашлявшись, Арнолиус сплюнул табачную слюну прямо на потрескавшиеся камни Тракта, которые частично занесло песком. Гном проследил за парочкой перекати-поле из непонятной соломы и колючек, скакавших по ветру в сторону ближайшего бархана, и от намётанного взора хозяина балагана не укрылось то, что ему не понравилось. На мгновение из-за гряды показалась небольшая зеленоватая ряха, и принадлежала она точно не глупой ящерице. Уж кого-кого, а орков маг мог узнать даже издали.

– Так-с! – подумал Арни, неторопливо откладывая в сторону трубку. – Кажись, мы только что въехали в поле засады очередной пустынной шайки.

Гном быстро оглянулся назад, но никто из его труппы не выказывал беспокойства. Коврига что-то меланхолично жевал, запивая еду водой из бурдюка, его жена возилась с посудой внутри фургона. Вира правила лошадьми, глядя вперёд, и лишь один Атос знаками показал начальнику, что увидел опасность. Таким же макаром гном безмолвно показал артисту делать вид, что ничего не было, и тот понятиво кивнул, продолжив понукать лошадей. Арнолиус надеялся на то, что вид великана-эттина и медведя Конана легко отпугнёт потенциальных грабителей, и боя не состоится. Нет, поймите правильно – гном не боялся хорошей драки, тем более, что он был отличным магом-иллюзионистом, но вот за остальных он переживал. Как-

никак, удел артистов это сцена, но никак не потасовки на каждом углу. Шрамы и переломы уродуют театралов, отчего те зачастую вынуждены покинуть сцену раньше срока, а его труппа приносила хорошие барыши, терять которых пожилому гному вовсе не хотелось.

Кроме того, неизвестно ещё, сколько там прячется за барханами этих разбойников, которых могут спровоцировать на атаку паника среди артистов, узнавших о засаде. А так, глядишь, и пронесёт. Вид мерно шагавшего с гулким топотом Малыша мог отпугнуть кого угодно, поэтому стоило надеяться на то, что орки беспрепятственно пропустят небольшой караван, не решаясь атаковать исполина. Теперь только стоило надеяться на то, что Роберт не увидит прятавшихся грабителей, ведь тогда эттина остановить будет уже попросту невозможно. Охочий до любых разрушений и драк, Малыш тут же ринется в бой, наплевав на все условности, на коллег и на общее количество врагов. Правая голова Руперта могла и умела сдерживать свой гнев, часто останавливая брата, поэтому переживать следовало только за Роба.

Передав поводья тренькавшему на лютне от безделья Эвансу, Атос легко и быстро вскочил в седло Золотца, быстро нагоняя головной фургон. Не успел он поравняться с Арнолиусом, как тот кивнул головой, показывая, что знает о засаде.

– Я видел орка впереди! – прошептал артист гному. – Кажется, что засада будет между теми двумя барханами, где Тракт делает поворот – место просто идеальное. Можно обстрелять караван с барханов, пока остальные заходят с тыла и с фронта.

– Я тоже так считаю! – так же тихо ответил маг своему подопечному. – О, смотри, зашевелились!

И правда, из-за гребня впереди расположенного бархана снова показалась голова дозорного, которая быстро скрылась, совершив беглый подсчёт сил приближающихся артистов.

– Медленно отправляйся назад и предупреди всех, – сказал Арнолиус, набивая табак в трубку. – А я пока перекурю, ещё есть время. Только пусть труппа не гоножится раньше срока! Я прикрою нас всех магией, если эти твари решатся атаковать, так что всем сохранять спокойствие, и делать вид, словно мы ни о чём не подозреваем. Возможно, что нам удастся пройти вперёд без боя, поскольку не каждый рискнёт связываться с нашим Малышом.

Словно услышав, что про него завели речь, эттин поворачивает обе свои головы назад, чтобы посмотреть на гнома. Великан не сбавляет шага, уверенно продолжая идти вперёд и тащить телегу начальника вперёд.

– Да? – как ни в чём не бывало выпускает струю дыма в воздух Арнолиус. – Что такое, парни?

– Долго ещё топтать до обещанного оазиса? – осведомился вежливый Руперт.

– Я гадить хочу! – тут же перебил его бесцеремонный Роберт. – И жрать! И спать! Когда уже будет привал?!

Сделав знак Атосу отъезжать обратно, дабы предупредить остальных, гном прищурился, глядя в глаза по очереди каждой голове эттина.

– За теми барханами уже недалеко, – ткнул вперёд мундштуком трубки хозяин балагана. – Если поднажмём, то за час или два обернёмся, и уже будем нежиться под пальмами у озера, если оно ещё не обмелело за те два десятка лет, что меня тут не было.

– Ладно! – отвернулся обратно Роб, шмыгнув носом. – Час я потерплю! Но потом брошу всё к чёртовой матери и...

– Ты не сможешь! – мягко остановил очередной зарождавшийся демарш Арнолиус. – Ты связан с моей труппой контрактом, помнишь?

В ответ донеслось зловещее рычание, которое можно было трактовать по-разному, в том числе и как согласие.

– А может, – так же мягко напомнил великану гном. – Ты уже подзабыл о том, кто тебя спас от верной смерти?! Разве я мало дал вам взамен, Роберт и Руперт? Не займись я вашим воспитанием, вас вскоре бы окружила толпа крестьян или стражи, а потом рано или поздно

одолели бы вас. А уж если среди врагов оказались бы маги – тогда тебе вообще бы пришлось туго, Малыш!

– Не называй меня так! – прорычал Роб. – Сколько раз можно просить об одном и том же?!

– Так ведь и я тебя постоянно прошу сдерживаться, но толку? – Арнолиус закашлялся, поскольку его скрутил очередной спазм.

Он постоянно твердил всем, что ничего страшного его кашель не представляет, и к доктору он идти не собирается.

– Это всё треклятые рудники! – упрямо утверждал гном. – В пору моей бытности рабом. Ну или долбанная тундра с её метелями и пургой во время войн. Хотя, пески Восточной пустыни или солёный воздух Южных морей в мою бытность грабителем, пиратом и торговцем тоже могли сделать своё чёрное дело!

– Может, всё дело в табаке? – постоянно пытались усомниться в словах начальника артисты. – Знамо дело – от него голос ломается, меняется цвет кожи, появляются морщины и постоянно тянет кашлять.

Этим лицедеи намекали на общий внешний вид главы труппы, который, как уже упоминалось ранее, своим лицом был похож на болезненную высохшую курагу, изрезанную сетью безжалостных морщин. Голос Арнолиуса также оставлял желать лучшего, поскольку звучал надтреснуто, и часто прерывался мощными приступами кашля.

– Дядя Арни! – тут же обычно вступала в дело младшая из сестёр, которая почитала гнома практически за отца. – Может, ты хотя бы на время перестанешь курить, чтобы убедиться в правоте наших слов? Вот увидишь – через пару недель тебе сразу же станет лучше!

– Я перестану курить только тогда, когда моё тело сожгут или предадут морю с землёй! – бурчал в ответ Арнолиус. – И вообще! Тебе-то откуда знать, каково это бросать курить? Тебе сколько хоть годков, а?

– Восемнадцать! – тут же гордо вскидывала голову девушка. – А знаю я, поскольку мой отец постоянно бросал свой кальян, когда ему становилось худо. От него все хвори и шли. Однако стоило ему только выздороветь, как он опять принимался за своё, и так раз за разом!

– В твоём возрасте многие девушки уже давно замужем и усердно рожают, а не лезут со своими нравоучениями к почтенным гномам! – тут же начинал бурчать Арнолиус.

Отговорить гнома от табака или пива было практически бесполезно, а порой и так же опасно, как насмехаться над их бородами, которые все подгорные обыватели холили и лелеяли пуще собственных детей.

Арнолиус снова покосился на гребни приближавшихся барханов, с удовлетворением отметив, что паники его артисты не поднимают. Никаких тебе шумов и причитаний сзади, всё тихо, чинно и мирно. Вопрежнему под своей тяжёлой шкурой медведю было жарко, и бедный Конан плёлся вперёд, не обращая внимания на происходящее, хотя он запросто мог учуять орков издалека. Один раз Коврига прямо на ходу позволил животному вдосталь напиться, отчего караван на время приостановился, но выглядело это так обыденно и спокойно, что у наблюдавших потихоньку за этой картиной орков не возникло никаких опасений. Зато этот небольшой перерыв был использован остальными с толком, поскольку все артисты, не сидевшие на облучках, начали облачаться в доспехи и готовить оружие к бою.

Через пять минут балаган подъехал к барханам, и Арнолиус поспешил убрать трубку за пазуху, освежая в памяти нужные заклинания. Если на караван захотят напасть, то произойдёт это явно с минуты на минуту. Нужно быть готовым наложить защитные чары, а также спрятаться внутри повозки от стрел, которыми орки их будут осыпать, чтобы пережить первый залп. Лучше бы, конечно, обойтись без боя, но уж коли дойдёт до битвы, грабители очень сильно пожалеют о том, что связались с труппой Арнолиуса!

Испортила всё Сорбонна, которая доселе мирно дремала в телеге, но теперь стрелой вылетела наружу, начиная залихватски лаять на застывших за барханами грабителей. Эванс, облачавшийся в броню, не успел перехватить собаку, и теперь обе стороны поняли – секрета больше нет. Дремавший от скуки доселе Малыш тотчас встрепенулся, с радостным рёвом бросив повозку патрона прямо посреди тракта, вооружаясь гигантскими алебардами, которые в его лапищах казались маленькими топориками, после чего бросился в сторону бархана, на который брехала псина де Грея.

Разбойникам не повезло дважды. Во-первых, балаган немного не добрался до точки перекрёстного обстрела, а во-вторых, чёртовы караванщики благодаря чуткости молосса оказались предупреждены, и теперь задача усложняется. Однако самым противным было не это, и даже не оравший в два горла великан, стремительной тяжёлой поступью летевшей прямо вперёд, а тот факт, что среди защитников был чёртов маг! Вот только что к бархану, за которым засели лучники, бежал всего лишь один великан, но тут вдруг хрясь! И их уже десяток! Естественно, что настоящим был всего лишь один, а все прочие – это искусные иллюзии, сотворённые дядей Арни, но грабителям-то от этого не легче!

Естественно, что орки растерялись. В небо взвилась туча стрел, но многие из них обрушились не туда, куда нужно. Большая часть иллюзий не пропала, как это было у неопытных магов, а продолжила свой бег, что заставило орков паниковать ещё сильнее. Они-то наивно полагали, что стрелы развеют фантомы, как это происходило всегда ранее, но не тут то было! Все они воткнулись в тела великанов, что было для иллюзионистов верхом их мастерства, и все двадцать эттинских глоток разом утробно заревели. Мало того, Арнолиус создал иллюзию не только попадания, но также и вздымающихся султанов пыли под ногами всех своих видений, отчего орки и впрямь поверили в реальность происходящего. Все девять копий натуралистично истекали кровью, рычали, топали и неумолимо приближались к засадному отряду, врезаясь в грабителей разъярённым тараном. Пару орков Малыш располовинил своим оружием, ещё троих отправил в продолжительный полёт, наградив такими мощными пинками, от которых внутри тел бедных орков вместо внутренностей тотчас образовывался самый настоящий фарш.

Однако радоваться победе было преждевременно, поскольку эттин смог занять врагов только с одного фланга, в то время как орки с другого бархана перенесли свой огонь на застывшие поодаль фургоны. Юркнувшие вовнутрь крытых телег возницы теперь спешно вооружались, в то время как их товарищи начали отстреливаться в ответ. Кроме того, Арнолиус перестал поддерживать иллюзию Эттина, поскольку тот уже практически разгромил весь фланг, теперь сотворив новые чары. Он напустил волшебного тумана вокруг повозок, который мешал нападавшим целиться, но в то же время не особо мешал его товарищам, поскольку, как мы уже говорили, иллюзии гнома были чересчур сложными.

– Ой, мамочки! Ой, мамочки! – с такими визгами забился под лавку перепуганный до смерти Назин, продолжавший сжимать свой драгоценный талмуд, словно тот был способен защитить его от любых невзгод этого мира.

Напрасно его оттуда пытался выудить Эванс, который и сам, положив руку на сердце, вовсе не спешил выбираться наружу и принимать боя. Рядом залихватски свистнул Атос, пуская своё Золотце с места в карьер, спеша перехватить парочку орков, которые скрывались в песках позади каравана. Дворянин быстро разрядил свой арбалет, попав одному из грабителей точно в незащищённую шею, отчего тот отчаянно захрипел, рухнув на песок, орошая его своей кровью. После этого арбалет полетел в другого пустынного разбойника, а меч с шелестом покинул свои ножны. Похоже, что Атос был раньше офицером, поскольку он умело рубит орков прямо на ходу, быстро уничтожая тыловое охранение, состоявшее всего лишь из пятерых грабителей.

Коврига в этот момент уже отпустил Конана на волю, расцепив его упряжь, чтобы медведь мог включиться в битву. Сам же половинчик без устали стрелял из нескольких арбалетов, бросая разряженное оружие через плечо назад, где ловкая Стряпуха подхватывала его и начи-

нала спешно перезаряжать. Тем же самым занимались и сёстры, которые сохраняли хладнокровие не в пример лучше Эванса или Назина. Боевая Вира стреляла из арбалетов, в то время как её помощницы перезаряжали оружие.

До орков быстро дошло, что если они не рискнут убираться прочь или не пойти в лобовую атаку, то их быстро расстреляют, словно куропаток, посему грабители вялой лавиной скастились с бархана, устремляясь к таким, казалось, беззащитным повозкам, укутанным магической мглой. С вершины холма за ходом сражения наблюдал зеленокожий шаман, который уже понял, с какого рода магией имеет дело. Он спешно плёл сложное заклинание, которое должно было вселить в сердца защитников смертельный ужас, поскольку развеять чужие иллюзии было свыше его сил. Если ему удастся вовремя напугать врагов, то ещё сохранялся шанс того, что его разбойники одержат верх над караванщиками.

Вскоре у кромки магической мглы вспыхнула кровопролитная сеча, в которой то хохотал, то залихватски кашлял низкорослый Арнолиус, метавшийся под ногами у грабителей, а также легко проскальзывающий под днищами телег. При этом он ловко умудрялся уменьшать своих соперников в росте, топором помогая им становиться короче. Ему всю помогал юркий Коврига, который также ловко прыгал под телегами и между ног орков, подрезая им сухожилия своими кинжалами. Рядом ревел взбешённый Конан – шкуру медведя уже украшало несколько стрел и глубоких порезов, что, понятное дело, привело медведя в состояние глубокой ярости, и теперь он расшвыривал нападавших своими могучими лапами в разные стороны.

Сунувшегося было в первую телегу орка с большим топором неприветливо встретила магическая ловушка Арнолиуса, отчего незадавшийся грабитель, решивший поскорее добраться до заветных сундуков, рухнул на землю горсткой дымящегося пепла. Во второй и третьем фургонах разбойников также ждало разочарование. Офелия, затаившаяся на своей миникухне с двумя лёгкими снаряжёнными арбалетами, тут же разрядила их в первого зеленокожего, который попытался пробраться вовнутрь. Противник рухнул на пыльную землю, держась за проткнутую стрелами грудь, и его практически сразу же добил Коврига, перерезав подлецу глотку. Товарищи погибшего попытались было достать Зингара, но мим шустро ускользнул от них, скрывшись под днищем телеги. Именно поэтому грабители плюнули на юркого соперника, вломившись в фургон, справедливо решив, что стрелок за это время вряд ли успел перезарядить своё оружие. Перезарядить-то арбалеты Стряпуха и правда не успела, да и не стала этого делать, ведь у неё под руками было ещё множество ножей, а как она умела ими жонглировать – вы ещё успеете узнать. Поэтому следующий орк, рискнувший посягнуть на полевою кухню, замертво рухнул наземь, даже не успев взвизгнуть, когда ему в глаз воткнулся небольшой кинжал. А потом Офелии пришлось несладко, потому как следующий разбойник ворвался вовнутрь, прикрываясь большим щитом. Очередной орк правильно рассудил, что раз несколько его товарищей полегли от стрел и метательных ножей, то нужно озаботиться защитой от дистанционного оружия. Поэтому следующие два кинжала впились прямо в грубойковки щит, и Стряпуха выругалась – у неё осталось всего два снаряда, а этот соперник был не просто прикрыт щитом, но ещё и облачён помимо грубых лат в шлем, наручи и тяжёлые сапоги, отчего открытых участков тела у него практически не было. А это значит, что искусство жонглирования и метания тут не поможет, а драться на равных с таким бугаём бедная женщина-полурослик явно долго не сможет. Именно поэтому Офелия перешла на визг, начав метать в орка всё, что у неё оказалось под рукой – в ход пошли (вернее, полетели) тяжёлые сковороды, чайник, тарелки, еда и различная кухонная утварь, и орк только успевал уклоняться или заслоняться от снарядов щитом. Поняв, что повредить малявка ему не в состоянии, он усмехнулся, и с рёвом бросился в атаку, намереваясь одним ударом прикончить бедную женщину, но тут Стряпухе под руки попала кастрюля с готовящейся горячей кашей, которая сразу же отправилась в полёт. Да, снаряд не особо повредил орку, хоть и попал ему прямо по шлему, однако горячая каша смогла просочиться сквозь забрало, ошпарив бедолаге лицо

и закрывая ему весь обзор. Пока ошеломлённый орк метался по фургону, отчего тот заходил ходуном, Стряпуха едва успевала уклоняться от верзилы, чтобы не оказаться зарубленной или затоптанной. Но вот грабитель, наконец, бросил свой щит, желая очистить забрало шлема от каши, чтобы вернуть себе возможность видеть. Едва он завершил прочистку, как подоспевший Арнолиус выдернул орка наружу, потянув его за ногу, а Офелия оглушила мерзавца точным ударом сковороды по темечку.

В третьей повозке грабителям также ничего не обломилось, поскольку там буйствовали три фурии, вооружённые ножами, саблями и мечами. Девушки не зря звались гимнастками, поскольку отсутствие доспехов им компенсировала их природная ловкость, гибкость и скорость. Вот маленькая Лира уворачивается от топора, падая на шпагат, после чего сразу же протыкает своему сопернику незащищённый пах кинжалом. Вира успешно сражается сразу с двумя громилами, поскольку она амбидекстр и одинаково хорошо владеет обеими руками, которыми может работать как отдельно, так и совместно. Нира в это время продолжает перезаряжать арбалеты, постреливая в тех врагов, которые больше прочих угрожают её сёстрам или прочим артистам. Одному орку удаётся прорваться сквозь гимнасток, подбежав к их фургону, и, как назло, в этот момент на руках у Ниры арбалет разряжен. Она швыряет бесполезное оружие прямо в орка, но тот ловко отбивает его в сторону и пытается схватить девушку. Выхватить саблю Нира уже не успевает, а отскочить назад не удаётся, поскольку пятерня орка уже схватила её за лодыжку. Отчаянный визг, треск рвущейся ткани, звук падения и рёв грабителя... Сёстры со страхом оборачиваются к повозке, ожидая самого худшего, но переживать не зачем – грабитель уже катится по земле, когда у Ниры появляется неожиданный заступник – паук Лиры плюёт орку в лицо своим ядом, отчего тот начинает голосить дурниной, когда густая тёмно-зелёная жидкость начинает разъедать ему глаза.

– Спасибо, Мягкоступ! – быстро гладит питомца сестры по брюшку спасённая девушка, после чего выхватывает свою саблю.

В конце обоза успех был обеспечен лишь благодаря бесстрашному невозмутимому Атосу, молнией метавшемуся на своём Золотце между орками, и разъярённой Сорбонне, чья морда и клыки уже несколько раз обагрились чужой кровью. Внутри фургона Эванс продолжал увещевать трусливого автора Назина покинуть своё убежище и помочь остальным в бою, однако делал это явно без воодушевления, желая скорее не выудить полуэльфа из укрытия, а самому побыть с ним внутри, пока снаружи льются реки крови. Пускай там сражаются эти мужланы, а им – двум творческим личностям, не место на поле брани! И ничего, что помимо мужских и вражеских криков снаружи слышны вопли сестёр или визг Офелии – жизнь всего одна, а девушек вокруг много.

Становилось понятно, что защитникам балагана уже удастся сдержать натиск разбойников, особенно после того, как эттин забрался на один из барханов и разогнал в одиночку целый засадный фланг. И сейчас можно было наблюдать, как за гребнем вздымаются вверх в его лапидцах зажатые окровавленные алебарды, или как иногда от мощных пинков подлетают в воздух бедолаги-орки, которым в одночасье пришлось из грабителей переквалифицироваться в футбольные мячи. Кроме того, Арнолиусу удалось при помощи своей напускной мглы надёжно укрыть своих товарищей от стрел врагов, в то время как сами актёры могли стрелять без проблем. Рано или поздно Конан, Сорбонна, Арнолиус и Атос вместе с сёстрами смогли бы добить остальных орков, но тут в битву вмешался шаман, стоявший на вершине соседнего бархана. Он уже закончил своё камлание, и по полю брани во все стороны раскатились холодные волны, знакомые всем оркам и Арнолиусу. Тем, кто уже знал, что это такое, опасность не грозила, зато вот всем прочим пришлось туго – их сердца неожиданно сковал парализующий всеобъемлющий страх, переходящий в ужас и панику. Повезло лишь одному Ковриге, который к этому моменту уже был оглушён, валяясь безжизненным кулем под одной из телег.

Разом взизгнули и запричитали все сёстры, с воплями бросая своё оружие и устремляясь с дикой скоростью от балагана прочь в безжизненные пески. Под напугавшимся Атосом взвилась на дыбы обуреваемая страхом кобыла, которую тут же не преминули заколоть копьём. Повалившийся наземь аристократ не успел вовремя выдернуть ногу из стремян, а посему уже мёртвое Золотце всей своей тушей обрушилась на бок, ломая бедолаге кости. Офелия в своём фургоне, спешно искавшая что-либо, способное сойти за оружие, брякнулась в глубокий обморок, а под скамейкой в последнем фургоне, где уже жались в обнимку Эванс с Назином, появилась подозрительная лужа. Лишь один Малыш продолжал в стороне добивать орков, а также расвирипевший от многочисленных ран Конан не обратил никакого внимания на заклинание страха, не прерываясь от раздачи мощных оплеух. Также повезло и самому Арнолиусу, который был устойчив к подобным дешёвым шаманским трюкам. Сорбонне страх был вовсе неведом, поскольку эту жуткую псину натаскали таким образом, что та могла бы и в огонь броситься, будь там её хозяин или подлый вражина.

– Ах ты ж тварь! – выругался гном, затаившийся под повозкой половинчиков, глядя на шамана, оседлавшего верхушку бархана чуть в стороне.

Арни попытался было привести в чувство оглушённого Ковригу, но Зингар, похоже, отключился надолго и основательно. Атос был обездвижен, раздавленный своей лошадью, и теперь пытался выбраться из-под неё, хотя по его бледному лицу становилось понятно – он был близок к тому, чтобы потерять сознание от боли. Сёстры спешно бежали в пустыню, и одно время за ними было последовали парочка орков, но потом, плюнув, решили вернуться обратно к каравану. Что там с Эвансом и Назином гном не видел, как и не знал про судьбу Офелии. Поднявшийся на бархан Малыш замер, глядя на свой разгромленный балаган, после чего с рёвом ринулся было разгонять грабителей, но орочий шаман выстрелил в него из своего жезла, истратив дорогуший парализующий снаряд. Одного заряда на массивного великана оказалось мало, поэтому пришлось добавить ещё парочку, но всё же удача сопутствовала оркам – уже неподалёку от места битвы бегущий Малыш неожиданно запутался в собственных ногах и кулём рухнул наземь, вздымая в воздух песчаные султаны. Оставшиеся снаряды из жезла достались Конану, и вот вскоре медведь также грузно падает без чувств, подминая своей тушей очередного разбойника.

Оркам теперь практически никто не мешает приступить к грабежу, поскольку на страже осталась лишь одна скалящаяся Сорбонна, которую уже обступило с полудюжины разбойников.

– Застрели псину, и всего делов! – приказывает главарь, указывая на молосса единственному оставшемуся при оружии лучнику.

– Куда ей стрелять-то? – чешет тот затылок. – Она вся в броне!

– Дайте мне! – расталкивает всех спустившийся с бархана шаман, который держит в руках боевой посох, украшенный каким-то черепом.

Выбравшийся из-под телеги Арнолиус остаётся незамеченным, поскольку грабители столпились вокруг Сорбонны либо уже принялись мародёрствовать внутри фургонов, выбрасывая ненужные вещи прямо на песок. Прищурился один глаз, а также высунув изо рта кончик языка, что свидетельствовало о предельной концентрации, гном поднял руку с топором, намереваясь метнуть его в шамана. Тот уже воздел свой посох кверху, собираясь прикончить или обезвредить псину при помощи ворожбы, как неожиданно раздаётся сочный хруст, и колдун падает наземь с расколотым черепом, обдавая всех товарищей и собаку брызгами крови. Сзади раздаётся смех радостного гнома, переходящий в отчаянный кашель – это снова не вовремя сказываются рудники или чрезмерное потребление табака. Орки тотчас бросаются врассыпную, поскольку Сорбонна устремляется в атаку, а сам гном успел создать с десятков иллюзорных копий самого себя. Теперь, когда нападающие лишились большей части своих товарищей и шамана, драться с магом никто не горит желанием.

Добить тройку орков, решивших во чтобы-то ни стало наложить лапу на чужие сокровища, для такого опытного искателя приключений как Арнолиус не составляет большого труда, в то время как чуткая Сорбонна быстро находит затаившихся в фургонах врагов. Вдвоём с псиной гному легко удаётся умертвить или прогнать оставшихся недобитков прочь, а потом он устремляется к Атосу, который продолжает стонать под своей мёртвой кобылой. Пока Арнолиус помогает ему выбраться на свободу, из последнего фургона с опаской выглядывает бледный как смерть Эванс, который уже не слышит звуков битвы. Понимая, что нужно как можно скорее реабилитироваться в глазах начальства, де Грей спрыгивает из повозки, помогая высвободить Атоса из плена мёртвой лошади. Даже со сломанной ногой аристократ практически не говорит и не стонет, лишь кривятся его губы, когда он смотрит на своё павшее в бою Золотце.

Вскоре в себя начинают приходиться и остальные, постепенно поднимаясь с земли и вылезая из фургонов на дорогу Великого Торгового Тракта, которая усеяна трупами павших грабителей. Из пустыни также возвращаются убежавшие туда сёстры, которые начинают собирать с песка выброшенные грабителями из их повозки вещи.

– О, моя голова! – стонет вылезший из-под телеги Коврига.

Он держится за рассечённое темечко, на котором волосы слиплись от запёкшейся крови и смотрит по сторонам блуждающим взором. Его заметно пошатывает из стороны в сторону, и половинчику приходится опереться на борт фургона, чтобы не свалиться с подгибающихся ног.

– Офелия! – вскрикивает Зингар, вспомнив о своей жене, после чего устремляется вовнутрь повозки, дабы проведать бедную женщину.

Та до сих пор без сознания, но не пострадала. В отличие от того же Атоса, у которого явно сломаны кости голени, и им теперь занимается Арнолиус, поскольку старый пройдоха имеет также и кой-какой опыт во врачевании ран. Это и немудрено, ведь путешествовал и сменил профессий гном столько, сколько никому и не снилось в самых смелых снах. Поскольку пить лекарства и позволить товарищам хлопотать вокруг его сломанной ноги гордый аристократ отказывался наотрез, пришлось прибегнуть к старому дедовскому методу обезболивания – зайдя Атосу за спину, Арнолиус просто бьёт товарищу по затылку, погружая его в небытие. Теперь, когда пациент не возникает и не отпихивает лекаря, тот может со спокойной совестью зафиксировать ногу в нужном положении, наложив лубок, ограничивающий движения. Пока сойдёт и так, а в городе уже нужно будет отдать артиста настоящим целителям, чтобы те как можно скорее вернули в строй лучшего актёра.

После Атоса Арнолиус осматривает тяжело дышащего Конана и только что очнувшегося Малыша, начиная обрабатывать их раны, которых довольно много, но все они не серьёзные. Пока труппа занимается пострадавшими и восстанавливает порядок, собирая разбросанные по песку вещи, на страже остаётся покрытая чужой кровью Сорбонна и усевшийся на крыше своей повозки Коврига с арбалетами наперевес, зорко наблюдавшие за тем, чтобы возможные подкрепления или недобитки не смогли застать артистов врасплох.

Эванс хитрым змеем скользит между дохлых орков, быстро обшаривая их карманы, присваивая любые мало-мальские ценные вещи, которых, по понятным причинам, у нападавших кот наплакал. Ну кто, будучи в здравом уме, пойдёт на дело, туго набив при этом свои карманы ценностями? Единственное стоящее внимание приобретает обнаруживается у дохлого шамана, поскольку тот был одним из всех, кто обладал хоть какими-то магическими предметами.

– Не лапай! – останавливает Эванса Арнолиус, который успел заметить действия Змея. – Артефакты в неумелых руках могут взорваться или ещё чего похуже! И вообще – вещи этого засранца мои!

– Это ещё почему?

– А чей топор торчит в этой зелёной лопаухой тыкке? – тут же усмехается гном. – И вообще, ты чем занимался во время боя? Что-то я тебя не лицезрел снаружи!

– Я, да будет всем известно, – тут же расшаркался де Грей, сияя самой своей ослепительной улыбкой. – Сразу заявил, что для боёв не приспособлен, только для постельных баталий, разве что.

– Потаскун!

– Но-но! – тут же оскорбился Эванс. – За меня выступала Сорбонна! Девочка, ко мне!

Бард свистнул, подзывая к себе своего молосса, покрытого чужой кровью от носа до обрубка своего хвоста. Подбежавшая к человеку животного радостно ткнулась хозяину своим грязным холодным носом прямо в руки, чем вызвала у Змея лишь лёгкую брезгливость. Он сразу же вооружился большим платком, счищая со своих рук орочью кровь, перекочевавшую туда с пасти его питомца. После этого он занялся и самой собакой, оттирая её от начинающей засыхать крови, выбрасывая на песок изгвазданные платки один за другим. Потом он понял, что тратить свои вещи на подобные занятия негоже, а посему распорол на мёртвых орках их блузки и штаны, начиная использовать их в качестве тряпок.

Разозлённый Малыш, который не любил магов до почечных колик и зубного скрежета, теперь ходил вокруг места побоища, растапывая трупы орков или поддавая по ним ногой, отчего мертвецы разлетались во все стороны как футбольные мячи.

– Этот шаман сыграл нечестно! – рычал возмущённый Роберт. – Он должен был выйти на честный бой, а не усыплять нас своей магией! Ну как так можно?!

– Честным боем это назвать было бы тяжело, брат! – попытался успокоить его Руперт. – Мы же сильнее и больше. И, кроме того, против магии дяди Арни ты никогда не возражаешь.

– Арнолиус нам помогает, а этот гадёныш нет!

– Эй, парни! – окликает их гном, отчего этгин сразу же поворачивает обе головы в его направлении. – Хватит слоняться тут без дела! Лучше поднимитесь на барханы и посмотрите по сторонам – авось тут ещё зеленокожие в округе остались.

С радостным рычанием великан устремляется наверх, и сложно себе представить лучшего вперёдсмотрящего, нежели этот двухголовый исполин. Во-первых, он будет наблюдать не в два, а во все четыре глаза, а во-вторых, делать это он будет с высоты четырёх метров, а не обычных для всех полутора или двух. Особенно Малыша порадовал тот факт, что в округе могут обнаружиться ещё орки, и тогда ему будет на ком сорвать свою злость от постыдного поражения. Что делать, но проигрывать, даже самую малость, Роб и Руп не умели. Даже имея в своём активе более дюжины разорванных, растоптанных и по другому растерзанных орков с фланга, Малыш считал себя проигравшим, поскольку он потерял сознание в бою.

Около получаса уходит на то, чтобы собрать разбросанные по дороге и пескам вещи. Пока артисты занимаются этим, Назин выбирается из повозки, залезает на её крышу и начинает озирать окрестности, делая наброски в своей книге, бегло зарисовывая картину последствий разыгравшегося побоища. Наверняка ведь потом напишет об этом какую-нибудь историю, которая поможет труппе заработать себе золотишка, поэтому полуэльфу никто не мешает и не заставляют его спускаться вниз и помогать остальным. Привести себя в порядок, помочь пострадавшим и успокоить лошадей – на всё это уходит время, а потом балаган продолжает свой неспешный поход вперёд, оставив позади несколько десятков павших грабителей-орков.

К долгожданному оазису балаган добрался уже ночью, когда на небе вовсю светила ущербная луна, что впрочем не помешало гному, обладавшему инфразрением ориентироваться в темноте. Арнолиус более века провёл в так глубоко любимых всеми гномами шахтах, а также в рудниках в должности бесправного раба, а посему темнота его не пугала. Этого просоленного жизнью пройдоху скорее напугала бы потеря его драгоценной бороды или разлука с табаком, но никак не отсутствие света. Фургоны, следовавшие за головным, вскоре украси-

лись светом зажжённых фонарей, мерно качавшихся в своих креплениях, и отбрасывающих на тентованные стенки повозок и песок причудливые тени. Часть артистов спала или открыто клевала носом, лишь погонщики направляли своих лошадей и большого медведя вперёд.

– Впереди огни! – доложил Руперт громкогласно.

– Похоже, что в оазисе остановился на ночёвку какой-то караван! – кивнул Арнолиус, привычно набивая костяную трубку табаком. – Это хорошо – значит, меньше вероятность нападения, и можно будет спокойно отдохнуть.

– Скорее бы! – пробурчал Руперт, на что его брат лишь отозвался злобным рычанием, а живот гиганта утробным рёвом.

Что и говорить – есть хотелось всем. Часть продуктов не вынесла путешествия по раскалённым пескам Восточной пустыни и приказала долго жить, в то время как сегодняшний погром на походной кухне уничтожил всё остальное. Тех жалких крох, что обнаружили в безразмерном сундуке сестёр, на всех не хватило, а посему отряду приходилось голодать.

– Я же предлагал разделать и сожрать лошадь! – в очередной раз злобно буркнул Роберт, однако его заявление проигнорировали.

Пришедший в себя Атос быстро понял, что ничего хорошего его павшую кобылу ожидать не может, поскольку на неё уже облизывался и Конан, и Малыш, который недвусмысленно сглатывал слюни, но Арнолиус пресёк попытку съесть павшего соратника, пусть тот и был всего лишь животным.

– Золотце была дорога Атосу, поэтому её мы есть не будем! – твёрдо сказал гном, на что обжора эттин лишь фыркнул.

– Ты её ещё похоронить со всеми почестями предложи!

– И прикажу, если хоть ещё одно слово на этот счёт услышу! – нахмурился Арнолиус. – Бери телегу и поехали вперёд. Нам нужно успеть до оазиса к закату!

Но успеть туда к заходу солнца балагану было не суждено, поскольку Малыш и Конан не могли развить нужной скорости из-за полученных в бою ран и усталости. И вот теперь впереди замерцали далёкие ещё пока огни вставшего на ночлег каравана в оазисе.

– Ну вот! – вздохнула с грустью Лира. – Это означает, что поплавать в озере голышом нам не светит!

– Да ладно! – донеслось из её фургона. – Можно и при людях так покупаться – от тебя не убудет, а мужикам за счастье на тебя поглазеть!

Ехавший рядом Эванс при этих словах лишь фыркнул, погоняя лошадей. Тракт в этом месте расширился и теперь две повозки легко могли ехать бок о бок, чего де Грей давно желал, чтобы иметь возможность трепаться с сёстрами.

– Ежели желаете, барышня, – тут же встрял он со своим замечанием. – Я могу натаскать вам воды и помыть вас в укромном закутке, вдали от жадных взоров потных караванщиков!

– Пф-ф-ф! – тут же фыркнула Лира. – Вот ещё! Эй, Нира! Толстушка ты наша! Ты ещё не спишь?!

– Нет! – донеслось из фургона. – Сама толстуха!

– Да я ж любя! – рассмеялась девица. – Скажи-ка мне лучше, каков наш хвастун-Змей в постели, а?! А то он всё ко мне пристаёт, а я вся в сомнениях!

– А ты лучше у Стряпухи спроси! – хихикнула из фургона сестра.

Слышавший этот разговор Коврига, сидевший на облучке, лишь покраснел от гнева, бросив через плечо назад испепеляющий взор на Эванса, который тут же поспешил отвернуться в сторону.

– Да, Офелия! – сплюнул на землю рогиносец муж, повернувшись к сидевшей рядом с ним бледной супруге. – Расскажи-ка нам, каков этот Змей-искуситель в постели?!

Издав горлом непонятный писк, Стряпуха поспешила скрыться в фургоне, не желая снова пробуждать мужнин гнев или стать причиной новых разборок между ним и горе-любовником.

– Ну а ты, засранец! – обратился к де Грею Коврига. – Что ты можешь сказать мне в своё оправдание, а?!

Смущённый таким пристальным вниманием к своей персоне Эванс заёрзал на сиденье, на всякий случай подозвав Сорбонну поближе.

– Не будь с нами Арнолиуса и твоей псины, – продолжает тем временем обманутый и оскорблённый муж. – Я бы давно тебе твоё хозяйство бы отрезал, паскудник!

– Не моя вина в том, что твоей жене не хватает ласки! – подал, наконец, голос менестрель, который несколько приободрился от близкого присутствия верной собаки. – Залазь к ней под подол почаще, и тогда не придётся бить любовников!

Слышавший всё это Арнолиус также хотел включиться в эту беседу, но кричать назад ему было лениво.

– Чем же тебя так наша коротконогая и мохноногая Стряпуха-то соблазнила?! – ухмыльнулся он мысленно, выпуская очередную струю дыма в воздух, а после заходясь в новом приступе кашля.

Именно этот вопрос вслух повторила и сама Лира, опустив при этом характеристики ножек бедной Офелии. Все с интересом уставились на де Грея, от которого ожидали ответа, но тот лишь растеряно пожал плечами, не зная, что и сказать. Он что-то пробубнил, промычал, шмыгнул носом и затих.

– Подонок! – заревел со своей телеги мрачный, как грозовая туча, Коврига. – Сказал хотя-бы, что она красивая! Мерзавец! Мало того, что опозорил её и меня, так ещё и теперь ничего внятного сказать не можешь! Да этот кобель даже троллиху оприходует, если случай подвернётся!

Пунцовый от стыда Эванс хотел было скрыться внутри повозки, передав управление кому-нибудь из товарищей, но Атос и Назин спали, укрывшись плащами, и беспокоить их он не решился. Первого будить было жалко из-за его увечья, а второго велел не беспокоить Арнолиус, поскольку на завтра автору было необходимо закончить последнюю пьесу, чтобы труппа успела её отрепетировать и начать показывать по прибытии в Белокамень.

– А ты чего так покраснел, дорогой? – усмехается Лира, наблюдая за цветовыми преобразованиями лица Змея. – Уж не переспал ли ты и с троллихой тоже?

– Было дело, – негромко ответил тот, кивая, и смущаясь ещё сильнее, после чего добавил, стараясь оправдаться. – По пьяни. И ради спасения жизни.

– Ну-ка, ну-ка! – оживилась девушка. – Расскажи-ка поподробнее!

– Я же говорил! – рявкнул со своей телеги Коврига. – Этому озабоченному плевать на размеры бабы, лишь бы живая была!

– Ну, у меня ещё и оргия с вампиршами как-то случилась! – тут же поспешил перевести внимание слушателей с неприглядной троллихи на более сексапильных особ Эванс.

– Твою ж дивизию! – поперхнулся Зингар. – Этот паскудник даже нежить трахает! Какой кошмар! Слушай ты, герой-любовник! Если ты мне жену троллиным триппером или какой гнилью с вампирш заразил – вот ей Богу, говорю, как на духу – убью тебя, и даже Арнолиус и псины твоя тебе не помогут!

– Во заливает! – усмехнулась выбравшаяся из повозки наружу Нира. – Такими темпами скоро выяснится, что ты ещё и с драконихой переспал.

– Ну вот тут уж я не при чём! – усмехнулся де Грей. – Извините!

– Слышь, трепло! – позвал Коврига барда. – Оргия-то твоя с вампиршами чем ознаменовалась? Они из какого места у тебя сосали и что? Ставлю золотой, что кроме крови из твоего организма тебя больше ничего не покинуло!

– Я бы сказал тебе, уважаемый, как я развлекался с теми милыми клыкастыми барышнями, – тут же поспешил вставить свои пять медяков Эванс. – Но ведь нас дамы слушают. Но ты всегда можешь у своей жены поинтересоваться, как всё прошло. Я думаю, что она осталась также довольна, как и те вампиры.

Ни слова не говоря, Коврига спрыгнул с сиденья, быстрым шагом приближаясь к перешедшему черту де Грею, не обращая внимания на оскалившуюся Сорбонну. В руках половника тускло блеснуло лезвие ножа, собака ощерила свои клыки, стрелой метнувшись навстречу врагу, громко вздохнули Лира с Нирой.

– Сидеть! – рявкнули с передней повозки.

Удивительное дело, но послушалась не только Сорбонна, но и сам Зингар, испуганно плюхнувшийся на землю. Это Арнолиус пресёк драку на корню, скомандовав голосом де Грея обоим соперникам. Опытный иллюзионист не только правдивые образы может создать, но и хорошо имитирует чужие голоса, что и спасло Ковригу, поскольку молосс купилась на обман, посчитав, что эту команду ей дал не кто иной, как сам хозяин.

– Я что вам говорил про драки?! – спрыгнул также на землю и гном, топая к месту конфликта.

Балаган тотчас встал, что послужило причиной недовольства у Роберта, который уже устал тащить телегу своего патрона вперёд и хотел завалиться спать в оазисе, предварительно напившись вдоволь, уж раз ужина не светит. Пока гном отчитывал своих подопечных, эттин отошёл в сторону, желая справиться малую нужду.

– Почему остановились? – высунулся из фургона заспанный Назин. – Мы уже в оаз-зи-зисе?!

– Если бы! – вздохнула Нира. – Опять Эванс с Ковригой хотели отношения выяснять!

– Понятно! – вздохнул полуэльф, скрываясь обратно.

Вскоре дисциплина была восстановлена, Зингара отправили спать, а его место занял сам Арнолиус, направляя медведя вслед за своим фургоном, который сильный Малыш сам тащил в нужном направлении. Эвансу приказано было отстать от повозки сестёр и ехать позади, что тот с ворчанием и выполнил. Огни ставшего на ночёвку каравана уже приблизились на значительное расстояние, и даже стали слышны обрывки далёких разговоров, людского смеха и рёва верблюдов и ослов, которым ещё не задали корма или воды.

– И всё же, – склонилась к сестре Лира. – Каков наш Змей в постели?

– Одно могу сказать точно – изобретательный и деликатный! – зевнула Нира. – Но, как по мне, так немного жеманный и излишне мягкий.

– Любишь пожестче? – усмехнулась девушка.

– Эй! – тут же вклинился в беседу де Грей. – Я, между прочим, вас слышу!

– У тебя слух, как у дракона! – удивилась Лира, оглядываясь назад.

– И кое-что другое тоже! – усмехнулся наглец.

Девушка молча посмотрела на Ниру, и та жестом показала размер, который глубоко поразила малютку Лиру, хотя видеть этого де Грей не мог. Через полчаса пути, уже ближе к полуночи, балаган въезжал под сень растущих вокруг оазиса пальм под пристальными взорами дозорных, недоверчиво осматривающих труппу. Все свободные от вахты и прочих дел караванщики сбегались посмотреть на величаво вышагивающего двухголового исполина, а также огромного пещерного медведя, переговариваясь между собой на своём языке и тыча в процессию пальцами. Ну да, не каждый день лицезрешь такое чудо.

Понятное дело, что лучшие места уже были заняты расставленными на ночь шатрами торговцев, в то время как палатки охранников окружали их по периферии, чтобы в случае неожиданного нападения на лагерь те могли встать на пути возможных орд грабителей. К воде тускло блестевшего под светом неполной луны озера пробраться было теперь довольно сложно, поэтому балагану дяди Арни пришлось расположиться немного в стороне. Растолкав поло-

винчиков, Арнолиус велел своим подопечным пока быть настороже, отрядив эттина сходить за водой. Великан, которому роль кружек исполняли две большие бочки с приделанными к ним массивными оловянными ручками из множества гнутых ободов, сплавленных воедино, согласно кивнул. Всего одна ходка к озеру, и лагерь артистов располагал четырьмя полными бочками пресной воды, чего хватило абсолютно на все нужды.

– Занимайтесь пока костром, – велел своим подчинённым Арнолиус. – А я схожу к торгашам и постараюсь купить у них еды. Стряпуха, у нас не все сковородки и кастрюли почили?

– Эм-м-м, – замялась половинчик, доставая из буфета одну помятую посудину, а также сковороду с погнутой ручкой и характерным горбом посередине.

Именно этим местом она ранее и оглушила бронированного орка, решившего убить злополучную малявку. Но теперь он мёртв, а бедная кухонная утварь искалечена, превратившись в посудного инвалида. Ревизия продолжилась, и вскоре нашлось несколько предметов, оказавшихся в хорошем состоянии, что послужило причиной бурной радости как у самой кухарки, так и её коллег по труппе, ждущих позднего ужина.

– Вот и ладненько! – кивнул Арнолиус, когда обнаружили более или менее сохранные посудины на кухне. – Я постараюсь выцарапать чего-нибудь у этих торгашей, однако сами понимаете – они ничего дёшево нам не отдадут.

– А я предлагал взять с собой конягу Атоса и сожрать на привале! – напомнил о своём мудром решении Роберт. – Ну или на худой конец пару орков пожирнее!

– Вот вечно ты всякую дрянь мечешь, как самое настоящее животное! – поморщилась Офелия.

– Сама ты животное, малявка! – хмыкнул Роб. – А конину едят многие, не только я!

– Эй! Золотко не просто моя лошадь! – тут же вскинулся Атос, который при помощи Эванса уже расположился на стволе поваленной пальмы, возле которой решено было устроить кострище.

– А кто же?

– Она была мне другом!

– Ха, насмешил! – хлопнул себя по пузу эттин, и то отозвалось недовольным голодным бурчанием.

– Хорош препираться! – тут же встрял Арнолиус. – Великий Кузнец! Ну хоть раз вы можете посидеть тихо и мирно?! Без извечной ругани, препирательств и разборок между собой?! За что мне такое наказание?!

– Да иди уже, шеф! – прервал причитания гнома Эванс. – Будь спокоен – к твоему возвращению все будут живы. Жрать уже хочется, сил моих нет!

– Ты! – начал раздавать приказания подопечным Арни, ткнув пальцем в сторону Ковриги. – Свои разборки с де Греем отставить! Если не можете свои личные проблемы не выносить на люди – прочь из труппы! Эванс! Хватит подначивать Зингара, иначе я лично тебе в глаз засвечу! Нира! Хорош строить глазки тем караванщикам! Не хватало ещё, чтобы нас приняли за кочующий бордель и не потянулись сюда за развратом! Вира! Свои тренировки с мечами отставить! Не хватало ещё, чтобы нас приняли за грабителей! Нагишом в озере не купаться, с кочевниками в азартные игры не играть, никого не задирать, и...

Гном обернулся, когда услышал, что кто-то приближается со стороны стоянки торговцев. Его подопечные также посмотрели в том направлении, наблюдая за двумя кочевниками в туниках и галабях – длинных (до лодыжек) рубахах из хлопчатобумажной ткани с широкими рукавами, без воротника и пояса. Венчали макушки обоих мужчин белые куфии с чёрными удерживающими обручами – традиционные головные уборы из платков, распространённые среди пустынных путешественников и жителей. Приблизившись к лагерю артистов, оба замерли в небольшом отдалении, явно смущённые вниманием такого большого количества пар

глаз. Особенно смущали настороженный взор рычавшей Сорбонны и обоих голов исполина, который даже сидя на своей пятой точке с бочкой воды в руке был выше любого из визитёров.

– Да? – мягко осведомился у прибывших Арнолиус. – Что такое?

– Меня зовут Салим, – слегка поклонился один из мужчин. – Я начальник охраны каравана славного Ильшаза, и я просто обязан узнать, кто вы такие и для чего остановились в опасной близости от нашего лагеря.

– Что ж, Салим, – кивнул гном, выходя вперёд. – Имени тебе своего, уж извини, не скажу – не принято это у гномов, а это моя цирковая труппа. Неужели мы так похожи на разбойников, что вам понадобилось приходиться ради этого сюда самолично?

– Эм-м-м, – пожевал губами кочевник. – Нас смутил ваш великан. Такие как он редко, э-э-э...

– Чего редко? – насторожился тут же Роберт, когда понял, что речь зашла про него с братом.

Как мы уже упоминали ранее, эттин, а особенно Роб, никогда не отличался повышенным терпением или любыми намёками в свой адрес, поэтому и теперь начал закипать, когда понял, что его приняли за обыкновенного дикаря-налётчика.

– Тише, Малыш! – повернулся к нему Арнолиус. – Он не хотел тебя обидеть! Не хотел ведь?

– Ни в коем случае! – испуганно сглотнул Салим, начиная энергично мотать головой.

– Но у него это почти получилось! – нехорошо усмехнулся Роберт.

Руперт тут же склонился к уху брата и что-то стал туда нашёптывать, отчего улыбка на лице Роба стала напоминать оскал хищной акулы. Хотевший было остановить Малыша Арнолиус передумал – Рупу он доверял больше, нежели его брату, а посему позволил гиганту и дальше продолжать разговор.

– А обиды следует смывать только кровью! – продолжил Роб. – Ну или вином, на худой конец!

– Э-э-э! – попятился назад Салим. – Но я же не намеревался вас оскорблять, да?

– Так что, вина не будет?! – нахмурился гигант, отчего начальник охраны едва ли не затрясся мелкой дрожью.

– Нет! – нашёл, наконец, в себе силы отказать пришелец.

– А если я разозлюсь?! – нахмурился ещё сильнее эттин.

– А вот угрожать нам не надо, уважаемый! – поддержал Салима его спутник. – У нас в караване всё же одних охранников только полсотни, не считая мага. А вы, неведомый гном, придержите своего сотрудника, кабы не дошло до беды!

Понявший, что разжиться дармовой выпивкой не удастся, Арни осадил Малыша, после чего продолжил разговор.

– У нас и в мыслях не было никого грабить или затевать ссору. Мы всего лишь бродячие артисты, которые ищут достойную публику для показа своих выступлений.

– Но вид у вас довольно лихой, – тем не менее заметил Салим. – Ваш медведь и великан в ранах, у вас есть молосс, который один стоит двоих, а то и троих отменных бойцов, а фургоны ваши явно в беспорядке.

– На нас напали неподалёку от оазиса, – пояснил Арнолиус. – Кстати, об этом я и хотел сообщить вашему начальнику и переговорить с ним кое о чём ещё. Вы меня не проводите к его шатру?

– Ладно, – кивнул начальник охраны. – Только оставьте всё своё оружие тут. Мы вас всё равно обыщем. Следуйте за нами!

– Смотрите у меня тут! – грозно сверкнул глазами на остающихся подопечных Арнолиус, после чего снял с пояса кинжал, нагоняя уходящих прочь караванщиков.

– Смотрите у меня тут! – передразнил его Коврига, входя в образ мима, пародируя не только голос, но и все жесты начальника, после чего такой же походкой прогулялся за ним следом.

– Надеюсь, дяде Арни удастся купить у них еды! – вздохнула Лира, в животе которой грустно взревел небольшой мастодонт.

Коврига тотчас передразнил её вздох, на что девушка отреагировала, высунув язык. Естественно, что Зингар повторил и этот жест, и Лира попросту отвернулась от него, зная, что мим иначе от неё всё равно не отстанет. Она достала из фургона своего ручного паука, который держал в своих лапах большого мотыля – вот уж кому от голода умереть не суждено, так это ему – везде найдёт себе пропитание!

– Твой Мягкоступ сегодня меня здорово выручил в бою! – заметила Нира, на плечах которой устроился её удав, желавший согреться от ночного холода.

– Это он умеет! – кивнула сестра, любовно наглаживая своего ужинающего питомца по его волосатой голове.

– А вот и костёр готов! – улыбнулся Эванс, которому удалось, наконец, совладать с огнём.

Все с удовольствием присели поближе к огню, и лишь Атос и Назин не спешили приближаться к остальным. Первый из-за своего увечья предпочитал не двигаться лишней раз, а полуэльф что-то писал в своём талмуде в свете фонаря, сидя на краю телеги.

– Эй, парни! – позвал их Эванс. – Айда к нам! Атос, тебе помочь?

– Лучше бы ты мне в бою помог! – хмыкнул тот. – Тогда бы, глядишь, и кости бы у меня остались целы!

Услышавшая это Вира лишь хмыкнула, поскольку всегда считала барда отъявленным трусом, и не понимала, что же такого в нём в своё время нашла Нира, решившая переспать с этим повесой.

– Опять, поди, отсиживался в фургоне?! – усмехнулся Роберт, презрительно щурясь в сторону де Грея.

– Я?! – деланно ужаснулся тот, после чего гордо выпятил свою грудь. – Да не престало мне прятаться перед лицом опасности! Я мужественно защищал нашего автора и благодетеля от опасностей и невзгод!

Тут он указал на полуэльфа, который насторожился, услышав, что про него завели разговор.

– Ведь так, Назин?! – тяжёлым взором пробуравил он полукровку.

О, как хотелось тому сказать и заявить всем во всеуслышание, как хваленый Эванс де Грей визжал в фургоне наравне с ним самим, а потом и вовсе забился под лавку и позорно обмочился, когда по полю битвы прокатилась холодная волна могильного страха. Желание было таким мощным и настойчивым, что он едва не рассказал правды. Но терпеть потом от барда его колкости и зуботычины, которыми тот легко мог награждать Назина наедине, полуэльф не захотел, поэтому просто ограничился одним лишь кивком.

– И скольких же ты убил, герой?! – усмехнулся Роберт, в то время как Руперт с шумом пил из бочки-кружки, отчего вода немного пролилась великану на грудь.

– Ни одного! – так гордо заявил менестрель, словно сразил всех нападавших орков единолично. – Но даже при таком раскладе, я защитил более слабого и беспомощного! За меня снаружи фургона сражалась Сорбонна, разве этого было мало?!

– Трус! – презрительно фыркнул Роб, в то время как его брат отставил опустевшую бочку в сторону, скрипуче рыгнув.

Звук вышел таким резким и сильным, словно прозвучал небольшой взрыв, и это вызвало приступ небольшой паники в лагере караванщиков неподалёку, которые решили, что на них

напали. Люди вскакивали с песка, выскакивали из палаток, и всё лишь для того, чтобы дозорные велели им успокоиться и возвращаться по местам.

– А сам-то скольких уничтожил? – поинтересовался у эттина де Грей. – Ах да! Можешь не отвечать! Я же вспомнил, что дальше дюжины ты считать не умеешь!

– А вот и умею! – оскорбился Руперт.

– Засранец! – оскалился Роберт.

– Так скольких ты уничтожил, а?! – усмехнулся Эванс. – Молчи, Руп! Дай брату сказать!

Это было самым настоящим вызовом, поскольку все и без того знали, что читать и считать умеет только Руперт, в то время как его брат не желал учиться этой науке, предпочитая этому праздность и обжорство.

– Ну, э-э-э, много! – ответил Роб, озадаченно почесав свой затылок. – Больше дюжины точно! Я не считал!

– Хорошо, – хитро улыбнулся ему де Грей. – Сколько пальцев я тебе показываю?

Бард выставил вперёд обе кисти, загнув три пальца и растопырив остальные, предлагая великану ответить на свой вопрос. Тот зашлёпал своими губами, наморщил лоб, поморгал, после чего выдал наугад.

– Девять!

Все зрители тихонько захихикали над Робертом, не желая его злить, в то время как Руперт откровенно вздохнул, назвав брата балбесом и неучем.

– Идите к чёрту! – оскорбился тот. – Как обвал в горах или засада, так кого первым зовёте? Роберт, спасай! Малыш выручай! Да идите вы к чёрту!

Эттин демонстративно поднялся с земли, отряхиваясь, после чего отошёл в сторону, что-то бурча себе под нос и общаясь сам с собой (вернее – брат с братом).

– Вира! – тут же пристроился к девушке Эванс. – Посмотри, как я только что победил в словесной дуэли большого и сильного монстра! И всё ради тебя, красавица! Разве выигранная словесная баталия и напряжённая работа моего острого ума не компенсируют мне моё изящное телосложение?!

– Эк ты изящно свою хилость и дрищеватость обозвал! – усмехнулась девушка. – Отстань, Змей! Ты не в моём вкусе!

– Все так говорили! – хищно усмехнулся де Грей, после чего склонился к уху собеседницы. – И твоя сестра в том числе! Но разве она осталась недовольной?!

– Ещё раз приблизишься так ко мне, – пригрозила повесе девушка. – Получишь по своим бубенчикам, а пока...

Она хотела оттолкнуть от себя мужчину прочь, но тот успел отпрыгнуть сам, отчего Вира не удержалась и стала заваливаться прямо на песок.

– Ба! – поймал её тут же Эванс. – Дама сама падает в мои руки!

– Пошёл прочь!

– И не подумаю!

– Нира! Забери от меня своего хахалю! Или мне теперь Офелию на помощь звать?!

Стоявший поблизости Коврига, заливавший в фонарь новую порцию масла, услышав этот вопрос, лишь вздрогнул и выругался, безнадежно испачкав липкой жидкостью руки.

– Долго вы теперь вспоминать про это будете?! – рявкнул он своим коллегам.

– Это тебе за все те издевки, которым ты нас подвергал, репетируя свои ужимки! – тотчас отвечивал Эванс. – Да ладно тебе, Зингар! Не обижайся! Твоя супруга просто прелесть!

Половинчик гневно зарычал, но зарождающуюся ссору прервал свист со стороны.

– Хорош собачиться! – остановил Де Грею и Ковригу Атос, поглаживающий свою пострадавшую ногу прямо через лубок, словно бы это облегчало ему ноющую боль. – Эванс!

– А?! – встрепенулся бард, на миг отвлекшись от своего соперника и скучавших у костра сестёр.

– Из нас всех только ты и Арнолиус бывали в столице. Расскажи-ка нам про Белокамень. Какой он?

Понимая, что труппе грозит очередная ссора, Назин и Атос недолго думая решили, что нужно увлечь главного горлопана чем-то иным, нежели разжиганием конфликтов, но дел, как назло, толковых не было. Зато всегда можно было сыграть на тщеславии де Грея и его любви к публичным выступлениям, к чему и прибёг умный дворянин.

– О-о-о, – тут же протянул менестрель, начиная качаться с носков на пятки и обратно. – Это долгая история!

– А нам что – есть куда спешить? – спросила его Вира, вороша дрова в костре.

– Да, расскажи! – поддержала её и младшая сестра.

Довольный всеобщим вниманием (как же так – все девушки вдруг разом заинтересовано уставились на него, как и его конкурент по сцене Атос, и враг по амурным делам, а ныне обманутый рогоносец-муж), Эванс согласно кивнул, выходя к костру, чтобы оказаться в центре. Там он усаживается на бочонок с водой, которую только что добыли из озера оазиса, и откашливается. Заметив, что все артисты собираются на обсуждение, к костру также выбирается и Офелия из повозки, и грузно топает к огню великан-эттин, садясь рядом с одним из фургонов. Лишь один Конан безучастно дрыхнет после тяжёлого боя, в то время как де Грей начинает рассказывать товарищам о своих прошлых визитах в Белокамень.

– Я бывал в столице дважды, – улыбается сам себе Эванс, словно вспоминает что-то приятное. – И могу сказать одно – Белокамень по праву называют «Городом городов», поскольку он не просто большой – он огромный. В каждом его районе может находиться едва ли не по самому настоящему городу какого-нибудь народца или класса жителей, живущих обособленно от других. Столица поделена рекой, которая носит название Полноводная, на три неравных части. Не равны они как по размерам, так и по социальному статусу. На правом, восточном берегу, находится самая большая его часть, состоящая из трёх крупных районов – трущобы, ремесленники и нелюди. Первым делом нужно отметить Дыру – так называется здешний рассадник бедности, грязи и болезней. Крайне угрюмое и мрачное место, в котором показываться я никому не рекомендую – там вас могут посадить на ножи только за один ваш косой взгляд или из-за вашей одежды.

– Ты сам-то там бывал, или рассказываешь это с чужих слов? – тут же поинтересовалась Вира, которая справедливо считала, что трусоватый франт и носа не казывал в тех местах, поскольку чурался любых драк.

– А как же! – горделиво вскинул голову де Грей. – Бывал!

– И что же ты потерял в трущобах?

– Эм-м-м, – замаялся Эванс, который не хотел распространяться на эту тему.

Когда-то давным-давно он дал себе зарок побывать во всех борделях Белокамня, а один из них располагался как раз-таки в его трущобах, обслуживая самые низы города. Там услуги продажных дев были самыми дешёвыми, а наш менестрель тогда не был отягощён лишними финансами, поэтому и приходилось ему жить и пользоваться услугами тамошних дев. Эванс пообещал себе, что в тот момент, когда он станет знаменитым и богатым, ноги его больше не будет в Дыре, как и в тамошнем притоне-борделе под названием «Смачные прелести», где его пару раз грабили, а также знатно заехали по почкам и печени. Однако любое восхождение наверх начинается с низов, и де Грей не был исключением, выступая в юности по самым грязным и захудалым кабакам города, развлекавая различную шваль, бандитов и алкоголиков. Ему удалось каким-то чудом не озлобиться, не спиться, и даже не помереть от множества болезней или головорезов, коими трущобы были полны, как шкура шелудивого пса блохами. Естественно, что сознаваться во всём этом Эванс не желал, ведь он упорно изображал из себя важного аристократа, который со скуки решил испробовать себя в роли менестреля и повидать мир.

– Так что ты забыл в трущобах, а? – настаивала на своём Вира, пытливо глядя в глаза притихшему барду.

– Выручал друга из беды! – нашёлся, наконец, тот, придумывая очередную ложь прямо на ходу. – Он попался к местным криминальным законам в плен, а я его выкупал. Впечатления от посещения базы Теней...

– Кого? – переспросил Роберт, который, кажется, увлёкся повествованием.

Ну да, этого хлебом не корми, дай послушать про различные драки, битвы, похищения и иже с ними. Ему бы всё топором махать да врагов врать на части!

– Гильдия Теней, – тут же охотно пояснил де Грей. – Одна из самых крупных банд не только Дыры, но и города. Промышляют заказными убийствами и кражами с воровством. У них база на постоялом дворе «Тёмная личность», а главным у них пренеприятный малый по прозвищу Шёпот Смерти. Во всяком случае так было, когда я был там в последний раз.

– А ещё какие банды есть?

– Клан Топоров, – тут же усмехнулся Эванс. – Бывшие пираты, осевшие на суше, но связи со своими морскими коллегами не потерявшие. Этих возглавлял Гад Риччи. Дикари ещё те. Не гнушаются ничем, в том числе и самой грязной работёнкой, навроде прилюдных убийств или поджогов. Но основная их прибыль идёт от контрабанды, продажи краденых пиратами товаров и незаконной работорговли. Топоры и Тени временами начинают воевать между собой, желая уничтожить конкурента, чтобы властвовать единолично. Обе эти банды запустили свои щупальца далеко за пределы Дыры в прочие районы города, и даже имеют влияние среди различных государственных структур, типа суда или стражи. Все мелкие банды подконтрольны либо Топорам, либо Теням, по другому в Дыре не живут. Единственное место, где влияние этих группировок слабо – район нелюдей, так как там те не признают над собой ничьей власти даже под угрозой полного уничтожения.

– Так что там с твоим знакомым, которого ты спасал? – напомнила барду Вира. – Что там за история?

– А-а, ерунда! – отмахнулся Эванс. – Мой приятель задолжал Теням, пришлось внести деньги за его выкуп. Страшно, конечно, было соваться в логово этих бандитов, да ещё и с полной мощной золотой, за которое в Дыре глотку вскрывают на раз, но что поделать.

– Ты его выкупил?

– Да, – кивнул завравшийся де Грей. – Только этот мерзавец меня даже не поблагодарил, а лишь постоянно жаловался, что я так сильно затянул с выплатой, прошу обратить внимание, его долга! Зато про все пытки в застенках Теней он поведал мне так красочно и подробно, что я потом спать не мог несколько ночей кряду. Ладно, всё это дела давно минувших дней. Давайте я вам лучше расскажу про остальные районы. Ремесленные кварталы велики, и там располагается множество производств, и многие уверяют, что Белокамень может производить абсолютно все возможные виды товаров при наличии необходимого сырья. Не знаю, не берусь об этом судить. В этом районе мне побывать ни разу не довелось, разве что проездом. Зато следующий квартал очень и очень интересен. Земли нелюдей разбиты на множество различных районов, кварталов и даже маленьких городков и деревушек, где каждая раса живёт обособленно от прочих. Там есть деревни орков, гноллов и тигранов, болотные поселения людоящеров и гоблинов, лесная чаща эльфов, юрты кентавров, две гномьи крепости, городок тёмных эльфов и много чего ещё. Людям в том районе не особо рады, но всегда привечают, поскольку орки славятся своей любовью к людоедству в голодные времена. Одно время там даже человечину в открытую продавали, пока не вмешались городские власти.

– Да ладно! – усомнилась Нира, наглаживающая своего удава.

– Вот смысл мне врать?! – оскорбился Эванс.

– Да тебе соврать – всё равно, что нам дышать, – хмыкнул со стороны Коврига. – Ты же без этого не можешь, Змей!

– Будешь в городе, поспрашивай обывателей про год Пустых Закромов, когда стоял голод по всей стране, – тут же ответил ему оскорблённый де Грей, который на этот раз говорил сухую правду. – И, особенно про то, как выживали обитатели Дыры и квартала нелюдей! А потом будешь говорить во всеуслышание – вру я или нет!

– А у нелюдей ты бывал? – поспешил успокоить Эванса Атос, задавая новый вопрос.

– Бывал! – кивнул тот. – Выступал у лесных и тёмных эльфов, а также в поселении половинчиков. Кроме того, там в центре на границе всех поселений есть замечательный кабак под названием «Дикая смесь», принадлежащий кобольду Дирру. Одно из лучших заведений в городе, на мой взгляд.

– И чем же? – поинтересовалась Лира.

– А тем, милая барышня, что это самая нейтральная территория в городе, – охотно пояснил тот. – Драться там никто не может, поскольку вышибалами там работают два голема. Поэтому там легко можно обнаружить за одним столом самых ярких врагов и соперников – Теней и Топоров, лесных и тёмных эльфов, гномов и кобольдов, ну и так далее. Кроме того, тамошний кабатчик знает множество рецептов и хранит у себя самый экзотический алкоголь, который только может существовать в мире.

– Что, и моросянку там подают? – усмехнулся Атос, скучавший по своей Родине и оставленным там любимым вещам, навроде настойки из этой ягоды или открытых мясных пирогов, о которых на Юге и Востоке не знали вовсе.

– Не знаю, но ты спроси у Дирра, – пожал плечами Эванс, после чего усмехнулся, решив до конца отыгрывать роль аристократа-знатока. – Лично моё любимое Дыхание Севера и Ледянка там продаются. И на вкус ничуть не хуже, чем из погребов нашего рода.

– Надо будет зайти туда при случае, – тут же пробормотал Атос, поглаживая себя по сломанной ноге.

– Сначала вылечись, – многозначительно заметила Вира. – А потом уже по кабакам с де Греем пропадай!

– Я всегда могу попросить Змея принести мне бутылку-другую с собой, – тут же парировал дворянин. – Ведь ты же туда пойдёшь, верно?

– А как же! – улыбнулся тот. – Надеюсь, меня, и мои выступления там до сих пор вспоминают с теплотой. Как и красавицы Таня с Эммой.

– Кобель! – тут же фыркнула Нира.

– Попрошу без сквернословия!

– Ладно, неженка, – усмехнулась девушка. – Рассказывай дальше!

– Ещё в районе иноземцев есть большая тюрьма, именуемая Ямой. Туда бросают всех арестантов правобережного Белокамня, различную шваль из других районов, а также из-за городских стен.

– А почему она называется Яма? – поинтересовался Руперт.

– Там камеры находятся под землёй, – пояснил охотно де Грей. – И спускаться в каждую нужно по приставной лестнице. Поэтому оттуда тяжело сбежать, хотя, в народе поговаривают, что одному гному удалось сделать подкоп. Но ныне этот трюк не пройдёт.

– И почему же?

– Потому как с тех пор тюрьму защитили подземными ловушками по периферии от подобных трюков. Но из Ямы есть множество выходов наружу, помимо суда.

– Например?

– Например? Ну, тамошняя стража, как и во всех прочих городах, любит золотишко, а посему может выпустить вас под неофициальный залог, если за вами не числится крупных нарушений. Бандиты и родственники частенько выкупают своих товарищей и родных из Ямы, не желая доводить до суда. Кроме того, многие уверяют, что начальник тюрьмы устраивает

по ночам внутри что-то навроде подпольного аукциона рабов, где можно приобрести себе слуг для противоестественных нужд.

– А разве рабство запрещено в Эосе? – удивился Коврига.

– Нет, но каждый раб или рабыня облагаются при продаже налогом, если присутствовать на официальных торгах или рынках. Пусть он и не особо большой, но при покупках оптом или при дорогих сделках скидка получается существенная, а опытные гладиаторы и наложницы оцениваются в баснословные суммы, я вас уверяю. Кроме того, судимым лицам продажа рабов запрещена, а все видные граждане города должны отчитываться о совершённых сделках в магистрат. Понятное дело, что различным тёмным личностям не хочется афишировать свои приобретения, и посему они действуют в обход закона. Посему подпольная работоторговля живёт и процветает в городе, который требует большого количества мяса для монстров или кровавых утех охочих до чужих страданий богачей. Различные чернокнижники, демонологи и Хаоситы, для которых пленники не более чем расходный материал во время их тёмных ритуалов, также не всегда утруждают себя официальной закупкой рабов.

– Кстати, наш дядя Арни ведь тоже когда-то был рабом! – не к месту вспомнила Лира.

– И что с того?

– Может, он и был продан на подобном подпольном аукционе когда-то давным-давно?

– Если хочешь, спросишь у него сама по возвращении! – предложила ей Вира. – Что-то он там задерживается. – Жрать-то как хочется! – пробасил Роберт, погладив свой объёмный живот. – Ну, чего там дальше, Змеёныш?

– Гм! – недовольно хмыкнул тот, но ругаться с эттином по поводу своего прозвища не решился. – На правом берегу есть ещё доки, но они довольно грязные, разбитые и неприглядные. Там швартуются, в основном, рыбацкие ялики, шлюпки, пироги и небольшие грузовые барки, баржи и прочие каботажные судна.

– Кабо-чего? – не понял Роберт.

– Это такие посудины, на которых не выходят в открытое море, а плавают только вдоль побережья и по рекам, – пояснил начитанный Руперт брату.

– Мы увидим море?! – округлила глаза менее сообразительная голова, с детской улыбкой уставившись на де Грея. – Оно большое?!

– К сожалению, Малыш, Белокамень располагается не на самом побережье, – усмехнулся тот в ответ. – Южное море находится вниз по течению реки, и топать туда прилично. Но если будешь себя хорошо вести, я не сомневаюсь в том, что Арни возьмёт тебя туда с собой на прогулку. Чёрт! Да нам нужно будет устроить себе выходной или два, чтобы поваляться на тамошних пляжах пузом кверху! Оно того стоит, дамы и господа! Но я отвлёкся. Далее следует вам сказать про Остров. Пусть это и самая малая часть города, но она и самая изысканная и изящная, однако вход туда нам заказан. Там могут жить и ходить только государственные служащие, высокое дворянство и члены их семей. Все прочие, навроде слуг или гостей обязаны получать пропуска. Мост, ведущий на остров с левого берега, называется Золотым, поскольку на нём располагается самая шикарная аллея города, а также самые дорогие заведения и магазины. Там полно гвардейцев и стражи, так что попасть туда скрытно практически невозможно.

– Но ты, естественно, и там побывал? – с ехидством в голосе осведомился Коврига, не веривший словам Эванса ни на грош.

– Естественно! – гордо задрал подбородок бард. – Я же вам говорил, что имел честь выступать при дворе самого короля и перед ним самим лично! Тогда-то мне и подарили Сорбонну прямоком из королевских псарен!

– Ещё скажи, что сам король лично! – фыркнул половинчик.

– Нет, – полным ехидством голоса отвечивал де Грей. – Он отдал распоряжение, а потом мне привели Сорбонну из псарен. Она как раз закончила грызть шута-полурослика,

который выступал передо мной, и не понравился его высочеству, поскольку шутил также дурно, как и ты!

С этими словами Эванс погладил лежавшую у его ног собаку, отчего та пару раз радостно вильнула своим хвостовым обрубок, не поднимая головы. Все ожидали новой вспышки гнева со стороны Ковриги, но тот не спешил отвечать на очередную подначку со стороны менестреля, отойдя в сторону своего фургона.

– А какие там сады и особняки! – с теплотой в голосе вспоминал бард. – Вы бы видели! Надеюсь, что нашу труппу заметит кто-то из тамошней знати и пригласит к себе на выступление!

Глаза менестреля заволокла томная поволока мечтательных грёз, и сам он замолчал, явно переживая в душе те приятные моменты своего величия, когда он впервые посетил это чудное место.

– Наверняка и там у тебя была какая-нибудь зазноба из благородных, которая сама прыгнула в твои объятия? – тут же поспешила уточнить у Эванса Вира. – И не о ней ли ты сейчас вспоминаешь?!

– Что? – встрепенулся очнувшийся де Грей, вырванный из ласковых тёплых объятий хороших воспоминаний.

– Баба у тебя там была? – повторил бесцеремонный Роберт вопрос девушки, правда в более грубой форме.

– Не скажу! – нахмурился тут же менестрель, не желавший вдаваться в подробности.

И правда, чего об этом трепаться на всех углах, когда его тамошние любовницы были из числа видных особ, которым подобная слава была не только не нужна, но и смерти подобна. Тогда сам Эванс впервые узнал на личном примере, что бывает с прелюбодеями, которых на месте преступления застаёт разгневанный муж, а посему и говорить этого не следовало, чтобы не подмочить своей репутации или репутации своих любовниц.

– Значит, была! – пришли к одновременному умозаключению все члены труппы.

– Что, по соплям надавали, поймав с поличным? – хмыкнул Роберт, а за ним следом усмехнулись и все остальные.

– Не вашего ума дело!

– Ладно, не кипятись! Рассказывай дальше!

– Не буду! – нахмурился Эванс.

– Да ладно тебе, Змей! – толкнула его локтем в бок сидевшая ближе всех Лира. – Чего ещё про город расскажешь?

Немного подувшись для проформы, де Грей стал вещать дальше.

– Левобережный Белокамень по размерам второй, после Правобережного. Там есть несколько крупных районов. Начать, пожалуй, стоит с Променада или рынка. Поскольку Остров закрыт для большинства смертных, то сердцем города по праву можно назвать именно базарные площади и торговые аллеи. Кроме множества торговых лавок, магазинов, уличных лотков и навесов там есть аукцион рабов с одноимённой гильдией, располагается лучший в городе бордель...

– Куда же Эванс и без борделя! – фыркнул себе под нос Коврига.

– А также имеется множество хамамов, купелей, терм, саун, бань, массажных салонов, бассейнов и гостиниц. Там можно купить и продать практически всё, что угодно, отведать любое блюдо, известное миру. В общем – тратить деньги следует именно там. Кроме всего прочего, мы тоже будем там работать, поскольку для бродячих артистов, навроде нас, там выделена огромная площадь и построено несколько театров. Как уличных – простые деревянные помосты и подиумы, так и пара больших крытых. Именуется это всё дело цирком. Надеюсь, что нам удастся произвести впечатление на публику, и тогда нам предложат выступить отдельно в театре для более важных господ или и вовсе пригласят к кому-нибудь в особняк или поме-

стье. Променад Белокамня столь огромен и многолюден, что в нём легко потеряться и заблудиться. Ещё там есть ипподром и Колизей для гладиаторских боёв – самая большая Арена в мире. Эй, Роб!

– Чего тебе? – почесался великан, оторвавшись от созерцания лежавших поодаль вкусных на вид распряжённых верблюдов и мулов, вокруг которых сновали одинокие сонные, но наверняка не менее вкусные погонщики и охранники.

– Не хочешь подраться?

– С кем?! – тотчас оживился исполин, начиная озираться по сторонам в поисках возможного соперника.

– Да не сейчас, громила! – рассмеялся Эванс. – В Белокамне есть Арена для боёв, там можно драться за деньги. Выходишь туда, ломаешь шею врагу, и тебе платят золотом.

– Отлично! – обрадованно ощерился Роб. – Я только за!

– А я против! – поспешил тут же высказаться Руперт, на что его брат ответил злобным рычанием, а потом попытался цапнуть интеллигента за ухо своими зубищами, но не преуспел в этом начинании.

– Если наши представления или сольная работа пойдёт неважнецки, то, чувствует моё сердце, нам всем придётся выйти на Арену, чтобы заработать нам на хлеб! – вздохнула Вира, которая хоть и любила драться, но делать это на потеху толпе не желала.

– Надеюсь, Арнолиус найдёт нам парочку подработок в городе, – кивнул Эванс. – Он говорил, что у него там полно знакомых. Да и я, в конце концов, могу у своих приятелей поспрашивать про сольные или групповые выступления. Я-то точно наведу в пару мест со своей лютней, а вот про вас ничего обещать не могу. Хотя если Лира или Вира сегодня захотят поговорить со мной наедине, то...

– И не мечтай! – скрестила руки на груди старшая сестра. – Я тебе уже сказала – ты не в моём вкусе!

– Вот так вот! – всплеснул руками де Грей, изображая деланную обиду. – У тебя только один секс на уме! А как же простое общение, разговоры по душам, прогулки, наконец? Ну да я не могу тебя винить, ведь перед тобой такой галантный и изысканный красавец, которого так и хочется заманить в койку, миновав все прочие стадии ухаживания одним прыжком.

В ответ на это заявление Вира фыркнула так громко, что задремавшие было распряжённые лошади проснулись, глядя в сторону костра. Им показалось, или тут был кто-то из их сородичей?

– Не мечтай, бабник! – хихикнула и младшая сестра.

– Давай уже, не отвлекайся! – кашлянул со стороны Атос. – Соберись и расскажи нам про город, наконец! А не про свои мечтания!

– Да не о чем особо больше рассказывать! – почесал затылок Эванс. – Есть ещё Храмовый район с кучей различных церквей, алтарей, мечетей и иже с ними. Кто-то мне говорил, что в Белокамне официально зарегистрировано более сотни культов и религий. Многие из них совсем крошечные – в пару десятков последователей, в то время как крупных наберётся с дюжину-другую. Выступать там – сущая мука! Одни твои выступления поддержат, другие освистают, третьи и вовсе назовут еретиком и начнут призывать к сожжению на костре! Туда лучше с песнями и представлениями не соваться – могут избить монахи. Также лучше не ходить и на аллею правосудия – там нам ловить нечего. Казармы стражи, военная академия, пыточная площадь. Так что зрелища там тоже есть, но несколько другого толка. Ещё там есть вторая городская тюрьма, именуемая в народе Склепом. Она чуть просторнее и приятнее, нежели Яма, судя по рассказам тех, кто успел за свою жизнь побывать в обеих тюрьмах. Нет, Зингар, я вижу по твоей ехидной роже, что ты хочешь меня спросить или сказать. Сам я в тамошних каталажках не бывал, благодарение Музе! Есть ещё Академия – большой ком-

плекс различных школ магии, лекарского искусства и прочих ремёсел. Там же располагается гильдия алхимиков и главная лечебница города.

– Нужно будет туда завернуть! – вздохнул Атос, с благодарностью принимая протянутую ему кружку с водой.

– Отвезём тебя, не переживай! – кивает ему Эванс. – Дядя Арни точно не разрешит своему актёру отлёживаться накануне премьеры. Так что готовься – будешь скакать по сцене на костылях!

– Справлюсь! – кивает дворянин. – Не впервой!

– Остаются ещё островные и Левобережные доки, – продолжает немного погодя де Грей. – Про первые сказать ничего не могу – там не бывал. Там швартуются обычно посольские и военные корабли. А вот в левобережных доках есть отличное местечко под названием «Озабоченная русалка» и вы не поверите, что там такое!

– Бордель?! – тут же усмехнулась Лира.

– Бордель! – не стал отпираться бард. – И весьма хороший, но главное не это!

– А что же?!

– Хозяйка того заведения самая настоящая русалка, представляете?! – радостно возвестил Эванс. – И там я тоже выступал, и наверняка меня там запомнили, а посему я отправлюсь туда сразу же, как выдастся свободное время!

– Ну кто бы сомневался! – усмехнулся Коврига.

– Настоящая русалка? – удивилась Нира.

– Ага! – кивнул де Грей, не обративший на очередную подначку половинчика ровным счётом никакого внимания. – И знаете что? Я вас туда всех приглашаю, если нам повезёт разжиться деньгами!

– Отлично! Хорошо! Ловлю тебя на слове! – тут же послышалось со всех сторон.

И только этгину пришлось поумерить свою радость, поскольку Эванс сразу же предупредил.

– Кроме тебя, Малыш! Ты уж извини, но в дверь здания ты попросту не пройдёшь!

Естественно, что великану это не понравилось, в то время как Коврига, со злостью глянув на робевшую Офелию, которой хотел насолить, повернулся к ненавистному де Грею.

– Эй, Змей! Что ты там говорил о борделях? Расскажи-ка мне о них поподробнее!

Арнолиус неслышно ступал за своими провожатыми, чему он научился ещё будучи шахтёром. В подземельях часто осторожность была превыше всего, поскольку кроме руды и горных пород кирки и молоты проходчиков раскалывали черепа кобольдам, троглодитам, тёмным эльфам и прочим недружелюбным обитателям пещер. Кроме того, он также отточил навык скрытных перемещений будучи солдатом, грабителем и пиратом, поскольку эти профессии часто требовали умения пробираться незамеченным в охраняемые места или через посты стражи. Глядя на развёрнутые шатры торговцев, палатки стражи и то, как организован лагерь, гном всё больше и больше кривился, понимая, что охрану поручили настоящему дилетанту. Как глава разбойничьей шайки, Арнолиус уже увидел с пяток направлений, с которых атака была бы наиболее успешной в плане быстрого умерщвления как можно большего количества охранников, а также наметил два маршрута, по которым можно было скрытно пробраться к большим шатрам из глубин оазиса или из пустыни. Оставалось надеяться только на то, что Салим был вовсе не так туп, и эти огрехи были прикрыты ловушками или держались под наблюдением со стороны. Хотя как можно так бездарно оставить шатры незащищёнными со стороны воды? Ну, скажите на милость, а если вероятные разбойники имеют логово где-нибудь в прибрежных зарослях или там завёлся какой-нибудь хищник с прошлого посещения оазиса? Вылезет из воды какая-нибудь страховидла о шести головах, типа гидры, и поминай потом как звали – сожрёт всё начальство первым же делом! Кроме того, часть палаток стояла так кучно, что пара

зажигательных стрел с того вот бархана легко могла устроить грандиозный пожар, уничтожив большую часть спящих охранников.

– Сказать, что ли, об этом Салиму или хрен-то с ним? – почесал затылок гном, после чего снова закашлялся.

Ему жутко хотелось закурить, но он не решался этого делать, пока не придёт к начальнику каравана, чей шатёр неумолимо приближался к маленькой процессии. Помимо самого шатра приближалась также и ужасная какофония из душе- и ушераздирающих звуков, доносившихся из-под полога временного жилища главы кочевников. Ощущение было таким, словно там развлекалась целая толпа звуковых маньяков, обожавших пытаться различные музыкальные инструменты. Делали это садисты с явным удовольствием, словно получали от этого не только эстетическое удовольствие, но и приличных размеров заработную плату.

– Там что, кого-то пытаются?! – тронул Салима за локоть гном, указав вперёд.

– Нет, это наш глава каравана обучается игре на лютне, – пояснил начальник охраны, делая знак гостю остановиться перед шатром.

– Какой кошмар! – ужаснулся мысленно гном, не желая портить отношений с караванщиками своими высказываниями раньше времени. – Похоже этому Ильшазу не медведь на уши наступил, а весь город там хорошенько потоптался как следует! В том числе и на его пальцах, которыми так терзают бедный инструмент! Если бы этот страх услышал наш Змей-Эванс, его бы паралич разбил прямо на месте! Ну, право слово, нельзя же так изошрённо мучать лютню, словно ты специально обучался этому несколько лет!

Вооружённые ятаганами стражники по краям от входа явно страдали. Они бы с радостью заткнули уши, чтобы не слышать этой какофонии (от сочетания слов «кака» и «фония», но никак не в виде обычного написания этого слова через букву «о»), но долг запрещал им сделать это, а посему бедные мужи страдали душевно и физически, подвергаясь непрерывному музыкальному насилию над собой. Однако изобретательному Ильшазу этого показалось мало, и вдобавок к звукам пыгаемой лютни стражей мучал также и одуряющий запах жареного мяса, доносившийся из его шатра, отчего охранники подыгрывали своему патрону путём урчания голодных животов. Этакая ария желудочно-кишечного расстройства под визги издыхающих струнных. Вообще, у Арнолиуса быстро сложилось впечатление, что должность привратников при хозяине среди кочевников в данном караване весьма непопулярна, судя по затравленным взглядам этих двух бедолаг, которые явно желали поскорее оставить свой пост и смыться в неизвестном направлении.

– Подождите меня тут! – остановил гнома и своего спутника Салим жестами, проходя к бедным охранникам.

Те сразу оживились при виде своего начальника и двух гостей, решив, что если уж их и не сменят с поста, так хотя бы проведут визитёров вовнутрь и бедная лютня с ушами привратников наконец-то получат хоть пару минут покоя. Так и случилось, поскольку когда Салим заглянул под полог, какофония смолкла, и раздался радостный клич:

– А-а, мой верный друг и помощник! Проходи-проходи, дорогой! Как тебе моя музыка?! Каллиопа говорит, что я делаю успехи!

– Естественно, господин! – тут же поспешил соврать глава охраны. – У вас получается всё лучше с каждым вечером!

– Ничего себе! – подумал гном. – Если это называется «лучше», то, что же было, скажем, неделю назад?! Да подобными композициями можно пленных пытаться! Быстрее колотья будут, нежели от гвоздей под ногти!

А сам враль, тем временем, продолжал и дальше бессовестно вешать лапшу на уши своему начальнику.

– Такими темпами, скоро вы сможете давать нам свои концерты во времена стоянок или даже поддерживать дух погонщиков и охраны во время долгих переходов!

От этих слов стоявшие по краям шатра привратники выпучили свои глаза, начиная мелко вибрировать, то ли от страха ожидания подобных пыток в ближайшие дни, то ли от праведного гнева из-за придури своего начальства, из-за желания которого выслужиться перед Ильшазом будут в дальнейшем страдать ни в чём не повинные подчинённые. Охранникам было тяжело скрыть своё беспокойство, но они правда старались, поскольку не желали терять лица перед пришлым гномом.

Потом зад Салима исчез за занавесью, и голоса начальства несколько приутихли, к тому же они явно перешли на другой язык, поскольку долетающие слова визитёру были неизвестны. Дождавшись, когда о нём доложат, гном кивнул и шагнул вперёд, когда его помянул к себе выглянувший наружу Салим. Своего спутника он жестом отпустил прочь, а самого Арнолиуса при входе обыскали радующиеся внезапной тишине привратники. Не найдя у гнома ничего из оружия, они пропустили главу балагана вовнутрь, даже и не догадываясь о том, что осмотренной ими курительной трубкой из кости неведомого им животного (рыба-твердолобик, дурни!), Арни в своё время порешил двоих врагов, проткнув им горло заточенным до бритвенной остроты мундштуком. Сейчас режущие кромки были прикрыты небольшой накладкой, чтобы не пострадали губы самого гнома, что и послужило причиной не обнаружения. Безалаберные охранники не стали внимательно изучать сей предмет, для себя ошибочно занеся его в разряд безвредных.

Внутри шатра приятно пахло не только благовониями, но и жареным мясом, кое обнаружилось на большом блюде на низеньком столике. Вокруг запечённого барашка и жареной рыбы было расставлено несколько ваз с разнообразными фруктами, мисочки с соусами, большая тарелка с хлебом и пирогами, нарезанный сыр, а также несколько кубков и пока ещё запечатанных кувшинов. Одна посуда уже была прикончена, и теперь лежала сиротливо на полу в стороне, как и пара начисто обглоданных костей в небольшом тазу. Окинув беглым взором всё это великолепие, Арнолиус сделал над собой героическое усилие, дабы не сглатывать слюну и не начинать урчать пустым желудком, чтобы не позориться перед хозяином. Сделать это было крайне тяжело, но гном с этим справился.

У одной из полотняных стен обнаружилась большая кровать с балдахином и лежавшим на ней размотанным тюрбаном, чуть поодаль стояло несколько тазов и переносная изящная ванна, в то время как другой угол был перекрыт декоративными ширмами, за которыми угадывалось присутствие человека, поскольку там медленно сновала молчаливая тень небольших размеров.

– Скорее всего, наложница хозяина каравана, которая и учила его этим извращениям с лютней, – решил гном. – Как там он её называл? Каллиопа? Да, верно! Ну, или телохранитель.

Однако в данный момент тень приблизилась к ширме, и, судя по её очертаниям, сразу же стало ясно, что фигура эта явно женская.

– Значит, наложница, – кивнул сам себе гном. – Хотя, помнится, знал я пару смазливых баб, которые на поверку оказывались не только любовницами, но и телохранителями.

– Приветствую дорогого гостя! – улыбнулся хозяин каравана, отрывая визитёра от созерцаний и дум. – Что привело вас к пологу моего временного жилища?

Сам Ильшаз оказался молодым и довольно симпатичным чернявым парнем лет двадцати пяти, с небольшой аккуратной бородкой и усами, облачённым в обычную походную белую галабею. Кучерявые волосы были непокрыты, что для кочевника было довольно странным явлением, пусть он и находился сейчас на привале в шатре. Телосложением юноша оказался вполне атлетичного, что для глав караванов было большой редкостью. Обычно их возглавляли либо высушенные до состояния живой мумии старикашки, либо настолько полные господа, что тащить их на себе мог только самый могучий верблюд. Всё это Арнолиус знал не понаслышке, поскольку сам несколько лет работал охранником при караван-сарае и сопровождал

торговцев в их походах, но больше он познал их с другой стороны, когда разбойничал с бандой сорвиголов на море и торговых маршрутах.

Закончив беглое изучение, хозяин и гость практически одновременно озадачились, поскольку показались друг другу смутно знакомыми. Ильшаз начал тереть свой подбородок рукой, и этот жест помог кое-что прояснить, поэтому Арнолиуса тотчас осенило, где же он мог видеть этого парня. А точнее, кого он ему напоминал.

– Мы с вами нигде не встречались? – спросил глава торговцев, обращаясь к гному. – Вы кажетесь мне смутно знакомым.

– Не припоминаю, чтобы мы имели честь встречаться раньше, – помотал Арнолиус головой, после чего представился чужим именем реально существующего в далёких Северных краях сородича. – Меня зовут Торинном, но в миру я больше известен как Оценщик. Моя специальность – ювелир, и моё дело сейчас перешло к сыновьям в Иште. Если вы представитесь, тогда, быть может, я и вспомню, имела ли моя кампания раньше с вами дела.

– Ильшаз аль Мэрхами, к вашим услугам, – слегка поклонился сбитый с толку глава каравана.

– Точно! – тут же вспомнил Арнолиус, ведя мысленный монолог. – Так вот ты кто такой! Помнится, я тридцать лет тому назад разграбил караван твоего деда, а с десяток лет назад – отца. Помню, ты тогда был ещё совсем сопливым юнцом, желавшим сражаться с нападающими наравне с охраной, да куда уж вам было супротив моей банды! Тогда, помнится, я и пощадил тебя, и всё лишь для того, чтобы теперь иметь возможность встретиться снова! А парень молодец – несмотря на два сокрушительных удара по его семье, он всё же смог остаться на плаву и продолжить торговлю от лица своей семьи, несмотря на то, что так рано лишился отца и наставника. Неужели ты смог удержать в памяти за эти годы моё лицо? Хотя, чего тут удивляться – я же порешил его папашку прямо на его глазах! Убийцу своих родных забыть тяжело. Нужно держать с ним ухо остро, и не проговориться! Если он поймёт, кто я таков на самом деле – мигом скрутят и зарежут! А ещё мне нужно выудить из него немного еды для моих ребят!

– Мне показалось, – тут же продолжил свою речь Ильшаз. – Или Салим вёл речь о бродячем балагане? А вы уверяете, что ювелир!

– Я был им, – просто кивнул гном. – Но мне это дело опостылело, да и сыновья засиделись дома без работы – как-никак им уже под двести лет, а ничего именитого ещё не совершили. Посему я передал им свою лавку и штреки в наследство, а сам решил на старости лет попутешествовать по миру, да заодно вложить часть средств во что-то ещё. Мне всегда нравилось наблюдать за представлениями уличных артистов – поэзия, импровизация, нарядные и пёстрые костюмы, весёлые танцы, изысканная музыка, ловкие трюки, стихи, аплодисменты... Поэтому я и возглавил труппу артистов, коих сейчас и веду в Белокамень на заработки. Совмещаю приятное с полезным – путешествия с работой, прямо, как и вы.

– Прямо, как и я! – кивнул Ильшаз, который, наконец, перестал подозрительно рассматривать гостя, перемещаясь за столик.

– А что на счёт вашей фамилии, – продолжил увещевать хозяина гном. – То я не припоминаю, чтобы мой дом когда-то работал с вашим, особенно в последнее время. Я, знаете ли, всех записей моих бухгалтерских книг в голове удержать не в состоянии – годы уже не те.

– Салим мне сообщил, что вы хотите переговорить со мной, – вопросительно приподнялись брови на красивом лице Ильшаза. – Проходите за стол, и отведайте барашка, и заодно расскажите о причине вашего визита.

Отказываться от подобного было глупостью, хотя не стоило и забывать о том, что сейчас гном находится в самом логове своего злейшего врага, пока ещё не ведавшего, кого он одарил своим гостеприимством. Следовало быть настороже и готовым в любой момент дать дёру или обезвредить Мэрхами, если тот вдруг вспомнит Арнолиуса и попробует подать сигнал своей

страже. Поблагодарив за приглашение, гном присел за стол, опускаясь на подушки, дожидаясь того момента, когда глава каравана съест первый кусок.

– Кушайте, не стесняйтесь! – кивнул учтивому убийце своего отца Ильшаз. – Я уже отужинал, поэтому, с вашего позволения, ограничусь лишь одним вином.

Молодой человек распечатал новый кувшин и налил себе напитка, после чего протянул второй кубок гостю.

– Благодарю! – принял угощение тот, отрезая от баранины кусок приличных размеров.

Дожидаясь, когда гном насытится и промочит горло, Ильшаз взял с небольшой кушетки брошенную туда ранее лютню, отчего всем присутствующим сразу поплохело. Тень девушки за ширмой вздрогнула, Салим сглотнул, а Арнолиус даже не отказал себе в удовольствии немного поморщиться. Если этот тип снова начнёт рвать струны и души, выворачивая само понятие слова «музыка» наизнанку, то гном рискует попросту исторгнуть весь свой ужин обратно. Хитрый глава охраны тотчас нашёл возможность улизнуть наружу под предлогом необходимости проверить посты и распорядиться на счёт завтрака для бойцов, в то время как бедному Арнолиусу и Каллиопе с привратниками придётся слушать этот хаос.

– Ещё раз благодарю за угощение, добрый хозяин! – поспешил заговорить гном, дабы Ильшаз не вздумал начинать играть. – Но я бы хотел вам кое о чём поведать, а также обратиться с одной небольшой просьбой.

Вздыхнув, молодой человек отложил инструмент в сторону и уселся на кушетку, наливая себе ещё вина и делая знак гостю, что слушает его.

– Мы пришли с Востока, – начал говорить Арнолиус, и Мэрхами кивнул – об этом ему уже успели доложить. – Примерно в двух часах пути отсюда на нас напали. Банда была большой, и состояла сплошь из орков. Нам удалось отбиться, в основном благодаря тому, что в трупке путешествует силач-этгин и пещерный медведь.

Ильшаз заинтересованно уставился на гнома, ожидая продолжения рассказа.

– Если вы завтра отправляетесь в том направлении, – снова заговорил гном. – То будьте осторожны. Часть банды отступила прочь, когда поняла, что с нами им не справиться.

– Благодарю вас за предупреждение, – кивнул молодой человек. – Но мы и не собирались идти по тракту. Завтрашним утром караван отправится напрямик через пустыню на Север, так что ваши опасения беспочвенны. Кстати, конечной точкой нашего маршрута являются Полуночные отроги, а Ишта, насколько я помню, находится поблизости. Не желаете отправить письмо родным?

– А можно? – тут же осторожно осведомился Арнолиус. – Это было бы здорово!

– Чёрт! – тут же подумал гном. – Теперь ещё и письмо писать для семейства бедных ювелиров. Ладно, хотя бы Торину привет передам, а то уже давненько с ним не виделся!

– Конечно, уважаемый Торин Оценщик, – улыбнулся Ильшаз. – Мы, торговцы, должны друг друга поддерживать. Если не мы, тогда кто? Вокруг нас столько грабителей, а на всех постах и в портах нас душат обысками или налогами государство. Пишите письмо и передавайте его моим людям для меня или Салима.

– Благодарю! – снова кивнул Арнолиус. – Но у меня ещё осталось невысказанной одна маленькая просьба.

– Да?

– Во время налёта орков на мой балаган остатки нашей еды оказались испорчены, и теперь мои артисты голодают. Могли бы мы попросить вас поделиться с нами продуктами? Естественно, что мы заплатим за всю еду и вино, которые вы сможете нам выделить.

– Без проблем! – кивнул Ильшаз. – Я пришлю к вашему лагерю телегу, там вы сами и выберете, что вам пригодится. В знак уважения за предупреждение об орках, я даже вам наценки делать не буду. Продам по себестоимости. Идёт?

– Договорились! – обрадовался гном, вставая с подушек. – А сейчас, если вы не возражаете, я бы хотел порадовать своих людей приятной новостью и начать писать письмо домой. Приятной вам ночи, Ильшаз аль Мэрхами!

– И вам! – кивнул в ответ молодой человек, снова беря в руки измученную лютню, при виде которой Арнолиус ускорился, желая поскорее покинуть шатёр.

Когда он выбрался из него наружу, то внутри снова начали насиловать бедный инструмент, отчего два охранника проводили спешившего прочь гнома взорами грустных пекинесов, сожалея о том, что гость так скоро покинул их начальника, и втайне завидуя незнакомцу, который мог позволить себе зажать уши. Сам же глава балагана радовался тому, что он снова оказался под открытым ночным небом, оставив позади одного из своих врагов. Конечно, ему было жаль молодого Ильшаза, чьих предков он когда-то порешил, разбойничая на большой дороге, но что поделать? Такова жизнь. Своим бандитским прошлым Арнолиус был не то, чтобы не доволен или рад ему, но воспринимал его как должное. Да, быть грабителем довольно интересно, пока тебя не застрелят или не зарежут враги или свои же поделельники. Но это был также и тяжкий труд – жди сутками напролёт подходящей возможности, зачастую голодай, скрывайся от стражи или охотников за головами, убивай безоружных свидетелей, чтобы те не могли донести на тебя куда следует, либо постоянно переезжай с места на место.

К костру Арнолиус вернулся через полчаса от ухода, с удовлетворением обнаружив, что никто за время его отсутствия не передрался, и все вроде как живы-здоровы. Девушки сейчас занимались тем, что с фырканием плескались за фургонами, устроив себе небольшой душ. Пока одна из сестёр мылась, остальные ей помогали и следили за тем, чтобы вечно озабоченный Эванс не подсматривал за ними. Сам де Грей лишь жалобно и завистливо вздыхал, глядя за телеги, за которыми слышался плеск воды и девичий смех. Повеса был до жути похож на голодного пса, перед которым грызли кости сытые люди, не упуская случая помахать объедками перед мордой бедного животного.

– Ох уж этот Эванс! – усмехнулся в бороду Арнолиус. – Он не исправим! Даже если по его душу придут убийцы, он первым делом осведомится, что у них в штанах, а уж потом будет принимать какие-либо решения.

Половинчиков видно не было, зато явственно слышалось, как те приглушёнными головами ругаются внутри своей повозки. Эттин сейчас занимался тем, что шагал от озера с очередными бочками воды, вероятно для того, чтобы принести её с запасом для тех, кто захочет мыться после сестёр или простирать свои вещи. Судя по вывешенным на верёвке платьям и порткам, Стряпуха уже этим занималась.

– Что там с едой? – рыкнул нетерпеливый Роберт у гнома, с топотом остановившись возле него, и аккуратно опуская на землю бочки с водой.

– Будет! – кивнул ему Арнолиус. – Эй, парни! Офелия!

Назин и Атос посмотрели в сторону начальника, а в фургоне половинчиков прекратилась ругань и возня, после чего оттуда показалась кучерявая голова Стряпухи.

– Скоро к нам должна подъехать телега с продуктами, – пояснил всем гном. – Помогите Офелии с переноской продуктов, а потом расплатитесь с торговцами. С ними самими постарайтесь не трепаться – эти ребята всё ещё подозревают нас в том, что мы можем быть налётчиками. Если что – имени моего не называть, я представился на всякий случай чужим. Зовите боссом или начальником. Всё. Я к себе в шатёр... то есть тьфу! В фургон! Буду писать письмо.

В этот момент девушки закончили плескаться за повозками, выходя к костру и блестя свежeweмытыми волосами, с интересом слушая, что говорит Арнолиус.

– Ну, а вы тут чем занимались без меня? – спросил тот, оглядывая подчинённых.

– Слушали лекцию о борделях Белокамня! – усмехнулась Нира, подмигивая Эвансу, отчего менестрель расцвёл, подобно майской розе – неужели сегодня ему перепадёт немного любви от этой красавицы?

Глава 2

Чумазый Коврига до сих пор не мог оттереться от сажи и пепла, коего в оазисе по прихоти случая оказалось более чем предостаточно. Надо отдать должное юному Ильшазу аль Мэрхами, поскольку он не был дураком, и смог обнаружить в рассказе своего гостя мелкие нестыковки. И, кроме всего прочего, память ещё пока не изменяла начальнику каравана, который едва ли не каждую ночь во снах видел звериный оскал Арнолиуса, зарубившего его отца. Но, надо отдать ему должное, Ильшаз не стал делать вид, что узнал убийцу своих родных, и даже мило угостил его ужином, и всё лишь для того, чтобы отпустив изверга, позвать к себе Салима.

– Посланную им еду – отравить! – распорядился торговец. – Насыпать туда снотворного, да побольше – главное, вырубить их великана и медведя, а уж с остальными мы справимся!

– Вы задумали напасть на балаган, ваше благородие?! – ужаснулся начальник охраны, который никогда разбоями раньше не занимался.

– Мне не нужны их вещи, деньги или имущество! – тут же отмахнулся от испуганного подчинённого Ильшаз. – Только голова того гнома, которого ты привёл ко мне в шатёр!

– Он... он обидел или оскорбил вас, ваша светлость?! – нахмурился воитель.

– Да, Салим! – кивнул головой Ильшаз. – Но сделал это не сейчас, а тридцать и одиннадцать лет назад.

– Это как так?! – опешил помощник, не знавший истории Мэрхами.

– Мне было тогда всего одиннадцать лет, мой друг, когда я начал ходить с караванами своего отца, – охотно пояснил молодой человек. – Во время одного из переходов на нас напали разбойники, которых вёл тот самый гном. Этот мерзавец возглавлял целую банду, и на моих глазах зарубил Равуша аль Мэрхами, моего отца. А теперь заявляется ко мне, называется чужим именем и просит помощи, как ни в чём не бывало! Перед смертью отец успел поведать мне, что нашего деда зарубил тот же самый гном, а посему я запомнил этого негодяя в мельчайших подробностях, чтобы иметь возможность отомстить, когда настанет такой час. Да, он немного изменился, но знаешь, что его выдало? Его резная трубка, которую он курил тогда, и которую вертел в пальцах, когда собирался уходить!

– Так может, он узнал вас? – вздрогнул начальник охраны.

– Не знаю, – покачал головой молодой Мэрхами. – Не знаю, Салим! Но я очень не хочу упустить убийцу своих предков, когда мне выдался такой удобный шанс! Насыпь побольше снотворного им в еду и вино, а потом прикажи своим людям быть настороже – как только циркачи уснут, мы нанесём им визит.

План Ильшаза был неплох, за исключением того факта, что Арнолиус был настороже, а отравление продуктов торговцам особенно не помогло, потому как Дега – крыса Офелии, спустившись по рукаву Стряпухи к еде, громко чихнула и отказалась пробовать подношение, что означало только одно – пища не в порядке. Вызванный Арнолиус нахмурился, поскольку подозревал, что молодой торговец мог его узнать. Пока первой ловушки удалось избежать, однако следовало быть начеку. Отказываться от еды также не следовало, ведь это сразу же насторожит Ильшаза, а численный перевес был сейчас на его стороне. Кроме того, Конан и Малыш ещё не оправались от прошлых ран, Атос не мог ходить без чужой помощи, а все они устали и ослабли от голода. Именно поэтому гном с улыбкой и словами благодарности принял отравленную еду, позже свалив её за телегами, расплатился с посланниками и приказал Стряпухе делать вид, что та усиленно готовит поздний ужин, дабы обмануть наверняка наблюдавших за ними охранников.

Пока низушка изображала бурную деятельность, а остальные ворчали или делали вид, что ждут еды, Арнолиус поведал всем о ловушке и способе улизнуть из неё. В итоге, пока его ребята делали вид, что готовят и ужинают, он с Вирой пробрался на примеченный им ранее

бархан, после чего создал там иллюзию большого отряда. Когда в ночное небо взмыли десятки горящих стрел, то всего лишь две из них оказались настоящими. За первым залпом последовал второй, а потом со склона вниз посыпались иллюзорные грабители, размахивающие мечами и улюлюкающие боевые мотивы. Естественно, что Ильшаз растерялся, когда понял, что оказался меж двух огней – с одной стороны был балаган ненавистного гнома, а с другой банда разбойников, размеры которой, как и разгоравшийся в палаточном городке пожар, были весьма опасными. Вполне возможно, что это были сообщники ненавистного гнома, и сейчас их станут атаковать с обеих сторон. Пока Ильшаз разрывался между необходимостью отомстить убийце своего отца и деда, а также желанием защитить вверенное ему имущество, балаган снялся с места и начал спешно уходить в пустыню – одна проблема отпадала сама собой, хотя при этом и пропадала возможность отомстить мерзавцу. Но сожалеть было некогда – следовало защищать лагерь и товары от нападения, поскольку грабители были уже близко. Тотчас к воплям приближавшихся бандитов добавился рёв потревоженных верблюдов, ржание перепуганных мулов, а также визги погонщиков и вопли разбуженных охранников, выстраивающихся в боевой порядок. Пинками удалось привести торговцев в чувство и заставить их начать тушить вспыхнувший пожар, пока стражники схватились с бандитами. Их панические вопли добавили паники в общий котёл, когда всюду зазвучало:

– Призраки! На нас напали призраки! Оружие на них не действует! Моя стрела пролетела сквозь него! А мой меч не смог пронзить эту тень! Спасайся, братцы!

Однако через несколько минут всеобщей суматохи караванщикам удалось понять, что никаких бандитов тут нет и в помине, а есть лишь профессионально сотворённые иллюзии, которые уже начали рассеиваться в стылom ночном воздухе. И пусть грабители оказались настоящими, но вот урон всё же оказался ощутимый – пламя успело уничтожить много палаток и один торговый шатёр, изрядно попортив часть товара, что послужило всего лишь отвлекающим манёвром. Манёвром, который позволил настоящему злодею сбежать. Подозрения Ильшаза быстро подтвердились, когда он обнаружил всю отравленную по его приказу пищу в растоптанном состоянии на месте короткой стоянки балагана. Хуже всего, что заплаченные гномом за еду золотые монеты неожиданно обернулись медяками, отчего аль Мэрхами почувствовал себя оплётанным даже не дважды, а трижды! Первый раз, когда он поверил гному и пригласил его за стол, лишь под конец разговора узнав, что перед ним убийца, отчего молодой караванщик не смог самолично отрубить мерзавцу голову, потом во второй раз, когда сгорела часть товара, а балагану удалось ускользнуть, и, наконец теперь, когда он понял, что большое число пищи пропало зазря. Поскольку эттин и медведь съесть должны были много, пришлось оторвать от сердца значительное число продуктов, которое пропало втуне.

– В погоню! – бесновался аль Мэрхами, спешно взбираясь в седло своего жеребца. – Два десятка остаются охранять караван, все остальные – в погоню за балаганом!

И напрасно Салим пытался переубедить молодого Ильшаза, что тот затеял опасную авантюру – молодого человека было уже не остановить. Пока ловили по всему оазису перепуганных коней, пока спешно выехали вдогонку, трупы уже и след простыл, хотя, скорее всего, объяснялось это способностью гнома наводить первоклассные иллюзии. Кроме того, с одной из сторон обнаружился большой отряд конных всадников, стремительно летевших на дым и суматоху лагеря, отчего молодому начальнику пришлось, скрипя сердце, возвращать всех своих воинов назад. А сам же балаган сделал небольшой крюк, чтобы оторваться от погони, изначально уводя погоню в пустыню, а потом скрытно при помощи магии Арнолиуса вернулся на тракт. Скорость продвижения из-за усталости заметно снизилась, зато теперь можно было не опасаться пропустить гонцов, если Ильшаз захочет отправить вестника в сторону Белокамня по дороге. Погоню он послать туда не пошлёт, поскольку наверняка уверен, что балаган ушёл в пески, да и не получится ему расплывать силы между медлительным караваном и желанием отомстить.

В поджоге чужого лагеря принимали участие не только Вира и Арнолиус при помощи зажигательных стрел, метившие в палатки охраны, но также и юркий Коврига, незаметной сапой просочившийся к шатру торговцев, служившего чем-то навроде склада. Диверсия удалась на славу, вот только самого половинчика едва не затоптали в суматохе охранники, и он едва не отстал от труппы. Теперь же все молча ехали вперёд, ругая и кляня судьбу почём свет.

– Пожрать не удалось! – в который уже по счёту раз ворчал Роберт. – Помыться не успел, поспать не дали! Да что же это такое, в самом деле?! На кой, спрашивается, было бежать от торгашей, когда их можно было просто ограбить?!

– И чтобы потом все вокруг твердили о том, что труппа Арнолиуса не более чем шайка проходимцев и грабителей? – вздохнул гном, выпуская вверх очередную струю табачного дыма. – Нет, так дела не делаются!

– Про нас и так пойдут самые гнусные слухи, если этот, как ты его назвал, Ильшаз, отправит гонца в Белокамень с нашим описанием, – заметил Эванс. – Ты только представь, как встретят нас там, когда узнают, что мы поджигатели!

– Этому не бывать! – сплюнул табачную слюну на песок гном.

– Это ещё почему?

– Во-первых, потому, что дым пожара и суматоха привлекла к лагерю каких-то всадников со стороны пустыни, – усмехнулся Арнолиус. – Мы их с Вирой заприметили, когда вас нагоняли. А раз их увидели мы, значит их заметил и Мэрхами. Естественно, что торгош не бросит своего груза без присмотра, поэтому погони можно не опасаться.

– А во-вторых?

– Во-вторых, как гонец проскользнёт мимо нас, если мы едем по тракту? Песками брести намного медленнее, а всех всадников, что с нами поравняются, мы можем с пристрастием допросить. Да, Роберт?

– А то! – злорадно рыкнул тот.

– И всё это из-за твоих старых счётов! – вздохнул Эванс.

– А что прикажешь мне тогда было сделать? – сурово посмотрел на него Арнолиус. – Зарубить мальчонку вместе с папашкой, который никак не хотел сдаваться?

– А нельзя было как-нибудь мирно попробовать зарабатывать себе на жизнь? – посмотрела на гнома Нира.

– Можно, – кивнул тот согласно. – Но это долго и нудно. Между прочим, этот балаган куплен именно на средства, вырученные подобным образом. Так что не стоит мне тут жаловаться, что я кровожадная скотина. Кроме того, часть средств я всегда жертвовал местным властям на благотворительные цели, чтобы те считали меня меценатом, а не разбойником.

– А если гонец явится в город не сегодня, а, скажем, через пару дней? – озадачила всех Лира. – А мы уже будем в самом его центре у всех на виду и даже знать об этом не будем. Что тогда?

– Что вы всё переживаете, в конце-то концов? – нахмурился гном. – Это моя с Мэрхами давняя вражда, и вас она не касается. Если даже и нажалуются на нас, вся вина будет моя, а не ваша. Вас тридцать лет назад многих ещё и в помине не было, а про пожар они ничего доказать не смогут – вас же не застали за поджогами. И вообще – забыли про это недоразумение!

Какое-то время все ехали молча, однако когда очередной поворот вывел балаган из-за барханов, впереди заблестела далёкая пёстрая голубая лента, окаймлённая зелёными полосами.

– А вот и она – Полноводная! – усмехнулся Арнолиус, трубкой показывая направление. – А вот то большое серое пятно впереди – это и есть Белокамень – столица Эоса! Город городов!

– Что-то он не кажется мне большим! – заметил Руперт сверху.

– Потому как мы пока далеко и не видим его всего, – пояснил Эванс. – Город огромен, поверь мне!

– А что это за три башни? Одна зелёная, и две обычные? – спросил Роберт, приложив к голове козырьком свою большую ладонь, заслоняя глаза от встающего солнца.

– Башень там только две, зелёное – это огромное живое дерево в чаще эльфов. Их дворец.

Чем ближе к городу приближались артисты, тем отчётливее становились слышны впереди какие-то взрывы, а над следующим барханом неожиданно блеснула самая настоящая молния, хотя на небе не было ни облачка.

– Что там происходит?! – заморожено или испуганно глядели все в том направлении. – Что это было? Что за дым и взрывы? Похоже, что там идёт битва! Нужно сворачивать в сторону, пока нас не заметили!

Малыш бросил вопрошающий взгляд через плечи назад, но Арнолиус всех успокоил.

– Не стоит волноваться! Скоро мы приблизимся к Стекляшке – большому песчаному карьере, где маги и алхимики испытывают свои новые составы и заклятья, и обучают там новичков опасным вещам – это их учебный полигон. Чтобы эти горе-школьники или самоуверенные зазнайки не взорвали половину города, их обязали проводить свои эксперименты снаружи, вот тут-то они этим и занимаются.

– А почему Стекляшка? – поинтересовалась любопытная Нира.

– Скоро увидишь.

Чем ближе к полигону приближался тракт, тем чаще стал попадаться оплавленный песок, слившийся в небольшие застывшие озёрца мутного стекла. В низине обнаружилась небольшая группа учеников, которых пестовал опытный маг в цветастых одеждах, раз за разом безуспешно втолковывающий своим подопечным, как правильно вызывать молнии. В соседнем котловане обнаружилась самая настоящая лаборатория под открытым небом, где четверо алхимиков в грязных робах варили нечто жутко вонючее и ужасно чадящее, поскольку из их котла в небо уходила такой большой столб густого дыма, что он, казалось, доставал до самого солнца, нещадно жарившего всех живых существ на песках под собою. Когда жидкость в одной из колб опасно забурилась, фигурки в робах завопили, ближайший алхимик схватил её рукавицей и швырнул в сторону. Раздался оглушительный взрыв, разметавший песок во все стороны, отчего образовалась новая воронка, коих тут было как дырок в хлебе. Вокруг новой насыпи температура была такой сильной, что песок начал плавиться, мутным стеклом капая на дно дыры.

– Теперь понятно, почему Стекляшка? – усмехнулся Арнолиус.

– Ага! – кивнула Нира.

Притихший было говорун-Эванс достал свою лютню и попробовал было запеть, но эту затею пришлось бросить, поскольку взрывы на полигоне позади загрохотали один за другим, сливаясь в самую настоящую канонаду, и его всё равно никто бы не услышал.

Чем ближе к городу приближалась труппа, тем чаще стали попадаться постройки, в то время как пустыня плавно перешла в некое подобие степи, а по обе стороны от города обнаружались полосы джунглей, разросшихся по берегам реки. Появились и первые вездесущие фермеры, животноводы, а также извечные попрошайки и оборванцы. Все с удивлением провожали невиданную процессию из двуглавого великана, большого медведя и влекомых ими и лошадьми цветастых фургонов. К удовлетворению всей труппы Арнолиус поспешил купить немного готовой еды в придорожном трактире с названием «Копыто», однако остановился балаган только для завтрака, и ели все прямо на улице у фургонов или внутри.

– Нужно постараться успеть добраться до площади до вечера, чтобы успеть отдохнуть к закату, и сегодня же можно было дать первое выступление. Поскольку Назин пока ещё не дописал новую пьесу, покажем зрителям что-нибудь из нашей классики.

– Например?

– Можно «Трёх сестёр», там мужчин много не требуется, – ответил гном, спешно глотая свой завтрак. – Мы же ещё не знаем, как скоро поставим Атоса на ноги.

– Я могу играть и так, – подал голос артист.

– Больно зрителям охота будет на тебя глазеть, когда ты по сцене будешь с костылём скакать!

В ответ на это замечание Эванс захихикал, но ему велели заткнуться.

– Назин! – позвал полуэльфа Арнолиус. – Когда твоя пьеса уже будет окончательно готова?

– Зы-зы-зы-з, – замычал тот, не в силах проговорить ненавистную букву с первого раза.

– Завтра? – тут же пришёл ему на помощь гном.

– Да, – кивнул с облегчением автор.

– К утру справишься? Может, тебе Эванса в помощники отрядить? Он тоже неплохие стихи и пьески сочиняет.

– Н-н-не н-нужно, – покачал головой Назин. – Я са-справлюсь сам.

– Ну сам, так сам. Только уже давай, постарайся успеть в срок!

В ответ на это полуэльф лишь нахмурился, поскольку, как и все прочие авторы, он не любил, когда его подгоняли. Он мог бы ещё добавить, что закончил бы эту пьесу ещё вчера или даже пару дней назад, если бы ему не мешали, а Эванс постоянно не задирает его. Вместо того, чтобы оставить беднягу в покое, все изводили его вопросами и мешали сочинять, стараясь узнать детали новой постановки.

Пока труппа завтракала вокруг их стоянки собралась приличная уйма народу, большей частью которой оказалась ребячница, с восхищением взиравшая на эттина, пещерного медведя и Мягкоступа Лиры, который сидел рядом с хозяйкой, принимая из её рук кусочка мяса. Зевак восхищали двухголовый великан, а также то, с какой ловкостью паук девушки ползает по своей хозяйке, норовя приластиться к ней и выпросить себе ещё кусочек. Коврига, закончивший трапезу раньше всех, попробовал было поработать мимом, желая заработать несколько медяков, но Арнолиус одёрнул его, а потом дал команду собираться.

– Некогда нам тут рассиживать, – пояснил он артистам, после чего обернулся к разочарованной толпе, не дождавшейся бесплатного представления. – Дамы и господа! Труппа дяди Арни приглашает всех желающих сегодня вечером в цирк, где мы начнём давать невиданные доселе представления. Поверьте, помимо этих двух красавцев, моему балагану есть чем вас удивить! А теперь прошу нас извинить, но нам необходимо попасть в город!

Первым препятствием на пути к цели стали Восточные ворота Белокамня, возле которых балагану пришлось остановиться, когда стражникам вздумалось пожить или проявить бдительность.

– А ну стой! – вышел на дорогу в сопровождении двух рядовых пузатый и усатый десятник.

Сам он был краснолиц, толстощёк, а пузо не помещалось в служебную кирасу, посему она сиротливо стояла у караулки. Шлем также едва держался на его круглой, но абсолютно лысой, как тыква, голове, а посему держал его служивый подмышкой. Оба его спутника были его полной противоположностью, напоминая двух глистов в сапогах, затерявшихся в выданных им кольчугах также основательно, как ребяченок в отцовских рубашках. Однако власть есть власть, как бы нелепо она не выглядела, а посему пришлось подчиниться их требованию. Кроме того, солдат тут было явно больше трёх, поскольку из караулки наружу высыпало ещё несколько человек при оружии и в броне.

– Начинаются поборы! – вздохнул Коврига, который не любил всех этих проверок, целью которых было зачастую не обнаружение контрабанды, а попытка стясти с въезжающих побольше монет.

– О доблестный страж, не вошедший в раж! – пропел со своего места Эванс, подыгрывая себе на лютне. – Артистов уважь и приказ покажь! На кой задержал нас поведай всем, наш балаган не тревожен ничем!

– Отставить песни! – нахмурился десятник, похожий на тыкву. – Осматривать требуется все повозки и фургоны. Кто тут главный?

– Я! – слез с сиденья Арнолиус, и Малыш положил ручки его телеги на землю, начиная разминать затёкшие мускулы.

Стражники с опаской покосились на великана, а также на хрипевшего в упряжи меведа, из пасти которого хлопьями падала пена.

– Чего это с ним? – спросил десятник, указывая на зверя.

– А сам-то как думаешь? – усмехнулся с телеги Коврига. – Жарко ему в ваших пустынях в своей шкуре, вот и слюни роняет.

– А то мало-ли, бешеный какой, – хмыкнул стражник, отчего вызвал у всех артистов не очень приятные ассоциации и чувства.

– Меня звать Арнолиус, и это моя цирковая труппа, – перешёл к делу гном, приблизившись к десятнику. – С кем имею честь говорить?

– Десятник Келли, – представился тот. – Приказ об осмотре вам показывать или поверите на слово?

– Показывай! – кивнул Арнолиус, закладывая руки за спину.

Пока ему несли нужную бумагу и пока он знакомился с её содержимым, два тощих стражника начали перешёптываться между собой, косясь на гнома исподтишка. Артисты также не сидели сложа руки, отодвинув свои повозки немного в сторону, чтобы не мешать пешеходам и прочим всадникам проезжать из города наружу или внутрь. Назин и Коврига распрягли Конана, отведя его в сторонку, и задавая бедному зверю воды, чтобы тот мог хоть немного прийти в себя.

– Хорошо! – кивнул Арнолиус, когда закончил изучать приказ. – Вполне разумно. Что ж, давайте приступать к досмотру.

– Вот и хорошо! – обрадовался такой покладистости Келли. – Маги и волшебные предметы в группе есть?

– Есть! – кивнул гном. – Я маг. Специальность – иллюзионист. Артефакты сейчас предъявлю. Где там ваш таможенный служащий?

– Эй, а я вас узнал! – заявил один из стражников гному, отчего тот немного напрягся.

Он уже привык к тому, что стал живой легендой во плоти, поскольку успел отметиться во всех уголках этого мира, однако в разных его местах легенда эта могла быть как доброй, так и страшилкой для детишек. Оставалось только узнать, в каком качестве его мог запомнить тот тощий стражник.

– Это же вы десять лет назад в одиночку уничтожили оборотня, который долгое время терроризировал Дыру, верно?

Расслабившись, Арни кивнул. Да, было такое дело. Тогда его долго благодарили, вручили награду, при этом не зная, что оборотень, которого никак не могли поймать, явился только благодаря самому гному. Именно десяток лет назад Арнолиус разыскал одного человека, с которого должен был взыскать должок за убийство своего друга детства, однако скрывавшийся от правосудия оказался не так-то прост, поскольку страдал ликантропией и совершил тот налёт супротив своей воли. Теперь же бедный горожанин по имени Рейв научился справляться со своей звериной сущностью, нося амулет против полиморфии на шее, который не давал ему становиться зверем. Он забыл про страшные ночи в полнолуния, когда проспался наутро голым и окровавленным, обзавёлся семьёй, усыновил и удочерил несколько ребятишек, а теперь к нему с грохотом вламывается огромный злой гном, желающий отделить голову от туловища. Выбора у бедного Рейва не было – или помирать и пускать детей сиротами

по миру, либо пытаться убедить визитёра (коим оказался наш Арнолиус). Однако гном говорить не желал, лишь выгнал всех деток наружу, чтобы тем не пришлось смотреть на кровавую расправу. Однако её не последовало – Рейл сорвал с себя амулет, и ликантропия, сдерживаемая годами, вырвалась наружу, явив миру страшного зверя. Поскольку воздержание было длительным, то и обратной трансформации не последовало аж на протяжении целой недели, в течение которой оборотень извёл уйму народу, а гном упорно шёл по его следу, и, в конце концов, всё-таки умертвлячил. Будь это Левобережный Белокамень, то монстра быстро бы изловили стражники, но это была Дыра, и на все тамошние трупы властям было абсолютно фиолетово, посему чудищу удавалось так долго оставаться безнаказанным. Арнолиус тогда совершил необходимый ему акт мести, правда это стало причиной многих непредумышленных убийств со стороны оборотня, а потом и получил награду и признание всей бедноты Дыры. Не знавшие этой истории артисты с интересом уставились на начальника, делая себе в памяти зарубку, гласившую о том, что нужно будет на привале как следует расспросить об этом гнома.

Когда Арни сознался стражникам, что да, это он, те радостно стали пихать друг друга локтями, уверяя, что каждый из них первым узнал героя-гнома, о котором ходило множество историй по всему свету. Однако статус живой легенды не отменял факта возможной контрабанды, поэтому вскоре фургоны начали обыскивать один за другим. Как и обещал, Арнолиус показал все свои волшебные предметы, коих набралось не особо и много, а потом позволил стражникам обыскать свою повозку. При виде распахнутого сундука, являвшегося казной балагана, стражники завистливо вздохнули, поскольку монет там было с достатком, пусть из них большая часть и была серебряной. Следом шёл фургон половинчиков, и пока его осматривали, Коврига с Офелией и Назином стояли рядом с распряжённым Конаном.

– Пропадёт что из вещей, подам в суд! – буркнул полурослик стражникам, однако те не обратили на его реплику ни малейшего внимания.

– А чего это у вас часть посуды побита, сажа и кровь на досках? – вынырнул наружу Келли.

– Посуду били и кровь лили! – хмуро заметил Зингар. – Сам-то как думаешь? Это же наша полевая кухня!

– А я думал, на вас напал кто. Весь тент в дырах, словно стрелами истыканный.

– Это для вентиляции! – буркнул Коврига, хотя на самом деле ткань и правда пострадала в бою с орками и Офелия ещё просто не успела её залатать. – Тяжело жарить и варить внутри запертого помещения, где нет и дуновения ветерка.

– На нас и правда напали в пути сюда на Торговом Тракте, – не стал отпираться Арнолиус. – Сначала разбойничья шайка орков в полутора днях пути. Главным у них был большой шаман с таким головным убором из перьев.

Гном руками показал, на что походил убор предводителя разгромленной шайки, а потом продолжил.

– Роба у него была со шрамом, а вместо одного глаза бельмо.

Улыбка сошла с лица десятника, когда он узнал по описанию бандита.

– Эй, Ярик! – крикнул одному из своих подчинённых Келли. – Тащи сюда листовки с орками!

Когда стражник вернулся с листами, то гном уверенно ткнул в один из них, заявив.

– Вот этот!

– Мерзкий персонаж! – цокнул языком десятник. – Страхом кличут!

– Очень метко подмечено, – кивнул Арнолиус. – Можете про него больше не беспокоиться, он сдох.

– Голову притащили? – тут же поспешил осведомиться Келли.

– Нет, – пожал плечами гном. – Не до того было.

– Жаль, – вздохнул десятник. – За этого паскудника награда полсотни золотом! Далеко, говорите, он почил?

– Да бесполезно туда возвращаться – махнул рукой Арнолиус. Я ему репу топором на две части развалил. А то, что осталось, уже наверняка поклёвано стервятниками или сожрано другими хищниками.

– Да, жаль, – почесал лысый затылок Келли. – Но вы говорили о нескольких нападениях!

– Да, конечно! – тут же кивнул гном. – Второй раз на нас собирались напасть во время ночёвки в оазисе.

– Снова бандиты?! – насторожился стражник.

– Хуже! – хмуро ответил Арнолиус. – Некто Ильшаз аль Мэрхами, глава каравана. Знаете такого?

– Вчера только вышли через наши ворота, – нахмурился Келли. – Но разве глава каравана занимается разбоями?

– Но вот нас он решил ограбить, поскольку продал нам отравленную еду. Вот, я сохранил пару кувшинов их вина, а также ёмкость с супом. Можете исследовать, и убедитесь в этом сами. Вероятно мерзавец заинтересовался моими девочками или содержимым наших сундуков, а посему решил усыпить нас и обобрать или взять в плен. Насилу удалось вырваться из оазиса, благо на караван налетели какие-то песчаные разбойники.

Услышав эту историю, артисты заулыбались, поскольку их начальнику удалось перевернуть всю историю с ног на голову, выставив торговца кровожадным мерзавцем, хотя им в своё время оказался сам Арнолиус.

– Вы можете предъявить официальное обвинение на аллее Правосудия, ежели пожелаете, – тут же вздохнул Келли. – Но я в первый раз слышу, чтобы семейство Мэрхами решилось на подобную гнусность!

– Никто из нас не пострадал, и никакого ущерба нет, – махнул рукой гном. – Но наказать торговца всё равно нужно, чтобы ему было неповадно впредь заниматься подобными непотребствами. Ладно, давайте продолжать обыск.

– Хорошо! – хмыкнул Келли, после чего плотоядно улыбнулся – дальше на очереди был фургон обворожительных сестёр.

Однако когда он попытался забраться туда, то улыбка с его лица быстро исчезла, а сам он с испуганным воплем шарахнулся наружу – девушки забыли про своих питомцев внутри, которых теперь выносили из повозки под заинтересованными взглядами стражи и зевак.

– Да у вас тут целый зоопарк! – заметил таможенный пристав. – И что – все ядовитые?

– Кроме змеи, – ответила Нира, мило улыбаясь мужчине и кутаясь в своего удава, словно в плащ.

Сам Обнимашка был только рад тому, что может лишний раз погреться от хозяйки и на солнышке, как и сама девушка – пекло в городе было жуткое, а удав был таким приятно-прохладным.

– За ядовитых необходимо платить пошлину, – тут же поспешил вставить свои два медяка пристав.

– Легко.

– Давайте сначала всех животных сюда для осмотра! – приказал Келли, наблюдая за тем, как на полянку укладывают скорпионов, удава, паука и ручную крысу.

Пристав внимательно изучил их, после чего выдал.

– Крыса и паук зачарованы!

– Это приживалы, – тут же поспешил пояснить Арнолиус, выступая вперёд.

Приживалами назывались любые животные, которые усиливались магией. Причём неважно, для чего это делалось – для усиления, продления жизни, дрессуры или чего ещё. Многие маги и монстрологи всегда стараются создать себе подобного питомца, поскольку он

может здорово облегчить жизнь и скрасить одиночество. Как правило, все приживалы умнее своих обычных собратьев, а также сильнее, ловчее и живут подольше. Между ним и хозяином устанавливается ментальная связь, отчего человек может отдавать команды своему питомцу мысленно, не прибегая к жестам или словам, и всегда чувствует, когда его зверёк страдает. Положительная взаимосвязь давно была подмечена магами, поскольку существовали такие пары всегда в симбиозе. Зверьки помогали своим хозяевам, а те, в свою очередь, подпитывались от людей, что гарантировало им более долгую жизнь и повышение интеллекта. Конечно, сделать таким образом из обычной крысы говорящую и, тем паче, читающую, невозможно, но и без этого подобный питомец даст фору любым своим сородичам. Как, например, безошибочное чутьё Деги уже не раз спасало труппу от отравлений, либо недавний пример в бою с орками, когда Мягкоступ защитил одну из сестёр, когда той потребовалась помощь.

– Эту крысу зачаровывал я сам, – тут же разъяснил Арнолиус таможеннику. – Она чует любые яды в пище. А этого паука подарили моей артистке тёмные эльфы в Подземье.

– По серебряному империалу за каждую особь! – тут же поспешил внести в список добавку к сумме пошлины пристав. – За ядовитых – по пять медяков. Итого, с учётом медведя... кстати, что там медведь, волшебный, не?

Келли приставил к глазу зачарованный монокль, при помощи которого выявляли любую скрытую магию или оборотней, глядя через него на Конана, которого трепал по холке Назин.

– Нет, обычный! – ответил стражник, убирая монокль обратно.

– Значит, за ядовитого или хищного по пять медяков, волшебные – по серебрянику. Итого...

Он озвучил сумму, а потом с кряхтением полез в фургон сестёр. Внутри стражники, пристав и Арнолиус пропадали долго, поскольку вещей у девиц накопилось в изрядном количестве.

– Магический! – указал Келли на безразмерный сундук, после чего приказал гному. – Открывайте!

– Снаружи, пожалуйста, – тут же поспешил заявить тот.

– Снаружи, так снаружи! – легко согласился десятник, делая знак своим людям вытаскивать предмет из фургона.

Вскоре стражники с ужасом, завистью и восторгом наблюдали, как волшебный предмет исторг из себя столько одежды, ювелирных изделий и оружия, что хватило бы на целый рынок.

– Это что?! – ошарашенно чесал свою тыкву Келли, указывая на груды оружия. – Вы что, разбойники?! Зачем вам столько клинков?!

– Девочки! – устало позвал гном, делая знак сёстрам и Офелии.

Вскоре Стряпуха уже ловко жонглировала десятком небольших ножей, Нира исполнила короткий танец с саблей, а Вира и Лира метнули по паре кинжалов в цель, коей оказалась доска с объявлениями. Все четыре лезвия впились практически в самый центр листка, который призывал всех покупать горшки и посуду только у Авака, потому как «Лыбедь и Гомель криворукые уроды и плохо обжигают свои горшки, отчего те быстро трескаются и воду пропускают!». Естественно, что подобная демонстрация, а особенно танец Ниры, которая так эротично виляла бёдрами и грудями, вызвала у служивых целый шквал аплодисментов, как со стороны стражи, так и со стороны многочисленных зевак и случайных прохожих.

– Можете денег не платить, – усмехнулась и подмигнула десятнику и раскрывшему рот приставу Нира. – Выступили бесплатно. Но вот пошлину можете нам урезать, это будет очень мило с вашей стороны!

– Никак не можем! – проблеял Келли, утирая мигмом вспотевший лоб. – Приказ!

– Хм, я так и думала! – нахмурилась Нира, отходя прочь.

– И всё же, – спросил через пару минут десятник, когда справился со своими эмоциями после представления. – На кой вам столько оружия?

– Это я коллекционирую, – выступила вперёд Ви́ра. – Моё увлечение. Люблю подрасться, знаете ли.

Глядя на её мускулистую фигуру, а также на то, как она метала ножи, в это верилось очень легко.

– А украшений откуда столько? – продолжал слабо настаивать на своём Келли, хотевший ещё было добавить – а не краденые ли это вещи, но сказать этого не успел.

– Надо же нам в чём-то хранить свои сбережения, – ответила Лира. – Кроме того, нас часто одаривают благодарные зрители из благородных. Не только украшениями, но вот и паука подарили, как видите!

Кивнув, стражники с приставом перешли к последнему фургону, но там их заинтересовал только раненый Атос и сундук, принадлежавший Эвансу.

– Что с вашим товарищем? – указал на ногу дворянина Келли.

– С лошади неудачно упал, – не стал врать тот. – Случайность.

На всякий случай десятник осмотрел лубок на его ноге при помощи линзы, однако скрытых вещей или магии в нём не обнаружил.

– Чей сундук? – спросил пристав, прежде, чем открывать его.

– Мой, – тут же нарисовался де Грей, нервно переминавшийся с ноги на ногу.

При виде его нерешительности стражники и пристав немного оживились, рассчитывая на обнаружение запрещённых вещей, однако их ждало разочарование. Внутри обнаружилось огромное число разнообразных платков всевозможных форм, размеров, цветов и материала, отчего на рожах у всех поселилось крайняя степень недоумения. Часть из них оказалась обшита серебром или даже золотыми нитями, часть была из очень дорогих материалов, а большинство были обычными отрезами ткани, обшитыми по краям или вовсе без этого. Часть из них и вовсе были обрывками или отрезами чего-то другого, словно их аккуратно среза́ли ножницами или кинжалом от платья. На некоторых платках обнаружились чьи-то инициалы, но все они были разными, и, похоже, принадлежали разным людям, а, вернее, дамам, поскольку мужчины себя подобными шалостями развлекали редко, предпочитая шумно сморкаться в руку или зажимая одну из ноздрей. Да и фасон у всех изделий был соответствующий.

– На кой ляд тебе столько платков, а? – посмотрел десятник на Эванса. – У тебя что – такой ужасный неизлечимый насморк, что ты возишь с собой целую сотню или сколько их тут?!

– Три сотни, – шмыгнул носом бард. – Недавно стало. Нет, это не от насморка. Это напоминание о каждой женщине, что у меня когда-то была.

– Эвона как! – крикнул ошалевший Келли, начиная чесать затылок.

Сунувшаяся было вперёд любопытная Нира заметила в ворохе платков, который держал удивлённый пристав в своём кулаке, что-то до боли знакомое, и поспешила выхватить у него один из лоскутов, коим оказалась тряпочка жёлтого цвета. А далее последовал скандал, который позабавил всех, кроме самих участников, поскольку девица кричала на перепугавшегося Эванса, угрожая намять ему бока, поскольку «этот паскудник испоганил мне любимое платье, срезав с него кусок, а я-то всё гадала, когда я смогла его порвать!». От расквашенного носа бедолагу де Грея спасло только то, что он мигом взлетел на крышу своего фургона, куда Нира забираться не спешила.

– Но я же должен был оставить что-то на память о той ночи! – пытался оправдываться бард сверху, на что получил лишь порцию ругательств, а также несколько камней, которые Нира запустила в нахала прямо с земли.

Естественно, что сёстры тотчас захотели помочь своей родственнице, поднимая с мостовой новые снаряды, но тут вмешался Арнолиус, заявивший, что нечего разводить цирк на пустом месте, особенно при таком стечении обстоятельств и народу.

– Ну, или хотя бы деньги берите со зрителей! – закончил он, чем окончательно урезонил разошедшихся подопечных. – Но лучше, если вы продолжите это делать на сцене. Можем даже сценку такую поставить, ежели вам будет угодно.

Отсмеявшись, пристав озвучил сумму пошлины и получил от гнома требуемое количество монет, стражи козырнули и отправились обратно на пост, поскольку к воротам приблизилось несколько фермерских телег. Вскоре балаган продолжил свой путь, однако теперь де Грей опасался приближаться к фургону сестёр, ожидая того момента, когда Нира поостынет. Город, который Эванс и Арнолиус расписывали с таким восторгом, поначалу никому не понравился, поскольку вошёл караван в него и сразу же очутился между двумя районами – трущобами Дыры и кварталами нелюдей. Дома вокруг оказались грубой постройки, по большей части деревянные, и все какие-то кособокие. Оживление внесла только огромная раскидистая крона чардрева в эльфийской роще, которая теперь была намного больше, нежели её видели артисты издалека. Судя по размерам, дерево было настоящим исполином, и вряд ли кто-то из изумлённых циркачей когда-либо созерцал что-то более величественное.

Естественно, что необычный балаган, возглавляемый Малышом, просто не мог не собрать целые толпы зевак, которые наблюдали за процессией отовсюду, в том числе и из окон построек. Сам же эттин либо возвышался над небольшими домами, либо мог спокойно заглядывать в окна вторых и третьих этажей, чем почти довёл до инфаркта пару дам и заставил одного алкоголика начать истово молиться, решив, что ему эта гигантская харя в окне привиделась из-за излишних возлияний и пора завязывать с алкоголем. Самому великану идти в городе пришлось с утроенной осторожностью, поскольку тут было не в пример теснее, чем в пустыне, а качество дороги оставляло желать лучшего.

Чтобы не сидеть без дела, Эванс перепоручил вожжи Назину, а сам принялся играть на лютне, исполняя нечто бравурно-весёлое, Нира также поддержала идею своего товарища, танцуя на крыше своего фургона, в то время как Офелия жонглировала ножами. Естественно, что делалось это не просто так, а для завлечения публики на рыночную площадь в цирк, где вскоре предстоит выступать труппе. Толпе это бесплатное развлечение естественно понравилось, особенно учитывая тот факт, что заплатить за него здешние обыватели по большей части не могли. Артистов награждали аплодисментами, залихватским восторженным свистом, а также призывами к танцовщице, типа «Эй, красотуля! Спускайся вниз! Я тебя вином угощу!».

Почти через час пути, балаган, сопровождаемый толпами зевак, добрался до Ремесленного района, где проживал люд побогаче, а там и добрался до моста. Увидевший вблизи реку эттин заметно занервничал, поскольку плавать он не умел (не находилось таких больших водоёмов в тех местах, где он вырос), а сама переправа не внушала ему доверия. В итоге после уплаты за проезд по мосту («Опять поборы!») Арнолиусу пришлось прибегнуть к магии, дабы слегка успокоить разволновавшегося подчинённого, на что стража сделала ему замечание.

– Практиковать магические науки без разрешения запрещено! У вас есть подобное?

– А как же? – с кряхтением, достойным самого старого деда, иллюзионист вытащил из-за пазухи пожелтевший лист пергамента, которому на вид было лет не меньше, чем самому гному.

– Ты где такую реликвию выкопал, отец? – удивился стражник. – Уже лет двадцать как форма сменилась! Обратитесь в Академию для получения новой грамоты! На первый раз, так и быть, обойдёмся без штрафа из уважения к вашему возрасту, но потом не обессудьте.

– Хорошо, – кивнул Арнолиус, забирая устаревшее разрешение назад. – Благодарю!

Гном вполне мог бы обидеться на то, что его назвали отцом или посчитали стариком, да спорить со стражей обычно себе дороже.

– Как же! – буркнул он себе под нос, когда отъехал от поста. – Из уважения к возрасту! Из опасения перед паникующим великаном, скорее!

Когда отряд оказался на мосту, бесплатное представление закончилось, и все те, кто оказался в городе в первый раз, с удивлением и восторгом крутили головами, рассматривая местные достопримечательности, о которых подробно рассказывал по просьбам желающих Эванс.

– Это островной район и дворец короля! Эта высокая башня у дворца называется «Орлиным гнездом», позади чардрево эльфов, а впереди и налево высокая остроконечная башня – резиденция архимага Академии. Глядя на эти три высокие постройки можно всегда сориентироваться, в какой части города вы находитесь и определиться с дальнейшим примерным маршрутом. Так что запоминайте расположение! Вон там располагается рынок и храм богини торговли, вон те шпили и купола – это храмовый квартал.

Изумляло гостей буквально всё – и красота Левобережного и Островного Белокамня, разительным контрастом разделившая город на бедную и зажиточные части, и белевшие вниз по течению паруса величественных торговых кораблей разных форм и размеров. Дома на другой стороне реки также были значительно богаче, красивее, и сделаны, не в пример трущобным собратьям, более основательно и из лучших материалов, нежели обычная древесина. Преобладал, понятное дело, различный вид камня, хотя встречались также и добротные деревянные особняки.

Променад встретил гостей шумом, гамом и толкотнёй, хотя, понятное дело, дорогу эттину старались уступить все, поскольку никому не хотелось попадать великану под ноги. Зато следовавшим за ними прочим телегам пришлось туго, поскольку уставшие торчать в местных заторах крестьяне со своими подводами, легковые рикши и разнообразные кареты узрели в явлении Малыша свой шанс поскорее выбраться из пробки, и ломанулись всем скопом следом, оттеснив фургон Ковриги с Конаном назад.

– Эй! – тут же возмутился Зингар, гневно зыря на нагло вклинившуюся перед ним карету, запряжённую четвёркой скакунов. – Куда прёте, бараны?!

– Чего сказал?! – мгновенно возмутился повисший сзади на ступеньке стражник, рука которого потянулась к метательному ножу, который он снял с пояса. – Ты вообще в курсе, с кем говоришь?! Да ты хоть знаешь, кто в этой карете едет, смерд?!

– Без понятия, напыщенный индюк! – отвечивал Коврига. – Но вы разорвали наш строй!

– Ничего с вами, деревенщинами, не произойдёт страшного, если вы немного разминьтесь! – нагло хмыкнул стражник, поигрывающий кинжалом, готовый в любой момент метнуть его в цель.

Офелия, зыркнувшая наружу из-под полога фургона, тотчас показалась снаружи, как бы невзначай жонглируя десятком ножей, громко осведомляясь у мужа о причине его ругани. Заметивший то мастерство, с которой недоросль управлялась с ножами, стражник поспешил сконфуженно спрятать свой метательный кинжал обратно в чехол, однако конфликт на этом оказался не исчерпан. Карета резко остановилась, потому как Малыш и Арнолиус заметили размолвку, и теперь эттин под протестующее ржание лошадей и перепуганного кучера (тот блажил ещё громче коней) сдвинул карету наглого вельможи в сторону, чтобы товарищи могли догнать головной фургон. Животные в упряжи, кучер и два стражника на мгновение повисли на своих местах дохлыми сосисками, когда экипаж на короткий миг приподняли вверх, дружно ухнув, икнув или с шумом испортив воздух.

– Это безобразие! – донеслось изнутри кареты. – Да вы хоть знаете, кто перед вами?!

– Нет! – честно ответил Арнолиус. – Вы же не назвали! А дорогу занимать за нами не нужно, поскольку медведь, шедший следом, привык к нашему фургону, а вот на вашу карету мог отреагировать весьма дурно. Так что думайте в следующий раз, прежде чем так рисковать!

Когда балаган выехал к Променаду или рыночной площади, голова у сестёр пошла кругом – это было самое настоящее людское море, украшенное островками и рифами из магазинов. Их тут было столько, что за день не обойдёшь! Однако пересекать это скопище народу

было попросту нереально, да и излишне, поэтому балаган двинулся по краю рыночной площади, которая граничила с кварталом увеселений и цирком. За оградой городка артистов было установлено множество шатров, фургонов, стендов и помостов, на которых всю работу зазывалы, пели и плясали артисты, а также слышались смех, аплодисменты или дружные ах-ня изумлённой публики.

– Ну вот мы и на месте! – улыбнулся Эванс с видом если не хозяина всего данного места, то точного дорогого и явно желанного в этих краях гостя.

– Занимайте пока свободное место на том пятачке, – указал направление рукой Арнолиус. – Разбивайте шатёр, распрягайте коней и Конана, в общем, обживайтесь. А я пока отправлюсь к начальнику этого бедлама и заплачу за наш постой.

Сказав это гном спрыгнул с облучка, направляясь в сторону небольшой палатки, разбитой прямо у входа в цирковой городок, вымпел над которой имел на себе соответствующий значок, обозначающий администрацию. У самой палатки пришлось немного обождать, поскольку начальник цирка был занят, принимая у себя главу другой труппы, и за то время, пока гном стоял у входа, он успел выкурить трубку табаку, покашлять, высморкаться и вытереть руки об ткань палатки, а также послушать интересную историю. Двое разнорабочих спорили, кто же изнасиловал гимнастку из труппы некоего Лёлио, и был ли вообще совершён акт насилия, либо та врал.

– Мне кажется, что в городке появился суккуб, инкуб или некий злоумышленник, использующий возбуждающие и сонные средства, – доверительно шептал один мужчина другому. – Уже не первая дама жалуется, что чувствует лёгкое недомогание, а потом её словно разбивает паралич, и насилует кто-то очень сильный и большой!

– Я те вот что скажу! – сплюнул второй на землю. – Все циркачи ненормальные! Они сами имеют всё, что движется, просто сознаваться потом в своих залётах перед товарищами или супругами не желают. Вот и плетут всяческие небылицы, словно их кто-то изнасиловал, а сами при этом блудили всю ночь напролёт!

– Может это гипнотизёр из того зелёного шатра? – гнул свою линию первый мужчина. – С тех пор как он тут появился, так жалобы и пошли!

– А что, трупы или побои при этих случаях были? – вмешался в их разговор Арнолиус, закладывая в рот мундштук трубки.

– Не, никто не пострадал, – покачал головой словоохотливый рабочий. – Сначала грешили на вампира, но ранок никаких на телах пострадавших не было. Так, небольшие синяки иногда, и всё.

– А что стража на этот счёт говорит? – пыхнул табаком гном.

– А ничего, уважаемый, – пожал плечами мужчина. – Жертв ведь нет. Ну а лёгкую помятость дам расследовать им, видите ли, некогда. Мы уж тут нечто вроде добровольной дружины организовали, чтобы патрулировали улочки и закоулки циркового городка, но пока безуспешно. А вы новенькие у нас, да?

– Да, только что приехали! – кивнул гном.

– Так, значит, это ваш великан сейчас тут протопал?

– Именно, – усмехнулся Арнолиус.

Как-то так само собой получилось, что именно Малыш был той самой деталью, которая поначалу обращала и притягивала к себе взоры всех обывателей, хотя остальные артисты были ничуть не хуже в плане актёрской игры.

– Не часто к нам таких гигантов приводят, – почесал затылок мужчина. – А что...

Но договорить он не успел, поскольку из палатки вышел раздражённый владелец труппы, разряженный клоуном, и громко ругаясь, отправился прочь.

– Кажется, моя очередь подошла! – усмехнулся гном, вытряхивая из трубки остатки табака. – Приятно было поболтать.

– Ага, ещё увидимся! – кивнул ему мужчина, возвращаясь к своему разговору с товарищем.

– Можно? – громко спросил Арнолиус, заглянув вовнутрь.

– Входите! – буркнул от стола неизвестный хозяин, которого не было видно из-за многочисленного вороха бумаг, которыми тот был обложен, словно солдат в укреплениях.

Несмотря на несколько фонарей, в небольшом помещении царил полумрак, но гному он не был помехой, поэтому Арнолиус смело прошёл вперёд, занимая предложенный ему стул. Когда хозяин помещения опустил бумаги, которые до этого пристально изучал, то он застыл, как вкопанный, изучая визитёра.

– Вилли, растудить тебя в качель, Остронос, ты ли это?! – обрадовался глава группы старому знакомому.

– Арни! – встал из-за стола улыбающийся мужчина лет сорока явной западной внешности. – Старый пройдоха! Тебя ещё не прикопали в песках Восточной пустыни?!

– Тебя, я вижу, тоже! – усмехнулся гном, а потом давние друзья и товарищи пожали друг другу руки и похлопали по спинам и плечам.

Ещё бы, а как не радоваться, когда неожиданно удаётся обнаружить не просто давнего знакомого, но самого настоящего соратника. Пусть они и состояли раньше в одной банде, промышлявшей нападением на караваны в пустынях, но это не умаляет радости от встречи. Тем более что сдружились тогда Вилли и Арни знатно. Первый организовал под своим крылом большую шайку, второй показал себя отличным бойцом и грамотным стратегом. Остронос имел нюх на добычу и её покупателей, за что и получил подобное прозвище. Он занимался тогда в основном сбытом краденого, а также сбором слухов и сплетен, информируя бойцов о маршрутах и датах выхода караванов из города, в то время как гном возглавлял сами налёты на караваны, знатно щипая торговцев.

– А помнишь, как мы бегали по барханам сначала от военных, когда те решили пресечь нашу деятельность, а потом вместе с ними улепётывали от потревоженных песчаных червей? – смеялся мужчина. – Ты ещё тогда вопил, как резаный, и визжал, словно девчонка!

– Я бы на тебя посмотрел, – усмехнулся Арнолиус. – Если бы у тебя самого оказались самые короткие ноги во всех двух отрядах! Будешь тут орать, когда бежишь самый последний, а за тобой под землёй летит стая червей-переростков! Зато я до сих пор смеюсь до икоты над тем случаем с миражами, когда ты помешался от жажды, и принял какой-то валун за статую с родником, и пытался жрать песок горстями, уверяя всех, что это вода!

Теперь пришёл черёд оправдываться Вилли, который не преминул напомнить, что гном вообще тогда пил ослиную и свою мочу, разбавляя их остатками воды.

– Зато я не бредил и не жрал песок! – улыбнулся тот. – И это я тебя вытащил из той пустыни на своих плечах, а не ты меня!

– Да помню я, помню! – отмахнулся рукой товарищ. – Чего это мы всё трещим тут не по делу? Вина будешь? Не ослиная моча, конечно, но пить можно!

– Конечно, наливай!

– Но ежели желаете потряхнуть стариной, господин хороший, то могу отрядить кого из рабочих до загона с мулами!

– Иди к чёрту!

Арнолиус принял кубок с холодным напитком, с удовольствием осушив его одним махом, после чего довольно крякнул, протягивая его за добавкой.

– А чего это вдруг глава самой страшной пустынной банды вдруг сидит в палатке начальника цирка и заправляет тут делами? – поинтересовался Арнолиус.

– У меня к тебе такой же вопрос, – усмехнулся Остронос, поднимая свой кубок. – Твоё здоровье!

– Твоё здоровье!

После недолгих расспросов выяснилось, что бывший главарь разбойников решил основать более спокойное дело, потратив накопленные в разбоях барыши с выгодой. Но практически все ниши в Белокамне были к тому моменту заняты, а возвращаться к криминалу после тех злополучных гонок по пустыне с солдатами и червями за спиной больше не улыбалось. Удача – она дама ветреная и непостоянная, а посему часто дёргать её за подол чревато опасными последствиями. Сначала Вилли хотел организовать своё дело, но это оказалось очень хлопотно, затратно и опасно, поскольку всех тонкостей местной бюрократии он не знал. Подаваться в Храмовый квартал или Академию Вилли также не стал, как и обращаться в торговцы, коих в своё время по его наводке щипали, как хромых гусей.

– Вот посему я и осел на должности начальника цирка, выкупив себе эту должность у его прошлого хозяина, – закончил повествование бывший наводчик разбойников.

– Не удивлюсь, если в ход пошли не только деньги, но и различные силовые методы убеждения, – хмыкнул Арнолиус.

– Не без этого, – скромным шёпотом ответил Вилли. – Ну да ладно. Чего это мы всё обо мне, да обо мне? Я последние десять лет сижу тут, жиром обрастаю, ругаюсь с циркачами, получаю с их выступлений деньги, соврацаю потихоньку гимнасток – чем не жизнь? Ну а ты? Ты-то какими судьбами ко мне пожаловал? Узнал, что я обустроился тут, и решил проведать?

– Не поверишь, но я теперь глава труппы, – усмехнулся гном.

– Не поверю! – тут же удивился Остронос. – Хорошо брехать!

– Не вру. Ты мне лучше расскажи, что с остальными нашими парнями и девками из банды случилось?

– Успеется, – махнул рукой Вилли. – Давай, рассказывай про своих циркачей.

Пришлось Арнолиусу честно заявить о том, что он собрал труппу с нуля и теперь путешествует по свету, поскольку бои ему уже порядком поднадоели. Помимо этого они помянули в разговорах павших в боях товарищей, осведомились друг у друга о тех, про чьи судьбы не знали, погоревав о тяготах и превратностях судьбы работников дубины и кастета. Оказывается, Ящера поймали и казнили. Та же участь постигла Элину, Сая и Рыжего. Ильдар подался вместе с Тошкой в пираты, Вестрел остепенился и оброс семьёй, а Лихача убили на дуэли. Их общий знакомый Шёпот Смерти всё так же возглавляет гильдию Теней, до сих пор являясь одним из лучших наёмных убийц города или даже страны. Помянули товарищи также недобрым словом и семейство аль Мэрхами, когда Арнолиус рассказал товарищу о своей недавней встрече с потомком ограбленных им же торгашей.

– Стареешь, друг! – усмехнулся Вилли. – Раньше ты бы уже грабил этот караван, да и мордобой тебе всегда был по нраву. А что теперь? Цирковая труппа? Пф-ф-ф!

– Между прочим, – тут же поспешил заметить гном. – Ты сам сидишь в окружении циркачей, и заплываешь жиром посильнее моего. Я, хотя бы, продолжаю путешествовать. Кстати, у нас и драки случаются – ого-го! Перед оазисом с бандой орков-разбойников схватились, так трупов столько было – на целый квартал хватит.

– Ну ты, я смотрю, по-прежнему способен постоять за себя! – кивнул глава циркового городка. – Надеюсь, из ваших никто не умер?

– Не умер, но лекарь нам бы не помешал, – тут же вздохнул Арнолиус. – Перелом ноги, разбитая в кровь голова да куча мелких ран. Поэтому мне нужно было уладить дела с платой за аренду земли тут, а потом мы собирались наведаться в Академию за лекарем и за кой-какими бумагами.

– Дай угадаю, – улыбнулся Вилли. – Разрешение на использование магии в городе?

– Именно! – кивнул гном.

– Тебе исключительно повезло, друг мой! – расплылся рот человека в ухмылке ещё шире. – У меня есть всё, что тебе нужно. В нашем городе всегда дежурит пара хороших врачей, поскольку несчастные случаи в цирке дело весьма и весьма распространённое. Сам знаешь – то

гимнаст упадёт в неудачном сальто, то рука у метателя ножа дрогнет, то зверюга какая взбесится... Всякое у нас бывало, поэтому и держим пару лекарей на довольствии. Я могу прислать к тебе одного хоть сейчас – он весьма толковый малый, Разло зовут. Вот только рассчитывать с ним будешь сам.

– Это без проблем! – кивнул гном. – Но остаётся ещё разрешение...

С хитрым видом Вилли занырнул в недра своего письменного стола, и после непродолжительных поисков вылез обратно довольный донельзя.

– Держи! – шлёпнул он бумагу на столешницу, придвигая к гостю. – Только исключительно по нашей давней дружбе я даю тебе лицензию на предъявителя задаром. Но у меня одно условие – при отъезде вернёшь мне её в целостности и сохранности. Ты же теперь вольная птица, не то, что я – оседлый ишак.

– Благодарю, дружище! – обрадовался Арнолиус. – А что на счёт взноса за аренду земли?

– Забудь! – махнул рукой Вилли. – Ты мне сколько раз мою шкуру тогда спасал? Три или четыре?

– Ты меня тоже в своё время пару раз здорово выручил! – не остался в долгу гном. – А на счёт пожить задаром, это не ко мне – это к нынешней молодёжи. Я вообще поражаюсь растущему поколению. Им кроме денег и потыкаться друг в дружку гениталиями и вовсе ничего от жизни больше не нужно!

В ответ на это замечание бывший наводчик грабителей заржал, как конь, после чего, отсмеявшись, заметил, что раньше и сам Арнолиус был не прочь занять побольше сокровищ и возможностей поблудить.

– Так что же теперь изменилось? – усмехнулся Вилли. – Или тебе больше не хочется, как ты говоришь, «тыкаться гениталиями друг в дружку»?!

– Прошло то время, когда я мотался за юбками, друг мой! – важно изрёк гном. – Поскольку теперь я понимаю, что в жизни есть кое-что поважнее.

– Уж не после встречи ли с Лорной ты решил изменить свои взгляды? – хохотнул Вилли, вспоминая стародавнюю историю из жизни их банды, однако это нисколько не развеселило его гостя. Наоборот – теперь Арнолиус стал медленно чернеть, подобно грозовой туче, после чего деликатно кашлянул, давая собеседнику понять, что эта тема для разговоров ему неприятна, как и сама история.

Дело в том, что двадцать лет назад, когда банда только сформировалась, она влипла в небольшую неприятную историю, имя которой было Лорна Пленительная. И если вы подумали, что красивую женщину так прозвали за её смазливую внешность, то вы прогадали. Эта воительница была мастером боя с посохом, являясь едва ли не лучшей в обращении с этим видом оружия по всему Южному побережью и в Белокамне. К ней стекались желающие обучаться этому искусству со всех сторон мира, однако душа к преподавательской деятельности у Лорны не лежала. Вместо этого отчаянная авантюристка моталась по всем значным местам и задирали всех криминальных и прочих сомнительных элементов, склоняя их к бою, из которых практически всегда выходила победительницей. Своих врагов она оглушала мастерскими ударами по головам, либо вынуждала их сдаваться после десятка пропущенных болезненных ударов по остальным частям тела. Женщина эта ловко парировала любые удары либо шустро уклонялась от лезвий, в чём ей помогало отсутствие любой брони. С побеждёнными разговор у Лорны был короткий – всех мужчин она брала в плен (а особо симпатичных ещё и насиловала вдобавок ко всему), после чего продавала их на подпольных рынках рабов за неплохие деньги. Именно за это прозвище Пленительная и пристало к этой оторве, не побоявшейся в своё время даже сразиться с самым настоящим циклопом, который прибил к городским стенам, скрываясь в джунглях и питаясь случайными прохожими путешественниками.

Однажды Арнолиус столкнулся лицом к лицу с этой симпатичной, но весьма грозной особой, и, как все прочие мужчины, не слышавший ни слова о Лорне, не посчитал её гроз-

ным соперником, о чём впоследствии горько сожалел. Все его иллюзорные копии были разбиты в мгновение ока, а чары сна и парализации на девицу не возымели должного воздействия, поскольку за время странствий та сумела приобрести кое-что из защитных артефактов. Поэтому гному в той драке пришлось нелегко, и он едва смог позорно убежать с поля боя под унижительные удары и свисты Лорны, хотя сам до боя бахвалился перед друзьями, что через пару минут он одолеет эту кобылку и объедит её так, что той мало не покажется. Это был один из немногих боёв, в которых Арнолиус проиграл прилюдно, отчего его авторитет несколько пошатнулся, хотя остальные товарищи тогда и вовсе сбежали из боя, бросив гнома на произвол судьбы. В той драке перевес в сторону женщины образовался именно в тот момент, когда её ботинок заехал по Арнолиусовским колокольчикам, над чем потом за спиной у гнома долго смеялись его товарищи, не рискуя говорить об этом открыто и злить мага, боясь навлечь на себя его гнев. А именно таковой и назревал в душе у гнома, который не любил проигрывать. Но ещё сильнее он не любил становиться посмешищем, чтобы потом над ним потешались все, кому не лень. В книге обид Арнолиуса до сих пор были вписаны строки о том, как его отмудохала в своё время Лорна. Туда же он недавно вписал и молодого аль Мэрхами по имени Ильшаз, который надумал отравить гнома и его товарищей, а теперь маг подумывал и том, а не стоит ли туда же вписать и своего стародавнего знакомого Вилли, который теперь потешался над Арнолиусом, вспоминая сей постыдный момент. По здравому размышлению гном всё же решил, что этого делать не стоит, поскольку у него на свете и так полным-полно врагов, которые только и ждут того момента, как бы вызвать у рудознатца широкую улыбку от уха до уха либо в районе горла.

– Я, во всяком случае, – мрачно заметил маг. – Не стал уклоняться от боя с той фурией. А вот все вы трусливо бежали прочь, как побитые шавки, если ты забыл!

– Через пару минут ты бежал уже за нами следом, – не сдавался Вилли.

– А вы тоже хороши! – хмыкнул Арнолиус. – Товарищи, тоже мне! Вместо того, чтобы помочь, трусливо смотрели со стороны, как эта фурия разделяет меня под орех!

– Ладно, – махнул руками Вилли. – Кто старое помянет, тому глаз вон!

– А кто старое забудет – тому оба! – продолжил поговорку гном.

– Я знаю, что все вы гномы очень злопамятны, – тут же усмехнулся человек. – Кстати, ежели ты желаешь, то можешь отомстить Лорне сполна. Она сейчас обитает в городе, занимается недвижимостью в Дыре. Ей сейчас за пятьдесят, так что вполне возможно, теперь ты с ней справишься без проблем!

– Шутишь, да? – нахмурился Арнолиус. – Не будь ты мне другом, Востронос, давно бы уже схлопотал по своей лавашерезке, но что с тебя, болтуна, взять? Трепло он трепло и есть.

– Что есть, то есть! – усмехнулся Вилли. – Это тебе, мой друг, легко даётся махать кулаками и топором, я же обучен только словесным баталиям, а посему твоё замечание вполне справедливо. Держи уже свою лицензию, а лекаря я сейчас к тебе пришлю. Ты, кстати, надолго в наши края? А то можно было бы собраться в чайхане или таверне, погудеть, как в старые времена. Я бы кого из наших смог бы подтянуть, вспомнили былые времена.

– Это можно! – кивнул гном, разглядывающий официальную бумагу, дающую разрешение на воровство в городской черте. – Это завсегда пожалуйста! На счёт нашего пребывания в городе ничего точно обещать не могу. Как пойдёт работа – сам понимаешь. Ежели мои молодцы не смогут заинтересовать здешнего зрителя, тогда отправимся дальше на Запад вдоль побережья.

– Ладно, Арни, – встал с места Вилли, протягивая ладонь для пожатия. – Меня ты всегда можешь найти тут. Ежели вам понадобится арендовать театр – без проблем, даже платить не нужно будет. Либо, если тебя будут глотать муки совести, сможешь отсыпать монет, сколько сочтёшь нужным. А теперь мне нужно отбыть по делам, чтобы проведать монстрятник. Там, говорят, проблемы какие-то были, пару стойл разломали...

– Погоди-погоди! – остановил товарища гном. – А что там за история с изнасилованиями гимнасток?

– А-а, слышал уже! – вздохнул Востронос с сожалением. – А чёрт его знает! Запутанная история получается, Арни. Три женщины уже пострадало, а следов никаких нет. Все трое жаловались на приступы слабости, кратковременную потерю сознания, а потом и на собственно сам процесс. Кто, что, каким образом – неизвестно. Описать насильника ни одна из них толком не смогла, а посему все теряемся в догадках. Сначала грешили на гипнотизёра из одного шапито, но тот был на людях, когда напали на последнюю жертву. Вот и гадаем теперь, кто же это мог быть. Предположения разные, и версий до хрена. Кто-то считает, что к нам повадился инкуб, демон-соблазнитель, либо вампир, поскольку все нападения произошли по вечерам, а обе эти твари способны гипнотизировать жертв. Кто уверяет, что гимнастки сами блудили, перебрали с выпивкой, либо какой-то шутник подсыпал им туда возбуждителя со снотворным. Не знаем, короче. Стражу пока не беспокоили, поскольку кроме самих изнасилований ничего и не было. Ни краж, ни увечий, ничего. А почему тебя это интересует?

– У меня тоже гимнастки и танцовщицы в труппе вообще-то есть! – пояснил Арнолиус.

– А-а-а, – несколько разочаровано протянул Вилли. – Я-то подумал, грешным делом, что ты можешь меня просветить о насильнике либо вызовешься помочь его изловить.

– Ха, – усмехнулся гном. – Хитёр, собака! Дал мне бесплатно место и лицензию, и теперь ждёшь, что чувство всеобъемлющей благодарности вынудит меня согласиться?

– Ну, ты же всегда помогал дамам в беде и ненавидел насильников, верно?

– Верно! – кивнул Арнолиус.

– Кроме того, это же самая настоящая охота! А кто был лучшей ищейкой и лучшим преследователем в нашей банде, как не ты?

– Ладно-ладно! – тут же проворчал Арнолиус. – Подкуп плюс лесть сделали своё дело. Есть у меня одна идея, как можно твоего насильника растормошить. Мои девицы возбуждать кого угодно могут, так что попробую немного половить на живца. Но учти – ничего обещать не могу, понимаешь? Дамы мои мне дороги, и если они откажутся помогать и рисковать – я их заставлять не собираюсь.

– Вот и ладно! – выдохнул с облегчением Вилли. – Надеюсь на тебя и на твоих подопечных! Выловишь паскудника – с меня причитается! А теперь скажи мне – билет мне на ваше представление покупать нужно, или по старой памяти проведёшь к вам за кулисы бесплатно?

Присланный Востроносом лекарь и правда оказался талантливым малым, который при помощи магии быстро срастил кости Атосу, а также заживил все раны эттину, медведю и зала-тал разбитую голову Ковриги.

– Шрам на голове останется, но под волосами будет незаметен! – сказал Разло половинчику, закончив свою работу, после чего повернулся к аристократу. – У вас, милейший, кость срослась, и вы уже можете ходить, однако учтите – ногу лучше не перенапрягать пару дней, плюс к этому ближайшую неделю будете хромать – это нормально. Потом расходитесь, и всё пройдёт. Ну, а теперь самая приятная часть нашей беседы – с вас десять золотых за лечение.

– Десятка?! – ужаснулся Коврига, схватившийся за голову, забыв о наложенной повязке.

Прикосновение к ней вызвало у половинчика вспышку боли, от которой он зашипел рассерженным котом, но Разло лишь невозмутимо кивнул.

– Десять золотых! – повторил своё требование он. – Если вы не заплатите мне их сейчас, я доложу об этом Вилли, начальнику цирка, и он стрясёт с вас эти средства иным способом с процентами.

– В этом нет необходимости! – вмешался Арнолиус, который уже доставал монеты из своего кошелька. – Скажите, доктор, могу я вас кое о чём спросить наедине?

– Конечно! – кивнул тот, охотно принимая плату и уединяясь с гномом за фургоном сестёр. – В чём дело?

Оставшись наедине с лекарем, Арнолиус заметно занервничал, застеснялся, а потом и вовсе побледнел. Махнув на всё рукой, гном пригласил врача к себе в повозку для деликатного разговора.

– Понимаете, – тяжело вздохнул иллюзионист, страдальчески закатывая глаза к потолку. – У меня проблема!

– Понятное дело, иначе вы бы меня не пригласили для подобного разговора, – кивнул тот. – Говорите смелее!

– Эм-м-м, у меня такое дело, – кашлянул гном, после чего опустил одну из рук на уровень своих причандалов, поиграв там пальцами. – Понимаете?

– Травма? – тут же осведомился Разло, но получив отрицательное мотание в ответ, нахмурился – ох уж эти стесняшки-пациенты. – Больно писать? Кровь в моче? Зуд, жжение, выделения?! Покраснел, распух, усох?

Издав горлом звук, похожий на рёв загнанного кашалота, Арнолиус, наконец, сдался.

– Не работает! – выдохнул он, стесняясь своего позорного недуга. – В смысле, с дамами!

– О! – изобразил на лице сочувственную мину лекарь. – Сочувствую! Как давно он не боеспособен?

– Пару лет! – тяжело вздохнул гном, покрасневший, как девица на выданье.

– Снимайте штаны! – скомандовал Разло, отчего Арнолиус и вовсе пошёл пунцовыми пятнами по всему телу. – Не бойтесь! Не вы в моей практике первый, и, видит Свет, не последний. Ко мне даже эльфы с подобными бедами обращались, так что не переживайте!

Немного успокоенный подобными заявлениями гном позволил доктору себя осмотреть, после чего спросил с надеждой, натягивая портки обратно.

– Это излечимо?

– Сначала нужно найти причину этого недуга! – тут же поспешил удариться Разло в так любимые всеми докторами демагогию и словоблудие. – Но я уже подозреваю о том, что за всем этим может стоять курение, поскольку ваш внешний вид и исходящий от вас стойкий запах табака выдаёт в вас заядлого курильщика. Давно курим и как часто?

Услышав подобное, гном поперхнулся, поскольку ну никак не мог предполагать, что и лекарь начнёт гнуть ту же линию, что и сёстры, увещевавшие своего начальника отказаться от табака. Медленно гнев начал закипать в душе маленького рудознатца, который никак не ожидал того, что одна его страсть задушит на корню другую. Разло, тем временем, расспросил гнома о его жизни, всех вредных условиях и событиях, перенесённых болезнях, после чего пришёл к неутешительному выводу, что виноват скорее всего, именно табак. Когда же лекарь услышал кашель Арнолиуса, то и вовсе убедился в своём предположении на все сто процентов, не смотря на попытки гнома списать этот недуг на рудники.

– Вам следует отказаться от табака как можно скорее! – дал своё заключение Разло. – Никакие возбудители тут не помогут, как и прочие средства. Только полное воздержание на протяжении нескольких месяцев, тогда функция начнёт возвращаться к вам. И не вздумайте после этого закурить снова – иначе недуг лишь усугубится!

– И этот туда же! – мысленно взвыл гном, однако внешне ничем не выдал своего волнения, лишь мрачно кивнул, протягивая ещё два золотых лекарю.

– Это вам за работу! – похоронным тоном возвестил Арнолиус. – Могу я рассчитывать на ваше молчание о сей проблеме и нашей с вами беседе?

– Без проблем! – кивнул Разло, охотно забирая деньги. – Всего хорошего, мистер Арнолиус! Не переживайте вы так, это всего лишь отказ от дурной привычки, которая губит ваше здоровье. У эльфов с табаком дела обстоят ещё хуже, нежели чем у остальных. Те от этого зелья погибают намного быстрее, нежели люди или гномы. До свидания!

– Прощайте! – мрачно ответил ему маг, выбираясь из своей повозки наружу, стараясь принять как можно более спокойный вид, чтобы не срамиться в глазах своих подчинённых, которые уже начали шептаться по поводу этой консультации.

Не успел ещё лекарь покинуть небольшой лагерь труппы, как к нему тотчас пристали Лира с Нирой, которые твёрдо вознамерились добиться от мужчины публичного признания, что табак плохо сказывается на здоровье, и может вызывать удушливый кашель, при этом выразительно глядя на Арнолиуса, для которого и предназначалось это высказывание вслух. Естественно, что Разло охотно подтвердил во всеулышание о том, что табак кроме кашля может вызывать множество хворей, в том числе пожелтение кожи, образование морщин и даже проблем с потенцией. Услышав это, Арнолиус снова мысленно взвыл, поскольку последняя проблема для него была особенно актуальна. К самому кашлю и своему внешнему виду он уже привык и не придавал этому никакого значения, табачного запаха вокруг себя (как и всех прочих, в принципе) гном уже давно не ощущал, а вот когда стал подводить боевой товарищ, это стало последней каплей.

– Дядя, ты слышал?! – тут же поспешила осведомиться у Арнолиуса Лира. – Табак вредит твоему здоровью!

– Я слышал! – рявкнул тот более агрессивно, чем хотелось бы. – Нечего мне постоянно об этом напоминать!

Разло тут же поспешил испариться, бегло пробормотав, что ему нужно ещё осмотреть покалеченного дрессировщика, зато вот артистам из труппы уходить было некуда. Если гном распался, то уже никакой фургон не мог никого укрыть от его праведного гнева. Однако кричать дядя Арни не стал, попросту отдышавшись, после чего обвёл взором своих подопечных. Конан беспробудно дрых, чем занимался в любое свободное от репетиций и выступлений время, Малыш сидел на своей пятой точке за повозками, и в то время как Роберт занимался изучением содержимого своего шнобеля, Руп пытался читать очередную книгу. Все же остальные несколько боязно поглядывали на хмурящегося гнома, упёршего в свои бока руки.

– Значит, так! – откашлялся, наконец, Арнолиус, готовый отдавать приказания. – Уже начинается вечереть. Сейчас Эванс с Офелией возьмут одну телегу и...

– Я поеду с ними! – тут же поспешил вклиниться в разговор Коврига.

Все тотчас понимающе заулыбались, поскольку им были понятны опасения обманутого мужа-рогоносца, чью жену сейчас отправляли в компании с её любовником наедине прочь.

– И Коврига тоже, – легко согласился с корректировкой планов гном. – Втроём отправляйтесь на рынок, де Грей будет вместо провожатого. Накупите там продуктов побольше и посуды. Желательно при этом вернуться обратно в полном составе, а не разбредаться по борделям или бить друг другу рожи! Эванс и Зингар – вас это в первую очередь касается! Только за покупками и сразу обратно, ясно?!

– Да! – кивнул перевязанной головой половинчик.

– Удержаться будет сложно, но я постараюсь! – ухмыльнулся пройдоха-менестрель.

– Атос и Назин – на вас подготовка вывески к завтрашнему спектаклю и выступлениям. Напишите всем реплики, и приступайте к репетиции. Сёстры – вы можете немного поработать на цирковой площади самостоятельно или погулять неподалёку, но ни в коем случае! Слышите – ни в коем случае! Не разделяйтесь и не выходите в город! Ушли вместе, вернулись тоже вместе!

– Что такое, дядя Арни? – тут же поспешила осведомиться Вира. – Каждая из нас вполне способна постоять за себя при случае!

– Вот я и не хочу, чтобы такие случаи возникали, слышите? – тут же нахмурился Арнолиус, который пока не желал пугать девушек местным маньяком. – Можете для толпы разыграть пьесу «Три сестры», там мужские роли не нужны, немного потанцевать или пожонглировать, но не разделяться и не теряться! Город большой, негодяев тут ещё больше. Дальше.

Малыш, ты можешь надевать свой костюм силача и поразвлекать публику, ежели тебе раны не мешают...

– Не мешают! – буркнул тот, вставая с земли. – Ладно, дядя!

– Конан пусть пока хорошенько отоспится. Атос, Назин, проследите за медведем. Всё, указания всем раздал, выступать и работать начнём плотно с завтрашнего дня. Свободный выход в город разрешу по итогам завтрашних выступлений. Всё, все за работу.

– Эй, Арни! – тут же поинтересовался нахальный де Грей. – А чем займёшься ты?

– А я проведаю кое-кого из знакомых в городе, – тут же ответил гном. – Вполне возможно, что они помогут нам с поиском богатеньких клиентов для сольных выступлений или даже групповых.

Что ж, практика вполне привычная, поскольку богатый люд так же, как и все остальные любит отдыхать и развлекаться, но зачастую не желает толкаться с чернью и работягами в одних местах, а посему вызывают актёров к себе на дом. Платят же при этом нувориши несоизмеримо больше, да и на подарки более щедры. Правда, и на приставания тоже. И не только к милым сёстрам, но и наверняка достанется также и повесе-щёголю Эвансу, от которого млеют все дамочки, особенно до двадцати или за сорок. Ежели кто из артистов и решится на более открытые встречи – что ж, это их право. Главное, чтобы только при этом труппа не распалась или не случилось каких скандалов, коими был печально известен, в основном, похотливый де Грей.

– Я бы тоже мог наведаться в пару мест, чтобы подыскать нам работёнку, – кивает головой бард. – У меня тут тоже довольно много хороших знакомых, знаете ли!

– Нет! – отрезал Арнолиус. – Мне твои походы по знакомым уже известны! Пропадёшь на пару суток, а нам потом выступай без тебя!

– Но я же не виноват, что вдова Жеремен так изголодалась по мужчинам, что не отпускала меня от себя пару ночей!

– Вероятно, это она же упоила тебя до скотского состояния, а потом врезала пару раз по лицу, когда ты вернулся в балаган избитый, с фингалом и вонючий, словно скунс, вылезший из винной бочки. Да ты же на ногах тогда едва стоял!

– Это всё грабители! – буркнул недовольный де Грей, которому каждый раз вспоминали эту историю, когда хотели уколоть побольнее.

– Напоили тебя вином, а потом уже стали избивать? – ехидно уточнил Арнолиус. – Хороши грабители, сердобольные, нечего сказать! Да они же наверняка на вино потратились больше, чем выудили из твоих карманов, а?

Буркнув что-то неопределённое в ответ, Эванс лишь отмахнулся от начальника, вспоминая ненасытную вдову Жеремен и её нового ухажёра, который так некстати вернулся из похода ранее положенного срока.

В итоге гном остался при своём мнении, после чего ещё раз запретил артистам выходить в город, сделав исключение только для Стряпухи и провожатых, которые должны были запасти продукты для труппы впрок. Им выделили денег из казны, после чего Арнолиус отбыл в неизвестном направлении, оставив артистов заниматься насущными проблемами, обустроить лагерь или начинать развлекать толпу.

– Если отпустите меня – обещаю обернуться быстро! – посулил Зингару Эванс, на что тот ответил таким убийственным взглядом, от которого хотелось провалиться под землю.

– Я не хочу страдать из-за тебя ещё сильнее, Змей! – гневно прошипел Коврига. – А посему, получать лишний раз от Арнолиуса и отчитываться за твоё отсутствие я не собираюсь! Поэтому даже не думай смыться – заложу тебя как пить дать!

– Ябеда! – тут же усмехнулся де Грей.

– Потаскун! – парировал половинчик. – Ещё раз увижу тебя с Офелией вместе – убью! Понял меня, мерзавец?!

– Этого не произойдёт! – пообещал ему клятвенно Эванс, приложив руки к сердцу, после чего мысленно хихикнул. – Я же всё равно уже её того...

Через полчаса телега низушков, перепряжённая в двойку лошадей от другого фургона, тронулась в путь, и на облучке место кучера занял скучавший бард, который не желал заниматься рутинными делами, навряд ли закупки провианта. Он даже начал уже в уме сочинять новую песенку на эту тему, когда неожиданно впереди вскрикнули.

– Куда прёте, скоты! – раздалось практически из-под лошадей, понукаемых менестрелем, куда едва не угораздило попасть какому-то бедняге. – Глаза разуй, лупиздень!

– И вам того же, и вас туда же! – пропел в ответ менестрель. – И вашей роже глаза бы открыть бы гоже! Зачем наш экипаж, берёшь на абордаж?! Неужто нет совсем мозгов, у вас, у торопливых дураков?!

– Я тебе сейчас покажу, дурака! – закипал мужчина, который едва не угодил под копыта. – Слезай с повозки, хамло, и я тебе покажу, где кроты зимуют!

– Чего тут опять стряслось?! – высунулся наружу Зингар, блеснув своей белой повязкой на голове и улыбкой людоеда на мрачной роже. – Неприятности?!

Заметив, что нахальный незнакомец передвигается не один, а в компании сомнительной личности весьма разбойной наружности, пострадавший крикун поспешил раствориться в толпе, не рискнув начинать выяснять отношения.

– Никаких! – бодро отрапортовал Эванс. – Один индивид хотел было завязать со мной близкое знакомство, но удивлённый моими творческими возможностями неожиданно осознал свою никчёмность, серость и приземлённость, после чего поспешил разрыдаться и в слезах покинул моё благородное общество!

– Ну и брехло же ты! – хмыкнул Коврига, пропадая обратно.

– Стараюсь! – усмехнулся сам себе де Грей, после чего начал быстро сочинять стишок про попавшего под повозку дурачка.

На самом рынке былолюдно, несмотря на позднее время, а также начинающие закрываться лавки. Многие магазины и лотки сейчас закроются и свернутся, но есть ещё и такие, которые работают круглосуточно или наоборот – открываются с заходом солнца. Мимо фруктовых и овощных ларьков Эванс проехал, не замедляя хода, несмотря на гневные крики Офелии.

– Поверь, не стоит, – успокоил её Эванс. – На жаре овощи и часть фруктов увядают быстро, поэтому под вечер их покупать – это большая лотерея.

– Уж я-то смогу отличить свежий потат от лежалого, как и яблоки с манго! – оскорбилась Офелия. – К тому же, у меня с собой Дега, она поможет с выбором. Крыска ещё ни разу не ошибалась, благодаря своей магической природе.

Словно услышав, что речь ведётся про неё, приживала вынырнула из кармана на платье своей хозяйки, который был пришит специально для грызуна. Дега поводила мордочкой из стороны в сторону, но испугавшись обилия незнакомых запахов, звуков и существ, поспешила юркнуть обратно.

– Кроме того, – продолжила ворчать Стряпуха, веля Эвансу остановить повозку возле фруктовых рядов. – Если нашего Конана кормить одним мясом, то такими темпами можно вырастить из нашего мишки людоеда, которого хлебом не корми, а дай укусить кого из нас или зрителей за бочок! Так что нечего тут командовать, а бери-ка ты лучше корзину, и топай следом за мной!

– Ну уж нет! – тут же поспешили возмутиться Коврига с де Греем одновременно по разным причинам.

– Я в носильщики не нанимался! – тут же заявил во всеуслышание бард, скрестивший свои холёные руки на груди. – Не для того я поэзии учился и...

– Я тебя с этим похотливым мудозвоном больше не отпущу! – тут же зарычал Зингар, всё ещё переживавший в душе горькую измену со стороны своей жены. – И не надейся!

– Заткнулись оба! – приказала Офелия, гневно ткнув руки в свои полноватые бока. – Трахаться посреди рынка мы уж точно не станем, муженёк, будь спокоен! А Эванса я с собой беру лишь по той простой причине, что он сильнее тебя или меня, а посему и продуктов за раз унесёт больше, да и видит он благодаря своему росту дальше. Пока мы закупаемся, ты останешься тут и будешь следить как за нами, так и за телегой с лошадьми. Чего тут непонятого?!

Скрепя сердце половинчику пришлось признать правоту своей жены, но он всё равно не преминул напомнить Эвансу, чтобы тот держал свои руки при себе, а губы плотно сомкну- тыми.

– Хотя на миг усомнюсь в том, что ты ослушался и ухлёстываешь за Офелией – все зубы тебе повыбью! – пообещал Зингар менестрелю, который уже спрыгнул на землю и вооружился самой большой корзиной из числа тех, что обнаружались в фургоне.

– Будь спокоен, Коврига! – отозвался де Грей. – Я само спокойствие и невозмутимость, и тебе советую брать пример с меня.

Проводив свою жену и её бывшего любовника взглядом, которым можно было убивать даже орков, Зингар принялся нервно теребить вожжи, зорко наблюдая за тем, чтобы к его фургону не приближались на критическое расстояние различные подозрительные личности, а также свербя глазами свою благоверную, которая оказалась не такой уж и верной. Сама низушек и человек мирно ходили между многочисленных прилавков и рядов, прицениваясь к различным продуктам и умело торгуясь за каждый медяк. Чего у Офелии было не отнять, так это её умению торговаться, и она по праву считалась одним из лучших торговцев в балагане наряду с небезызвестным уже нам Арнолиусом. Много раз все артисты бились об заклад, кто же кого переторгует и переупрямит – гном или половинчик, поскольку каждый раз, когда заходило дело о денежном довольствии и до выплаты вознаграждений, оба могли до хрипоты отстаивать свою позицию, заламывая не только руки в отчаянных жестах, но и цены. К компромиссу обычно приходили через несколько десятков минут, а то и через пару часов, всегда уставшие, раскрасневшиеся и злые, словно свора драконов, у которых уничтожили их гнездовье, похитив или уничтожив все яйца, Арнолиус и Офелия расходились по сторонам. Особо задорные шутники уверяли, что кричит гном и низушка в фургоне вовсе не из-за денег, а из-за любовного пыла, что лишь ещё сильнее злило бедного Зингара, хотя Арни, как мы уже знаем, было в последнее время не до женщин.

– Ты и от моего фартука отрезал кусок себе на трофей? – тихонько осведомилась у Эванса Стряпуха, когда тот складывал в корзину купленные апельсины.

– Ну почему же сразу на трофей? – вздохнул тот. – Скорее, как напоминание о чудесной ночи, проведённой вместе.

– Тебе правда понравилось?

– А тебе разве нет? – ответил вопросом на вопрос молодой повеса.

Вздохнув, Офелия поспешила к соседнему прилавку, намереваясь купить овощей, пока хозяин не начал складывать свой скарб и уезжать на ночёвку. Эвансу пришлось три раза вернуться к фургону, чтобы выложить все покупки, после чего все трое перебрались сначала к рядам, торгующим крупами и зерном, а потом уже и в рыбные с мясными рядами. Всего еды закупили столько, что от её веса телега заметно просела и наклонилась на один бок, но неугомонную Офелию, желавшую накормить всех и вся, уже было не остановить. Стряпуха вошла в раж, что было заметно по её горящим от азарта глазам, и напрасно Эванс с Ковригой пытались её урезонить. В итоге де Грей махнул на одержимую женщину рукой, согнав с места возницы Зингара.

– Иди и лови свою супругу, – сказал половинчику бард. – А не то скоро телега не сможет тронуться с места. Мы уже и так накупили еды на целую роту солдат.

– Ты же сам знаешь, сколько лопают Малыш и Конан! – тут же поспешил вступить за жену Коврига. – Кроме того, ещё и муки не купили, и...

Дальше менестрель уже не слушал – с половинчиками вообще про еду разговаривать опасно. Вместо этого он стал наблюдать, как семейная чета носится между прилавков, стараясь успеть везде и всюду. Пока бард меланхолично обозревал окрестности, подала голос верная Сорбонна, которую мужчина всюду таскал за собой следом.

– Чёрт меня подери, если это не Эванс де Грей! – раздался поблизости восторженный голос, и бард сразу же приосанился, поскольку ему нравилось быть в центре внимания, а также пользоваться плодами своей славы.

Хвалитель, однако, сразу же призаткнулся, поскольку вид ощерившегося боевого молосса может выдержать далеко не каждая психика. Для полноты картины Сорбонна пару раз громко гавкнула и лягнула своими устрашающими челюстями, обдавая незнакомца нитями слюны не хуже плюющегося верблюда. Мужчина, желавший пообщаться с бардом поближе, тотчас в страхе отпрянул, брезгливо счищая с себя синие слюны, однако Эванс уже осадил Сорбонну, велел ей успокоиться, и лишь после этого увидел, с кем имеет дело.

– Че! – воскликнул радостно бард, узнав стародавнего знакомца. – Это ты!

Он сразу же спрыгнул на землю, после чего оба мужчины радостно обнялись и обменялись рукопожатиями, улыбаясь друг другу. Вообще-то неизвестного звали Черпотоломь, но, согласитесь, имя было немного трудновато и длинновато для повседневного использования, поэтому миру он был известен под звучным и смачным «Че». Это был не просто друг и товарищ Эвансу, но ещё и коллегой-менестрелем. Оба молодых человека обучались поэзии, однако делали это в разных местах. Сам Черпотоломь, которого за глаза друзья называли чёртом, родился и вырос в Белокамне, в то время как де Грей был тут всего лишь гостем. Оба молодых барда познакомились на празднике Поэзии в столице Эоса, когда обоих пригласили выступить при дворце, где и должен был завершиться финал конкурса авторской песни и стихов. Претендентов на победу тогда набиралось около дюжины, и туда вошли оба наших героя, и наш Эванс даже покинул Остров с Сорбонной, которая, как он говорил, досталась ему за личные симпатии самого короля.

– Че! Сколько лет! – радовался неожиданной встрече де Грей. – Ты, я смотрю, немного располнел!

– Ха, зато ты, Эванс, всё такой же дрищ! – парировал знакомец. – Сорбонна! Ты что – не узнала старину Черпотоломь? Это ведь Сорбонна, да?

– А кто ж ещё?! – усмехнулся менестрель.

– Ну знаешь, когда тебе её подарили, она была не в пример меньше, да и шрамов на морде у неё ещё не было! Что, знатно тебя жизнь потрепала, собачка?

Че попробовал было погладить молосса по голове, но сразу же отдернул кисть, чтобы не потерять её, когда Сорбонна клацнула челюстями в ответ на подобное панибратское к себе отношение.

– Похоже, что не узнала! – огорчился немного Че. – Какими судьбами в нашем городе, Эванс?!

– Да так, прибился к небольшой труппе, теперь вот выступаю в команде, – с этими словами бард кивнул в сторону метавшихся между рядов половинчиков, отчего его товарищ несколько удивился.

– Ты работаешь на низушков?

– Нет, у нас в труппе кого только нет, – рассмеялся де Грей. – Даже эттин, представляешь?!

– Да ладно! – ещё сильнее подивился Че. – А я-то всегда считал тебя вольной птицей, которая никогда не примыкает к стае. Чего это ты вдруг решил примкнуть к цирковым артистам, Эванс?

– Выручка! – улыбнулся тот. – Ты удивишься, но в команде, оказывается, работать намного выгоднее!

– Удивлюсь, – почесал затылок полноватый бард. – Ты, я так понимаю, сюда на гастроли явился?

– Именно! – кивнул де Грей. – А что такое?

В этот момент к телеге вернулись навьюченные половинчики, кряхтевшие под тяжестью покупок как старые несмазанные петли, с облегчением швыряя мешки на землю перед фургоном.

– Давай, Эванс, помогай! – проворчала взмыленная Стряпуха, утиравшая платком вспотевший лоб. – Хватит прохлаждаться!

Только теперь оба полурослика заметили, что бард не один, а разговаривает с неизвестным человеком, а посему сразу же насторожились.

– Это кто такой? – спросил у Эванса Коврига.

– Это мой давний и хороший приятель, бард и менестрель, практически такой же талантливый как и я...

– Он врёт, – заговорщицки подмигнул Че. – Я сочиняю лучшие стихи в этом городе, не слушайте вашего друга!

– Зато я намного виртуознее обращаюсь с лютней и пою, – тотчас отреагировал де Грей. – Но это к делу не относится, поскольку я представляю вам своего товарища – Черпотоломью из Белокамня!

– Можно просто – Че! – скромно поклонился тот.

– Меня зовут Зингар, а это моя супруга Офелия! – тотчас поспешил представиться и половинчик. – Рады знакомству!

– Взаимно! – улыбнулся дружелюбный бард, который уже успел подмигнуть Стряпухе, отчего та зарделась, а сам Зингар, заметивший это, едва не зарычал от досады.

С лица бедного мужа вежливая улыбка соскочила также быстро, как от дерева отрывается последний осенний лист под порывами холодного ветра. Да что же это такое?! То кобель Эванс совращает его жену, то теперь другой потаскун начинает ей оказывать знаки внимания! Что с этими людьми не так?! Почему они так реагируют на низушков?! Им что – собственные женщины не дают, что ли?! Или в барды идут только самцы с повышенной сексуальностью, которым всё равно, к кому забираться под юбки?! Однако Че успел заметить, что Зингар явно против подобного обращения со своей женой, а посему поспешил дать задний ход, переключая внимание на своего товарища.

– Эванс, а также любезные Офелия и Зингар! – откашлялся Черпотоломью (вот же наградили родители имечком!). – Приглашаю вас всех в ближайшее заведение на вкусный ужин, где мы сможем пообщаться в спокойной и тихой обстановке, чтобы не торчать на краю рыночной площади у всех на виду.

– Нет, – покачал головой Коврига. – Извините, мистер Че, но нас ждут дела. Все эти продукты для наших друзей, и нам нужно доставить их обратно, пока не стемнело.

– Тогда, может, вы позволите мне украсть вашего товарища ради дружеских бесед?

– Ни в коем случае! – мотнул головой Зингар. – Дядя Арни велел нам возвращаться всем вместе и как можно скорее!

– Дядя Арни? – вопросительно посмотрел на друга Че. – Твой начальник?

– Можно и так сказать! – вздохнул де Грей с сожалением, поскольку ему не улыбалось проводить скучный вечер в компании своих коллег.

Ладно бы, если Нира на него не дулась, то тогда он смог бы провести с ней вместе чудный вечер, но за тихую порчу своего платья девушка рассердилась очень сильно и была готова всерьёз заехать Эвансу по зубам. На Виру рассчитывать было нечего, пока менестрель не отрастит серьёзных мускулов, чтобы победить гимнастку в честном бою, а Лира и вовсе смотрела

на барда как на пустое место. А поход с Че обещал приятный вечер, который плавно перетёк бы из ближайшей чайханы в один из борделей города, как это всегда и происходило, когда у бардов водились деньги. Однако половинчики всерьёз решили выполнить указание Арнолиуса, велевшего никому не выходить в город без его дозволения.

– Ты знаешь правила, Змей! – настаивал на своём Коврига. – Поехали обратно или я потащу тебя назад силком!

– Змей?! – усмехнулся Че. – Это что-то новое, Эванс! В честь чего тебя так прозвали, не расскажешь?

– Потом, – мотнул тот неопределённо головой. – Да ладно, вам, ребята! Что вам стоит сказать дяде Арни, что я исчез незаметно от вас? Соврите ему, что пока закупались продуктами, я исчез в неизвестном направлении!

– Зачем нам врать, если мы всегда можем сказать правду? – хищно усмехнулся Коврига, которому доставляло истинное удовольствие помучать своего соперника.

– Да ладно тебе, Эванс! – вздохнула Офелия. – Ты всегда можешь пригласить своего друга к нам в гости, там и пообщаетесь всласть! Либо встретитесь через пару дней, когда мы покажем нашу новую пьесу. Кстати, Че, приходите на премьеру!

– Спасибо, я только рад! – ответил бард. – Когда первое выступление, как называется?

– Первое выступление запланировано на завтрашний вечер, а вот названия нам автор ещё не сообщил, – охотно пояснила Стряпуха. – Он дописывает своё творение и должен закончить его буквально с минуты на минуту.

– Свежачок! – улыбнулся менестрелю Коврига, блеснув белоснежной улыбкой.

– Заинтриговали! – усмехнулся тот. – Но я бы и правда хотел увести вашего товарища на пару часов, ведь мы не виделись с ним столько лет! Обещаю доставить его в целости и сохранности обратно по указанному вами адресу!

– Нет! – твёрдо стоял на своём Коврига. – Простите! Приезжайте к нам в цирк к труппе дяди Арни, либо договаривайтесь на встречу через день или два, а пока Эванс слезай с телеги и помогай её загрузить! Эванс? Эванс?! Чёрт! Удрал-таки, скотина!

И правда, пока половинчики беседовали с Че, менестрель успел незаметной змеёй выскользнуть из фургона, уведя за собой Сорбонну, поскольку псины и след простыл. Заметив это, Черпотоломьё от души рассмеялся, заявив, что де Грей был таким на его памяти всегда.

– Этого мерзавца никогда не могло удержать на месте ни одна угроза или проклятие, уж поверьте мне! – усмехнулся полноватый бард. – Помнится мне, что этот пройдоха не побоился под угрозой смерти от графа забраться в спальню к одной из его дочерей, миновав стены и охрану особняка. Ох, какие громы и молнии на утро метал разгневанный отец, когда обнаружил в спальне дочери подштанники нашего Эванса! Благо, что ему удалось улизнуть незамеченным в самый последний момент, прикинувшись посыльным. Так что если де Грей и надумал удрать – будьте уверены, его ничто не удержит!

– Мы уже поняли! – хмуро заметил Коврига. – Можно вас попросить об одолжении?

– Да, конечно, – охотно кивнул Че.

– Покажите нам в каком направлении нужно возвращаться к цирковому городку. И потом – Змей всё равно с вами встретится, когда мы разминёмся, верно? Сообщите ему, что его шея уже намылена, а бить его всё равно будут очень больно, даже если он вернётся до прихода дяди Арни. Вы ему это передадите?

– Передам! – кивнул Че, после чего честно помог половинчикам с погрузкой продуктов в телегу и указал им обратный путь.

Арнолиус с удовольствием шёл по знакомым до боли улицам Белокамня, наслаждаясь их видом, запахом и суматошной сутолокой. Гном давно считал этот столичный город чем-то вроде своего второго дома или даже второй Родины, поскольку провёл тут значительную

часть своей жизни или вблизи от него, когда бороздил просторы Южных морей или Восточных пустынь в качестве охранника торговых караванов и судов, либо в роли пирата и разбойника. Многие проспекты, улицы, подворотни, магазины, кабаки и иные заведения сего города были ему знакомы и милы. Он с удовлетворением отмечал, что большая часть знакомых ему лавок сохранилась на своих местах, как и его любимая чайхана и бани. Он с удовольствием посетил бы их все, но дела не ждали, а посему ему следовало поскорее разобраться с ними, а уже потом гулять по Белокамню. Хотя, если хорошенько подумать, то отдых подождёт до лучших времён – его ждала труппа и новая пьеса, в которой ему наверняка отведена значительная роль.

Арнолиус не особо любил главные роли, поскольку в них, стараниями Назина, было слишком много говорильни, однако, если это нравится публике, приходилось терпеть и не такое. Но кроме самого театра, в коем гном был довольно посредственным актёром, магу отводилась и иная роль, а именно иллюзиониста. Всё дело в том, что один опытный чародей может заменить своими чарами кучу декораций, костюмов и статистов, отдав всё это на откуп иллюзиям, что получалось зачастую намного зрелищнее и дешевле. Арни не был исключением, поскольку не зря слыл отменным иллюзионистом – он мог легко выступать на сцене, при этом умудряясь незаметно для зрителей наколдовать множество призрачных образов и фантомов, от вполне безобидных, навроде пары человек, до довольно больших и сложных – благодаря умению мага многие спектакли включали в список действующих лиц огромных драконов, великанов (коим зачастую был видоизменённый Малыш) или разнообразных чудовищ к удовольствию зрителей. Кроме того, всё это действо сопровождалось шикарными иллюзорными пиротехническими и световыми эффектами, а одежды на героях и декорации менялись едва ли не на лету. Самим артистам оставалось лишь исполнять свои роли и импровизировать на ходу, подстраиваясь под настроения зрителей. Если толпа начинала откровенно скучать, приходилось пускать плавный ход сценария на самотёк к неудовольствию Назина, который скрупулёзно расписывал все реплики, жесты, позы и даже походку героев своих произведений.

Гному придётся обождать со многими делами, навроде прогулок по памятным местам, посещение любимых заведений, поскольку дело ждать не любит. Нужно как можно скорее встретиться с одним товарищем, а потом сразу же возвращаться обратно, поскольку необходимо провести хотя бы пару репетиций новой пьесы, чтобы не выходить к зрителю неподготовленными. Арнолиус полез за пазуху, достал оттуда трубку и кисет с табаком, начал её и зажёг на одном из пальцев небольшой магический огонёк, собираясь прикурить от него, и застыл как вкопанный. Ему только что на ум пришло наставление доктора, который упрямо твердил о том, что именно курение убивает в нём мужчину, а также постоянные просьбы Лиры бросить сию пагубную привычку. Гном аккуратно вытащил изо рта трубку и уставился на неё так, словно видел впервые. Сначала это было недоумение, потом во взгляде засквозило разочарование и неверие словам лекаря, а потом жажда захлестнула курильщика с головой. Хотелось жадно присосаться к любимой трубке и выкурить её одной долгой затяжкой, но слова Разло тяжёлым молотом грохотали в голове рудознатца. Пусть Арнолиус и бурчал, что современная молодёжь слишком уж любит плотские утехи, но он и сам был бы рад им придаться, да вот возможности таковой не было. И это в городе, где есть три отличных борделя, полно продажных уличных дев, а в храмовом квартале и вовсе процветает учение Нимфсагра, в котором все богослужения заменены разнузданными оргиями! Пожевав губами, гном с сомнением уставился на кисет с табаком и на трубку. Желание закурить мощным набатом било в его голове, как и слова Разло, сойдясь в его мыслях в кровопролитном сражении.

– Так ведь можно и кондрашку схватить! – испугался Арнолиус, который неожиданно почувствовал неприятную слабость во всём теле, но это было всего лишь утомление, поскольку поспать накануне ему толком не удалось со всей этой свистопляской в оазисе.

– А, пошло оно всё к дьяволу! – решил, наконец, гном, который выбил из трубки табак и высыпал всю махорку на мостовую под удивлёнными взорами прохожих. – Мужик я, в конце

концов, или нет?! Как-нибудь уж месяц продержусь и без курева! А там, чем Кузнец не шутит – авось и оживёт мой дружок!

Арнолиус ускорил свой шаг, не желая поддаваться соблазну бухнуться на колени и начать собирать табак в ладони. Он миновал пару аллей, после чего решил срезать дорогу до цели переулками, поскольку это здорово бы сократило ему путь и сэкономило время. В одном из таких тёмных закоулков путь ему преградили четверо молодчиков из числа людей, вооружённых кинжалами и дубинами. Лица криминальных элементов не были обезображены ни совестью, ни интеллектом, зато аккуратно украшены парочкой шрамов, одним свёрнутым носом и оспинами. Когда один из этих верзил открыл свою луковую пасть, чтобы сплюнуть на землю, то в его оскале обнаружили провалы, говорившие о том, что прощание с некоторыми зубами уже состоялось.

– Штой, недомерок! – ощерился Щербатый, смешно шепелявя, отчего его грозный вид напрочь перебивало несерьёзным голосом. – Ты шего тут пожабыл, а?!

– Кварталы нелюдей на другом берегу, карлик! – сплюнул под ноги замершему Арнолиусу мистер Оспа.

Двое шрамированных жеребцов, стоявшие по краям, согласно заржали, отчего стали похожи на коней (если у таковых бывают сломанные носы).

– Ты чего тут забыл, борода?! – смешно прогундел в свёрнутую набок сопелку детина, поднимая свой нож.

– Ребята! – отступил на шаг назад Арнолиус, не желавший отмечаться в день приезда драками в городе. – Чего вам от меня нужно? У меня ничего толком нет, даже...

– Выворачивай карманы! – приказал Щербатый, который, похоже, был в этой четвёрке за главного. – И не вждумай рыпаться, Варт маштершки метает ножи!

– Это так, гном! – подбросил на ладони свой нож Кривоносый, ловко поймав его за лезвие, изготовив к броску. – Давай сюда свои деньги!

В другое время Арнолиус только бы обрадовался в лишний раз помахать кулаками, но почему теперь, когда он решил стать законопослушным гражданином, его вынуждают вспоминать своё боевое прошлое?

– Нужно попробовать обойтись без магии! – мелькнула шальная мысль в голове у гнома. – Посмотреть, каков я в действии, и не постарел ли уже настолько, что меня пора записывать в старики!

– Хорошо-хорошо! – залебезил Арнолиус, чей актёрский талант легко помог изобразить ему на лице должный ситуации испуг, хотя организм его уже начал ликовать от бурлившего в крови адреналина предстоящей битвы. – Держите!

Маг снял с шеи пустой кисет из-под табака, бросив его на мостовую вперёд, позволив себе лишь небольшую иллюзию – пустой мешочек звякнул металлическим звоном, упав на мостовую, создав видимость заполненности монетами, что лишь порадовало скудоумных грабителей.

– И карманы выворачивай! – тут же ощерился мистер Оспа. – Да побыстрее!

– Ладно-ладно! – тут же залепетал гном, сунув руки в карманы.

Пальцы правой кисти привычно влезли в металлические ушки любимого кастета, который был вдобавок ко всему снабжён небольшими шипами, а левая уже выворачивала карман наружу. Шрамированный бандит нагнулся за фальшивым кошельком и тут же горько пожалел об этом, когда его голова познакомилась сначала с кастетом дяди Арни, а потом уже и с пыльной мостовой. Не ожидавшие подобной прыти от пожилого (как им казалось) гнома, бандиты слегка растерялись, а посему метательный нож запоздало взметнулся в воздух, но юркого бородача не застиг, звякнув лезвием по булыжникам дороги. Вскоре все трое грабителей с воплями ринулись в атаку, размахивая своим оружием, однако драться с низкорослыми взрослыми существами им было явно в новинку. Кривоносого Арни сложил пополам путём удара кулака

по бубенцам, а потом зарядил ему кастетом в нос, окончательно разбив и сломав изуродованную часть лица грабителя. Захлёбываясь кровью, бедолага рухнул наземь, выронив своё оружие, в то время как мистер Оспа и Щербатый пытались окружить гнома, чтобы атаковать его с разных сторон. Арнолиус даже решил подыграть идиотам, ещё не ведавшим, что схватились с живой легендой материка и морей, позволив им себя окружить. Атаковали верзилы, надо им отдать должное, довольно слаженно, но куда им было угнаться до ветерана! Арни легко увернулся от дубины и сапога, не забыв при этом захватить мистеру Оспе по колену кастетом, отчего сквозь ткань порванной штанины у того проступила кровь.

Стороны разошлись, стараясь отдышаться (точнее, это грабители запыхались, пытаясь достать юркого недомерка, которого они недооценили), и Арнолиус издевательски улыбнулся грабителям. Он демонстративно поманил бандитов к себе правой ладонью, показав им свой касет во всей его красе. С оружия капали наземь тягучие красные капли, да и сам гном теперь выглядел не в пример более опасным, нежели пару минут назад. Сейчас он уже не походил на тшедушного старца, измождённого болезнями, а выглядел в глазах бандитов настоящим знатоком кулачных боёв. Походя, Арнолиус пнул надумавшего было подняться шрамированного грабителя с разбитой головой, вернув его в горизонтальное положение, а потом заехал мистеру Оспе по копчику, отчего тому пришлось отнять руки от разбитой в кровь рожи и зажимать пострадавший зад.

– Кто следующий?! – хищно ощерился Арни, но потом его организм сыграл с ним злую шутку.

Табак, который не простил недавнего предательства, заставил гнома согнуться в очередном приступе кашля, отчего Щербатый и мистер Оспа бросились в атаку, не задумавшись над тем, что это могла быть очередная уловка со стороны противного гнома. К их счастью, Арни не симулировал и не блефовал, а посему не сразу успел среагировать на быстрое сближение, и теперь получил по лицу кулаком. Но что такое для кряжистого гнома, привыкшего к мордобою, один пропущенный удар?

– Зато кашель прошёл! – обрадовался Арнолиус, уворачиваясь от кинжала, который прошёл в опасной близости от его шеи.

Он со всей дури двинул Щербатому под колено, отчего тот упал на землю, а потом ударом кастета выбил из его рта очередную порцию зубов, досрочно превращая главаря разбойников в шамкающего дедка. Удар был такой силы, что человек лишь успел коротко взвыть от боли, а на землю уже упало его бесчувственное тело, и теперь у гнома оставался всего лишь один соперник. Мистер Оспа уже понял, что ему не совладать в одиночку с диким бородачом, а посему подхватил с земли пустой касет из-под табака, до сих пор ошибочно полагая, что это кошелёк, и, прихрамывая, бросился прочь. Арнолиус озорно засвистел ему вслед, походя пнув в очередной раз шрамированного громилу, который начал ворочаться на земле, а потом ему под ноги попался метательный нож, который принадлежал ранее Кривоносому. Мелькнула в полумраке стальная вспышка, и убежавший было мистер Оспа залетает за угол уже с воплем боли, поскольку лезвие вонзилось ему точнёхонько в плечо, отчего злополучный пустой касет всё же выпадает из его онемевшей ладони на мостовую. Останавливаться и подбирать его перепуганный грабитель явно не собирается, спешно скрываясь во мраке подворотни, а посему гном снова награждает всех побеждённых увесистыми пинками, дабы те не вздумали очнуться ранее положенного срока, а потом быстро обшаривает их карманы. Естественно, что много средств выудить из банды грабителей-неудачников ему не удаётся, а посему он покидает мостовую с чувством выполненного долга и опасениями того, что шрамированный мальчик всё же дал дуба, поскольку кровищи вокруг его пробитой головы натекло на целое море.

– Что ж, сам виноват! – думает Арнолиус, стирая с кастета чужую кровь платком, вытаскивая из штанов Кривоносого. – Нечего было нападать на кого не следует! А я ещё ничего!

Могу навалить подонкам и без помощи магии! Хотя, старею понемногу – надо же, из-за кашля удар по лицу пропустил!

Злобы по отношению к грабителям гном не испытывает, поскольку сам занимался подобными налётами на припозднившихся горожан, когда остро нуждался в деньгах. Остаток пути проходит без происшествий, лишь досадно распухает скула, по которой пришёлся удар. Вскоре показывается и цель его путешествия – бордель под маской постоянного двора, располагавшийся в левобережных доках. «Озабоченная русалка» гласит вывеска, на которой намалёвано нечто каштановолосое с большими грудями и рыбьим хвостом, лишь отдалённо напоминавшее хозяйку сего заведения. А вот и она собственной персоной – чувственная, грациозная, манящая, дерзкая и сексапильная. Ариадна может быть какой угодно, но только не злобной и агрессивной, коими рисуют всех русалок обыватели. Она не станет никому откусывать голову или топить, как это делают её дикие сёстры, поскольку она является полноправным гражданином Белокамня со стабильным доходом от сдачи комнат в аренду (вместе с девочками) на постой и утоления голода сограждан (как обычного, так и алкогольного с сексуальным).

Русалка владела этим заведением вот уже второй десяток лет, но при этом, на взгляд Арни, нисколько за прошедшее время не постарела, оставаясь всё так же хороша собой. Вероятно, у этих полурыб возраст исчисляется иначе, нежели чем у людей и гномов. Сама Ариадна практически всегда обслуживала своих клиентов сама, принимая заказы за стойкой, где у неё был оборудован самый настоящий бассейн, который подземными подводными туннелями соединялся с каналом, выведившим к реке. Русалка обладала тремя неоспоримыми достоинствами, которые выводили её заведение в ранг любимых для многих горожан и гостей столицы. Во-первых, её красота и могучий бюст, который никогда не скрывали никакие одежды. Таких прелестей стоило ещё поискать по городу, а посему мужчинам это заведение и сама милая кабатчица нравились много больше прочих. Распалённые страстью выпивохи охотно сдавались в плен продажным девам, обитавшим под крылом Ариадны, отчего все оказывались довольны. Вторым неоспоримым плюсом сего заведения была безупречная память русалки на имена и лица, отчего всех гостей, заглядывающих сюда повторно она узнавала быстро и безупречно, что лишь льстило мужчинам. Кабатчица охотно выслушивала долгие и нудные истории своих завсегдатаев, помогая им словами ободрения или советами, подрабатывая бесплатным психологом, отчего народная любовь к Ариадне только возросла. Кроме того, она старалась принимать посильное участие в решении проблем всех, кого могла назвать своими друзьями, коих у неё было в достатке. Ну и третьим достоинством «Озабоченной русалки» была тихая мирная атмосфера в заведении, а также хорошая кухня и относительно невысокие цены. Охраной на постоялом дворе служили два мощных водных элемента, которые в любой момент могли выпрыгнуть из хозяйского бассейна, чтобы уgomонить бузотёров. Любимым их развлечением было угрожать своим жертвам утоплением – бьются, поймают элементали нарушителя, засунут ему в глотку свою руку по локоть, и когда жертва начнёт захлёбываться – вынимали обратно. Естественно, что после подобных прилюдных процедур желания бузить ни у кого не оставалось, как и попыток драться с магическими тварями, коих обычным оружием было не пронять.

Арнолиус отворил дверь кабака, и в нос ему немилосердно ударил запах крепкого табака, который нещадно схватил гнома за ноздри своими цепкими пальцами. Курить захотелось так сильно, что в глотке моментально пересохло, а поджилки затряслись. Руки гнома сами собой полезли за кисетом, однако очень быстро обнаружилось, что тот остался на пыльной мостовой грязной подворотни среди тел бесчувственных хулиганов.

– Кой чёрт?! – выругался про себя Арнолиус. – Там всё равно табака не было – сам же высыпал!

При звуке скрипнувших петель все завсегдатаи обернулись на новоприбывшего, и надо же – несколько из них узнали гнома.

– Разрази меня гром! – послышалось из-за одного стола. – Арнолиус, старый ты пройдоха! Давай к нам скорее!

– Ни хрена! – раздалось из другого угла. – Арни, дуй к нам!

Прищурившийся гном обнаружил, что справа его звали к себе морские волки пиратской наружности, в то время как слева сидели представители противоположного им сословия, а именно купцы с негоциантами. Похоже, что обе эти группы вспоминали гнома явно с тёплых сторон, иначе звать к себе его бы не стали. Хотя, и у тех, и других Арнолиус легко мог числиться и во врагах, ведь он не только плавал под чёрным флагом, но и служил одно время на военном судне, охотившимся на морских разбойников (мы же упоминали о том, что жизнь мага была весьма яркой и насыщенной на события?). Тепло ответив на все приветствия, Арни также помахал и Ариадне, которая явно узнала гнома, часто захаживавшего сюда ранее. Арнолиусу пришлось выпить с обеими группами, которые хмуро косились друг на друга из-за своих столов, желая недругам сдохнуть в корчах. Однако вскоре гному удалось добиться невозможного – и вот уже пираты радостно гудят и веселятся за одним столом с купцами, обсуждая взаимовыгодное дельце, хотя раньше их представить вместе было попросту невозможно. Всё равно, что голодных волков представить в мирном сосуществовании со стадом толстых овец. Но вот благодаря Арнолиусу озвучена отличная идея, и теперь разбойники договариваются с купцами о перепродаже краденного прямо в море, что позволит первым быстро избавиться от незаконной добычи, а вторым получить возможность заработать лишних барышей по липовым накладным.

Но не за этим сюда пришёл Арнолиус – до заключённого в пьяном угаре договора ему нет никакого дела, ведь теперь его удел – цирковая труппа, и надо продвигать её. Извинившись перед капитаном по прозвищу Иглохвост и главой торговой шхуны по имени Эмилио, гном отходит в сторонку, где под лестницей в полутёмном уголке за маленьким столом сидит знакомый ему гном.

– Да ты у нас, я посмотрю, парень хоть куда! – усмехается незнакомец, говоря на языке подгорного народа.

– Стараюсь! – скромно отвечает Арни, также легко возвращаясь к родному языку. – Извини, что не подошёл сразу – слава помешала.

– Пиратская или торговая?

– Обе! – кивает маг, присаживаясь за стол. – Здравствуй, Балин!

– Здорово, Арни!

Гномы обмениваются могучими рукопожатиями, после чего подзывают к себе одну из официанток, роль которых тут отведена снующим повсюду продажным девам. Заказав себе еды и боценок пива, старые друзья возвращаются к прерванной беседе.

– Когда я получил твоё письмо, то оно у меня выпало из рук, когда я дошёл до того места, где написано, что ты возглавил цирковую труппу, – усмехнулся Балин. – Ещё больше я озадачился, когда ты попросил помочь пристроить твоих артистов и найти вам работу. Я понимаю, что обычными выступлениями перед толпой многого заработать не удастся, но чтобы я стал у тебя как агент по трудоустройству...

– Так ты нашёл нам чего или нет? – спросил у старого товарища иллюзионист, теребя свой подбородок, поскольку руки так и тянулись к месту, где раньше располагался кисет.

– Перекурим перед ужином? – тут же усугубил ситуацию Балин, доставший из-за пазухи мешочек с зельем.

Выглядело это невинное со стороны предложение сущим издевательством над решившим вернуться к здоровому образу жизни Арнолиусу. Естественно, что измученный табаком организм, не получавший несколько часов нужной ему подпитки всеми фибрами проголосовал за данное предложение, но сам гном стойко сглотнул набежавшую слюну, и едва заметно отрицательно мотнул головой.

– Курил только что, – хриплым от волнения голосом соврал он, после чего зашёлся в очередном приступе удушающего кашля – это прокуренный организм мстил своему хозяину за подобную ложь и отказ.

– Давай, пыхни разок! – зудел демон-искуситель на одном плече.

– Подумай о бабах! – пропел ангел-хранитель на другом. – Баб не было уже несколько лет, а курево ты бросил только пару часов назад!

– От раза ничего не станет! – настаивал на своём демон.

– Но и не встанет! – тут же вмешался ангел. – Изыди, демон! Нам нужна баба!

– Хрен его знает, встанет потом наш дружок или нет, – продолжал зудеть демон. – А табака мы всё это время не увидим! И сколько нужно ждать? Месяц? Два? Год? А что, если никогда? Так и будем сидеть дураками без баб и табака?! Ты ещё скажи, что и от пива отказаться нужно!

– От пива нет! – помотал головой ангел. – Лекарь про выпивку ничего не говорил, так что лучше жхни пивка, Арни! Вот увидишь – тебе полегчает!

– Фиг там! – ухмыльнулся демон. – Но пива жхнуть однозначно следует!

В итоге, когда принесли затребованный бочонок, иллюзионист спешно выбил из неё пробку, наполняя кружку и опорожня махом раз за разом.

– Эй-эй! – засмеялся Балин. – Полегче, друг! Мы же ещё даже харчей местных не опробовали!

– Уф-ф! – выдохнул довольный Арнолиус, после чего скрипуче рыгнул. – И правда, полегчало!

Однако чувство облегчения было временным, поскольку уже через несколько минут желание покурить стало и вовсе непреодолимым. Пришлось довольствоваться тем, что вдыхать местный прокуренный воздух пока никто не запрещал, да и находиться в кабаке без этого было практически невозможно. Утешение вышло довольно слабым, поэтому как нельзя кстати пришлась принесённая еда, поскольку теперь рот можно было занять ею, а не трубкой.

– Ну и аппетит! – рассмеялся Балин. – Ты из какого подземелья вылез, друже?

– Восточную пустыню пересекали с труппой! – ответил Арнолиус, не покрывив душой. – Воды мало, жратвы тоже, притом часть и вовсе испортилась в походе.

– Тогда понятно! – усмехнулся гном, который только сейчас закончил курить и принялся за трапезу. – По поводу твоего запроса я постарался, и кое-что вам нашёл. Если твои люди и правда, так хороши, как ты их описываешь, тогда мы с тобой заработаем золотишка. Вот, возьми эти заметки, я их набросал для тебя. Постарался кое-что заранее узнать о твоих нанимателях и их требованиях, чтобы облегчить тебе работу.

– Благодарю! – кивнул Арнолиус, пряча за пазуху жёлтые листы, исписанные гномьими рунами и снабжёнными даже небольшими рисунками. – Как и договаривались, тебе полагаются проценты по выполнению каждого выступления. Ребята надёжные? Не потащат моих гимнасток в кусты или не станут обзывать нас мошенниками, чтобы не платить по счетам?

– Обижаешь! – тут же надулся Балин. – Разве я тебе когда-то раньше подкладывал свинью?

– Нет, – мотнул головой Арни. – Но мину ты мне под дверь как-то пристроил!

– Так ведь я думал, что это ты стоишь за тем бунтом в общине! – тут же возмутился товарищ. – Я решил, что лучше устранить раскольника до нового мятежа, чем вовремя него. Кто ж тогда знал, что этим подстрекателем оказался Тори Клевец?

– Наверное, только у меня имеются такие друзья, которые минируют двери моего жилища, а потом слёзно извиняются, когда случайный вор подрывается на ней, а мятеж организует другой гном!

– У тебя нет друзей, Арнолиус! – тут же поспешил рассмеяться Балин. – Для тебя все встречные делятся на три категории – добыча и жертва, конкуренты и враги, а также временные товарищи и союзники. Друзей у тебя нет, уж прости!

Иллюзионист тут же набылчился, но собеседник поднял руки в примирительном жесте.

– Поправь меня, если я не прав, но у тебя просто талант заводить врагов или союзников. Причём, ты их так часто рокируешь между собой, что сам не знаешь, чего можно ждать от них. Вот, взять, к примеру, тех торговцев и корсаров, которые сейчас мирно выпивают вместе благодаря тебе. Если им рассказать всю твою подноготную, то тебя захотят повесить на рее обе эти группы. Ты же сам то тряс торговцев, то защищал их. Также и с корсарами – какое-то время ты был под их флагом, потом переметнулся под государственный, и стал охотиться за бывшими товарищами.

– Наоборот, – хрипло сказал Арнолиус.

– Что, наоборот? – не понял его Балин.

– Сначала я был военным, а потом стал разбойником.

– Какая разница! – отмахнулся собеседник. – Слишком уж ты часто менял за свою жизнь стороны, что стал не просто перебежчиком, а, скорее, изгоем во всех сферах.

– Они так не считают! – кивнул в сторону гульбящихся пиратов и торговцев, обмывавших рождение необычной сделки за одним столом.

– Это временно! – усмехнулся Балин. – Жертва и грабитель не могут дружить. Никогда. Сегодня в их хмельных головах твоё предложение кажется заманчивым и гениальным, а завтра, когда они протрезвеют, я не поставлю своего последнего империяла на то, что подобная сделка вообще когда-нибудь совершится. Велик соблазн будет подставить поделщиков, либо их одолеет страх и сомнение. Хищник и жертва, мой друг. Заставить их подружиться может лишь ещё более свирепый и лютый общий враг, но ты им его не дал, вместо этого поманив монеткой. А у более сильного или наглого всегда будет соблазн нарушить ход сделки, забрав всё себе.

– Ладно, уволь меня от чтения лекций о морали! – нахмурился Арнолиус, после чего мысленно добавил. – Иначе услышишь от меня страшную лекцию о вреде курения в пересказе со слов доктора Разло!

– Как скажешь! – легко согласился Балин. – Как тебе ужин?

– Как всегда, на высоте! – улыбнулся иллюзионист, откидываясь на спинку стула. – Лучше расскажи, как там мои поживают в клане?

– Твои? – улыбнулся товарищ. – Твои дети уже давно сделали тебя дедом, Арни. Бьянка уехала из города, найдя себе мужа в клане Чернобородых в Подземье...

– Знаю, – ворчливо ответил гном. – Бывали мы там с гастролями. Удивился я тогда, конечно, сильно, но да что поделывать, если из меня такой непоседливый отец. Главное, что она счастлива и растит детей.

– Я слышал, она у тебя в инженеру подалась, – заёрзал на стуле Балин.

– Да, – полным гордости за дочь голосом ответил Арнолиус. – Она разработала возвратный механизм вертлюжных баллист, отчего скорость их перезарядки сильно возросла! Кроме того, она усовершенствовала имевшиеся наконецники их копий, повысив скорость и пробивную способность снарядов.

– Здорово! – оценил по достоинству Балин.

– А что там с моими сыновьями?

– М-м-м, – задумался собеседник. – Младший стал у нас в клане неплохим алхимиком, работает в основном с кислотами. Средний записался в воины, дослужился до старшины, сейчас махает топором и командует отрядом где-то на Востоке, с тёмными эльфами в Подземье сражаются.

– А что со старшим? – нетерпеливо осведомился Арнолиус, когда Балин замолчал.

– Эх! – вздохнул гном, снова заёрзав на месте. – Всё плохо, дорогой. Убили его.

При этих словах Арни побледнел, вцепившись в стол, с шумом вдохнув в себя прокуренный воздух.

– В бандиты он подался, пошёл по твоим стопам. Сначала, вроде, успешно шуровал, караваны грабил, а потом его из клана исключили. Сам знаешь, что у нас с этим строго – нам преступники в крепости без трыбы. Ну да он не сильно переживал. Продолжил лиховать по бездорожьям с бандой сорвиголов, а потом всех солдаты и положили. Поскольку твой Арес атаманом у них шёл, публично его на площади казнили. Уж ты прости, Арни, говорю как есть.

Мигом всё стало неважно – труппа, товарищи, родичи из клана, успехи дочери и двоих сыновей. Как же так?! Любимый первенец Арес, подававший такие надежды, и вдруг – разбойник! А потом ещё раз! И изгнание из клана! Сам Арнолиус подобного развития событий дожидаться не стал, покинув общину до того момента, как его оттуда с позором изгнали и закрыли перед ним её двери навсегда. Но даже не криминальная стезя больше всего опечалила безутешного отца, но смерть сына, причём та её подробность, как публичная казнь, а не смерть на поле брани.

– Сочувствую! – подал через минуту голос Балин. – У твоего Ареса детки малые остались, они все на бедной Маланье сейчас.

Маланья – это жена среднего сына, который стал небольшим военачальником.

– Тяжело ей, – вздохнул гном. – Своих деток двое, а ещё и племяшки малолетние, да муж на фронте. Деньгами они, конечно, обеспечены – трофеи муж домой и жалованье присылает регулярно и исправно, но тяжело ей без помощи. Конечно, ты бы проведал их с удовольствием, да не пустят тебя в крепость – не велено. Пусть ты и герой нашего рода, но, к сожалению, деяния твои не всегда были чистыми и светлыми.

Тут Балин почесал свою голову, озадаченно цокнув языком.

– Ты у нас вообще одиозная и одновременно с тем великая личность. С одной стороны, ты герой нескольких войн, защитник наших устоев и ярый поборник морали, но в большом свете ты преступник и наёмник. А подобные стороны биографии никогда на пользу среди наших соплеменников никому не шли. Хотя, ты знаешь, вся нынешняя молодёжь и детвора играет в великолепного Арнолиуса, самого удачливого сукина сына из всех, коих знал наш клан. Любимое занятие детворы – это игра в пиратов, грабителей или солдат с твоим участием в главной роли. Многие подростки втайне от своих родителей затачивают свои секиры и полируют молоты с цепями, желая при первой же вылазке из крепости наведаться в Подземье и отхватить себе военных трофеев грабежом или мародёрством, как ты это зачастую делал, пока тебя не уличили в преступных нападениях. А это опасно! Опасно, прежде всего, что нашу молодёжь совращают подобные мысли о быстром обогащении, коим ты и занимался прошедшие годы.

– Любых авантюристов обвиняют в подобного рода совращениях и грабежах при любой удобной возможности, – вздохнув, ответил Арнолиус. – Я же не виноват, что из всех оказался самым живучим и знаменитым!

– Не виноват! – кивнул головой Балин. – Ладно, если на этом всё, может расскажешь мне о своих приключениях?

– Что, не терпится пообщаться с героем, чтобы узнать новых историй из первых уст? – горько усмехнулся маг.

– Типа того, – усмехнулся собеседник.

Арнолиус грустно уставился на дно своей пустой кружки, решая, выпить ему ещё или нет. Сразу вспомнился Мерлин со своей извечной кружкой холодного пива, заколдованной таким образом, чтобы она постоянно наполнялась сама собой по мере опорожнения. Вещица эта была знатная и очень дорогая (ибо неиссякаемый источник вкусного пенного холодного напитка мог экономить уйму средств в кабаке или спасти множество жизни в походах по пустыням и подземельям), а самого мага из-за этого в тавернах не любили. Мерлин часто спьяну мог

начать угощать всех желающих дармовой выпивкой, что, по понятным причинам, самим хозяевам кабаков не нравилось, ведь это снижало их выручку. Однако страдал подобной щедростью маг-алкоголик не особо часто, опасаясь того, что кому-нибудь по пьяной лавочке взбредёт в голову гениальная мысль избавить хозяина от его чудесной кружки. По здравому размышлению Арнолиус решил, что напиваться накануне премьеры точно не стоит, даже ради того, чтобы помянуть своего казнённого первенца, поэтому отставил пустую посудину в сторону, а потом насторожился.

– Что такое? – завертел по сторонам головой Балин. – Что-то не так?!

– Видишь того хлыща? – указал на вошедшего в заведение менестреля с лютней, сопровождаемого похожим персонажем и собакой.

– Ну, и что? – повернулся в ту сторону собеседник. – Два барда, похоже, что их тут знают и любят, и сейчас у нас здесь будет музыка.

И правда, отдыхающие гости начинают требовать песен, как и сама хозяйка заведения, которая кивает пришедшим головой и о чём-то просит их с улыбкой. Естественно, что мужчины не могут отказать публике и милой русалке, а посему готовят свои инструменты к игре.

– Всё дело в том, что тот, который худой, это мой подчинённый, – хмуро пояснил товарищу Арнолиус. – А я строго-настрога запретил ему покидать труппу, потому как этого хлыща удержать от загулов проблематично. И если я сейчас не остановлю этого мерзавца, то через пару часов тот может накидаться до скотского состояния и пропустить начало спектакля. А я за такое обычно бью в бубен!

– Понятно! – кивнул ему Балин. – За такое можно врезать. Но только не сейчас, когда бард на виду у всей таверны. Пусть себе играют, а потом ты подойдёшь к ним и заберёшь своего человека с собой. А пока давай послушаем, чего там эти лютнисты нам хотят исполнить.

А исполнили знакомые менестрели около десятка композиций, в основном весёлых и боевых мотивов, поскольку отдохавшим внутри пиратам слушать про любовные розовые слюни не захотелось. Но вот отзвучали аплодисменты, музыкантов наградили небольшим дождём из медяков, а потом те уселись за свободный стол, намереваясь поужинать, выпить вина и поговорить. Естественно, что иллюзионист не вмешивался до тех пор, пока гостям не подали еду и напитки, и лишь после этого распрощался с Балином, отправившись за своим артистом. Поскольку расположившаяся под столом в ожидании подачек Сорбонна знала Арнолиуса, то она не стала рычать при его приближении, как делала это в прочих случаях, лишь вильнула пару раз обрубок своего хвоста. Так как гном зашёл Эвансу с тыла, тот не мог видеть своего сердитого патрона до самого последнего момента, а сам маг старательно делал вид, что собирается пройти мимо, дабы товарищ де Грея не смог предупредить барда о визитёре. Поэтому когда тяжёлая ладонь хлопнула Змея по надплечью, с силой сжав ключицу бедолаге, тот сначала поперхнулся куриной костью, потом выплюнул её с силой арбалетного выстрела, отчего снаряд впечатался Че прямо в лицо, и лишь затем Эванс завизжал от боли и страха, подобно раненой свинье. Он попытался было вскочить со стула, но Арнолиус плюхнул барда обратно вниз, гулко залаяла из-под стола Сорбонна, которая не могла понять, кто угрожает её хозяину, когда рядом одни лишь друзья. Молосс шустро вылетела наружу, ожидая найти обидчика, вскрикнуло несколько гостей, сидевших поблизости, а от барной сойки раздался громкий плеск – это из бассейна поднимались два больших водных элемента по приказу своей хозяйки, которая терпеть не могла разборок внутри Озабоченной Русалки.

– Твою мать! – выдохнул обернувшийся назад де Грей. – Арни! Какого чёрта?!

– Это я должен тебя спросить, – нахмурился гном. – Какого чёрта ты тут торчишь, когда мы договаривались о чём?!

– О! – тут же смутился пойманный с поличным менестрель, хотя про себя подумал – какого чёрта Арнолиуса занесло в тот же бордель, куда они решили заглянуть со стародавним товарищем ради приятных бесед, воспоминаний и дебоша с кутежом?!

– Арни, де Грей! – раздался от стойки взволнованный голос Ариадны. – Что вы между собой не поделили?! Тебе нужна помощь, Эванс?!

– Нет, всё нормально! – ответил бард. – Это мой старый знакомый и просто задолжал ему кой-чего. Всё в порядке!

– Ладно! – кивнула русалка, и в тот же миг сформировавшиеся элементали рассыпались множеством брызг, снова попадая в бассейн, откуда они только что появились.

Когда все посетители и насторожившиеся продажные девы поняли, что инцидент исчерпан, то сразу же вернулись к своим занятиям, продолжая отдыхать или работать. Сорбонна также перестала рычать, отправившись обратно под стол, по пути схарчив упавшую на пол кость, которая суждено было стать метательным снарядом. Не дожидаясь приглашения, гном присаживается за стол к бардам, забирая себе кружку де Грея.

– Чёрт! – ворчал на своём стуле Че, потирая ушибленный глаз, куда впиалась вылетевшая изо рта Эванса обглоданная кость. – Как же больно!

– Во всяком случае, тебе ещё повезло! – кивнул гном. – Этому хлыщу достанется ещё больше за ослушание, когда мы вернёмся домой.

– Арни! – тут же поспешил перевести тему в более приятное русло Эванс. – Позволь мне представить тебе моего стародавнего друга, Черпотоломь! Он также талантливый менестрель. Черпотоломь это мой нынешний патрон Арнолиус – глава цирковой труппы и маг.

– Можно просто Че! – ворчливо сказал бард, утирая своё лицо.

– Мне на тебя вообще наплевать, – даже не поворачиваясь к нему, ответил гном. – Собирайся, Эванс, мы возвращаемся в балаган!

– Но я же даже ещё не поел!

– Дома поешь! – прервал его стенания Арнолиус, допив вино своего подчинённого, а остатки цыплёнка отправляя вниз довольной Сорбонне. – Пошли!

– Злой ты! – буркнул Эванс, потиравший своё нывшее надплечье – у Арни не руки, а самые настоящие клещи!

– Какой есть! – хмыкнул гном, настроение которого немного поднялось из-за осуществлённого наказания. – И это ещё хорошо, что я застал тебя трезвым, потому как зная тебя, я более чем уверен, что сегодняшней ночью ты бы назад не воротился. А завтра смог бы также не прийти или явиться с таким убийственным перегаром и раскалывающейся головой, что толку от тебя будет ноль.

– Я не собирался...

– Не хочу тебя слушать! – отмахнулся от него гном. – Я свои дела закончил, поэтому отправляемся назад немедленно!

– Но Черпотоломь тоже может нас снабдить работой! – поспешил выдать свой последний козырь Эванс.

– Это правда? – перевёл свой бесстрастный взгляд на барда Арнолиус. – Можешь порекомендовать нашу труппу кому-то из зажиточных граждан или организаций?

– Да, – кивнул недовольный менестрель, которому не нравился непочтительный тон гнома и его обхождение с де Греем, которого работодатель, похоже, держал в чёрном теле ежовыми рукавицами.

– И кто же это, позволь узнать? – любопытствовал без особого интереса маг, даже не думая садиться обратно на стул.

– Я вхож в большинство знатных домов Белокамня! – начал привычно распушать свой павлиний хвост Че, хотя сейчас похож он был больше на злого индюка, трясущего своей мясистой шейной «бородавкой», и клекотавшего нечто гневное. – А посему меня знают и уважают многие дворяне и...

– К делу! – перебил его гном. – Я не собираюсь выслушивать тут, какой ты молодец и как твоя помощь нам будет неоценима. Если не ты, тогда мои друзья найдут нам стоящие заказы.

– Какой вы, Арнолиус, однако грубиян! – тут же надулся Че, отчего ещё сильнее сделался похож на индюка. – Приходите к нам, грубите, обижаете моего друга, выжираете наше вино и скармливаете целого цыплёнка собаке. Так и до дуэли не далеко!

В ответ на это заявление Арнолиус от души расхохотался, однако вся торжественность момента опять была испорчена злополучным кашлем. Сам гном посчитал, что выглядит при этом весьма жалко, но вот сам Черпотоломьо и вовсе побагровел от гнева – он счёл это ещё большим оскорблением, нежели всё остальное, что свершилось до этого.

– Да как вы смеете! – вскочил он из-за стола, на что Сорбонна, спешно догрызавшая цыплёнка, ответила злобным рыком.

Эванс поспешил успокоить сразу всех, дёргая собаку за ошейник, а Арнолиуса за руку, одновременно умоляя всех словами остановиться.

– Ребята! – тут же позвала от стойки Ариадна. – Никаких драк внутри заведения! Иначе мои слуги мигом вас отдубасят или утопят!

– Никаких драк, милая! – обернулся к ней гном. – Просто учу молодёжь уму-разуму. Мы уже уходим!

Он вздёрнул Эванса за шиворот со стула, поднимая его на ноги, после чего толкнул в сторону двери.

– Тебе точно не нужна помощь, милый?! – спросила русалка у растерянного барда, проходившего мимо стойки к выходу.

– Нет, – помотал тот головой. – Я сам виноват. Всё хорошо, правда!

– Надеюсь, всё обойдётся! – подмигнула ему Ариадна.

– Я бы на это не рассчитывал! – хмуро заметил гном, вытолкнувший барда наружу. – Рад был повидаться, красавица!

– Не наказывай его уж слишком строго, Арни! – вступилась за менестреля русалка. – Он хороший парень!

– Посмотрим! – ответил гном неопределённо, выходя наружу.

Следом за ними трусила сытая Сорбонна, которая недоумевала, почему её хозяйина таскают, словно безвольный куль, но тот запрещает ей выпиться нахальному гному в глотку. Также за ними на выход топал и Черпотоломьо, который ещё не всё сказал этому наглому «дяде Арни», как его звал Эванс.

– Тебе чего?! – только на улице заметил преследующего их Че гном. – Тоже по сопатке хочешь?!

– Нет! – горделиво вскинул тот голову. – Я вызываю вас на дуэль!

– Ха! – рявкнул довольный Арнолиус, у которого до сих пор кипел и клокотал гнев внутри груди, требующий выхода – вот так на него сказало известие о гибели Ареса. – К вашим услугам, сударь! Хоть сейчас!

Неизвестно откуда на кисти гнома возник потёртый шипастый кастет, который, судя по его виду, уже сломал не один десяток носов и челюстей.

– Не нужно, Че! – тут же вылез с дельным советом Эванс. – Не стоит!

– Молчи! – осадил подчинённого Арнолиус. – Твой друг желает сатисфакции, и почему мы должны ему перечить? Я готов к бою хоть сейчас, чистоплюй!

– А вот мне нужно подготовиться к бою! – тут же отвечивал бард. – Кроме того, я желаю, чтобы наша дуэль была зарегистрирована официально и протекала на Арене. Хочу, чтобы свидетелями вашего позора стали сотни и тысячи горожан!

– А ещё чего тебе дать?! – усмехнулся недобро Арнолиус. – Бабу румяную? Ты вообще об уличных боях что-то слышал?

– Это против правил! – тут же скривился самодовольный Черпотоломьо.

– Зато эффективно! – усмехнулся снова гном, после чего плюнул в сторону барда, желая спровоцировать того на немедленную драку.

Испуганный менестрель шарахнулся в сторону, после чего скривился от отвращения, утирая со штанин гномскую слюну.

– Знаете, вы скот! – тут же поспешил дать оценку действиям оппонента Черпотоломьо. – Животное, которое...

Договорить он не успел, поскольку Арнолиус с рёвом набросился на него, быстро сбил с ног и оглушил одним ударом кастета по лицу.

– Указывать он мне тут будет и условия ставить! – усмехнулся маг, с удовлетворением глядя на разбитую физиономию бесчувственного Че. – Скотина!

Сплюнув на поверженного менестреля, гном посмотрел на вздыхающего, как красна девица, Эванса, шмыгающего носом.

– Мы твоего друга грабить будем или как?

– Нет! – твёрдо заявил де Грей. – И оставлять его на земле мы тоже не будем! Негоже одному из видных бардов города валяться в грязи с разбитым лицом, как распоследнему ограбленному забулдыге.

– И что ты предлагаешь? Вернуть его в таверну? Так нас или меня мигом повяжут за разбой.

– Нет, – мотнул головой Эванс. – Отнесём его к нам, а там поглядим...

Глава 3

Барон Плойер изволили скучать. Этому аристократу наскучило всё и вся, и теперь знатного мужа разъедала хандра, поскольку дел никаких не было. Земли к западу от города, находившиеся во владении его семейства, приносили пусть и небольшой, но стабильный доход, а его дело – кораблестроение малых и средних судов, а также их ремонт на верфях и стапелях Южного форта были гарантом не только дополнительных денежных поступлений, но и благосклонности короны. Посему Плойер мог легко позволить себе перебраться жить в столицу из своего поместья, поселившись в одном из особняков Островного района.

Сам барон был тем ещё самодуром, неудачно женившимся несколько лет назад. К браку его подтолкнула печальная для его кругов необходимость, но сделано это было не для получения приданного или нового титула, а чтобы попросту спасти свою шкуру. Изначально со своей женой барон Плойер и не думал сходитья вовсе, лишь подверг её насилию спьяну, о чём потом горько сожалел. Замять скандал так просто не удавалось, поскольку отец пострадавшей был небольшим торговцем, и всё же хоть мелкие, но имел связи в городе, да и свидетеля ему удалось найти и надёжно спрятать, чтобы тот смог выступить на суде. Терять торговцу было нечего, поскольку его дело стремительно летело под откос, а вот теперь, благодаря капризу судьбы и страданиям дочери он мог поправить своё положение в обществе. Естественно, что спасти своё доброе имя для барона стало делом первостепенной важности, а посему пришлось соглашаться на неравный брак. Теперь его жена Магда с неохотой поселилась вместе с нелюбимым муженьком в поместье на Острове, всё больше и больше ужасаясь его зверской натуре.

Плойер был гнусным сам по себе, но ещё хуже он становился, если пил или принимал чёрный лотос, поскольку в этом случае он превращался в самого настоящего зверя, способного даже на убийство, поскольку в момент такого угара из дома внезапно пропал один из слуг, а на полу в кабинете барона долго не удавалось отмыть кровавые пятна на полу и письменном столе. Сама Магдалина с ужасом понимала, что подобная участь могла постигнуть и её, если бы в момент насилия над ней во время знакомства с этим чудовищем их не застал за сим действием тот добрый свидетель, не побоявшийся дать при необходимости показания. Теперь же Плойер отнюдь не лишился своего титула и не понёс наказания, наоборот, эта Магда вынуждена страдать дальше, когда её отдали в услужение этому монстру в качестве жены. Естественно, нелюбимой. Воспринимал супругу барон не иначе, как досадное недоразумение, ожидая того момента, когда со времени свадьбы пройдёт достаточно времени, чтобы иметь возможность избавиться от навязанной ему благоверной, дабы общество, высший свет и тещевонючка не сочли сию поспешность подозрительной. Причём, что это будет – несчастный случай, ссылка на родные земли к западу от Белокамня или удушение собственными руками, Плойер не задумывался. Нужно только выждать, а там хоть трава не расти.

Естественно, что ласковых слов Магдалина от своего супруга никогда не слыхала, зато вот ругательных и оскорбительных прозвищ у неё была целая россыпь, и каждое оскорбительнее другого. Спать с ней Плойер и не думал – вот ещё! Не дай Бог понесёт от него, и что тогда прикажете делать с ребёнком от этой никчёмной замухрыжки? Нет, рожать ему должна знатная женщина, которая составит ему видную партию, и принесёт семье повышение в титуле или богатое приданное. Поэтому большую часть дня бедная девушка (которая, кстати, была весьма недурна собой) проводила в гордом одиночестве, пока её благоверный шлялся по друзьям, пил, курил, развлекался с куртизанками и на охоте. Это наоборот только радовало Магдалину, которая на дух не могла выносить близкого присутствия супруга. Ей в нём было противно всё – и притворная вежливость перед прочими знатными людьми, и настоящая звериная жестокость по отношению к жене и тем, кто был ниже его рангом или слугам. Ей не нравилась ни его

излишне франтоватая одежда, ни его щёгольские усики с бородкой, ни приятное лицо, которое искажалось до неузнаваемости в моменты гнева.

К счастью, дома Плойер показывался редко, и то лишь для того, чтобы принять ванну, сменить одежду, быстро отдохнуть, и смотаться на новые гулянки. Когда барон показывался в поместье, его старались избегать все слуги и сама жена, поскольку хозяин был быстр на расправу и довольно жесток. Он охотно колотил своих слуг, рабов и жену, и часто делал это прилюдно, находя любой самый малюсенький повод для недовольства.

Сегодня садист вернулся с ночной охоты, и бедная Магдалина со страхом вздрагивала, не понимая, на кого можно охотиться по ночам в городе или у его стен, а потом возвращаться с заляпанными кровью сапогами домой. Однако робкий шёпот слуг кое-что прояснил, поскольку те говорили о Гончих. Слышала ли бедная девушка о том, кто такие Гончие и об их таинственном предводителе? Лучше было спросить, кто об этом не слышал! Весь правосторонний Белокамень, и, Дыра, в частности, содрогались от упоминания этой группы аристократов-душегубов. Банда из молодых скучающих богатеев наплевала на все законы и нормы морали, экипировавшись в отличные магические доспехи за счёт своих состоятельных любовников, любовниц или родителей, пробить которые большая часть оружия тех мест попросту не сможет. Ну в самом деле, откуда взяться у обычных работяг и нищих магическому или мифрильному оружию? И правда – неоткуда, а посему практически неуязвимые для обывателей, Гончие устраивали редкие, но весьма жестокие ночные набеги на районы правостороннего Белокамня, начисто вырезая всех, кто попадётся им на пути. Женщины, дети, старики, калеки – пощады не было никому. Остановить их было крайне сложно, опознать – невозможно, поскольку аристократы были не так уж и глупы, скрывая свои лица под масками. Кроме того, появление этих богатых упырей всегда совпадало с таинственным исчезновением и без того скудной стражи, которой на правом берегу ночью и вовсе не сыскать. Одиноким везунчиками, которым удавалось ускользнуть от кровожадных аристократов, потом икая рассказывали всем о своём чудесном спасении.

Гончими их прозвали сами обитатели Дыры, которые страдали чаще остальных (кто же станет расследовать убийства в трущобах?). Душегубы развлекались, с настоящим охотничьим азартом и мастерством загоняя своих жертв так, словно охотились в джунглях на тигра или льва. Им нравилось, когда несчастные пытались сопротивляться или убежать, и в этих случаях они намеренно старались затянуть подобную охоту на более долгий срок. Они безошибочно брали след, в редких случаях теряя свою добычу из виду, что говорило о том, что в их компании есть грамотный следопыт или используется магия. Поймать Гончих в ловушку не представлялось возможным, поскольку в подобном случае (один раз бандиты из клана Топоров организовали засаду), все эти засранцы доставали из-под плащей магические жезлы и начинали взрывать всё вокруг себя направо и налево.

Почему все не сговариваясь решили, что это развлекается золотая молодёжь? Всё очень просто. Во-первых, стоимость их экипировки. Во-вторых, их пути отхода – один раз Теням удалось выследить, куда направлялись Гончие после своего рейдерского налёта – злодеи сели в довольно большую лодку, которая отчалила в сторону темнеющего в ночи Острова. Да ещё и обронённый одной из дам веер (да, среди убийц затесалась и весьма сексапильная стерва в кожаной броне и с распущенными волосами) указывал на то, что господа эти весьма состоятельные, поскольку примерную стоимость этой вещицы перекупщик потом определили не меньше дюжины золотых. Кто может позволить себе такую дорогую безделицу, как не сливки общества?

Насилие над беззащитными, а также безнаказанность со стороны местных обывателей и закона опьяняла похлеще любого вина, поэтому прекращать своих набегов Гончие и не собирались. Только делали они это крайне редко, чтобы не злить и не провоцировать обывателей и стражу на тщательные и придирчивые расследования. Порою, клуб Гончих не давал о себе

знать месяцами, а иногда совершал несколько налётов подряд в течение одной седмицы. Состав группы со слов немногочисленных очевидцев колебался от шести до полутора дюжин человек, среди которых было и несколько женщин или девушек. Некоторые Гончие убивали при помощи магии, большинство же при помощи арбалетов или оружия ближнего боя. Кроме того, они носили с собой несколько рогов, которыми давали знак к отступлению, и никогда, никогда не разделялись, чтобы продолжать поиски новых жертв или преследования в одиночку. Самое меньшее – работа в паре. Чаще – трое или четверо.

Естественно, что обитатели Дыры и квартала Иноземцев, где чаще всего отмечались Гончие, ненавидели охотников всеми фибрами своей души. И боялись до чёртиков. Говорят, что исключения для загнанных жертв делались редко, и по каким принципам они щадили загнанных до смерти людей – этого никто не знал. Кроме того, Гончие отметились дюжиной групповых изнасилований особо прелестных девиц, в одном из эпизодов которого нашёлся весомый плюс. Дочь одного из скупщиков краденого, известная своей слабостью на передок, была к тому моменту тяжело больна венерическим заболеванием, которое, как вся Дыра надеялась, заставит потом Гончих помучаться за свои злодеяния. Суждено ли было сбыться тому желанию или нет – неизвестно, но сам факт того, что эти мерзавцы посягают не только на жизнь, но и на честь своих жертв взбудоражил общественность. Многие обыватели Дыры шептались также и о том, что подобные налёты совершались с молчаливого согласия Теней и Топоров, которые до сих пор не положили им конца. Ведь кому как не им принадлежала вся власть в трущобах?

Вот таков был этот садист, любивший мучать не только свою жену, слуг и рабов, но также и обычных бедняков, время от времени выбираясь на бесчеловечную охоту в Дыре. Вчерашний загон бедноты Плойер вспоминал со смехом. Ему понравился тот эпизод, когда его тройка охотников вскрыла один из многочисленных трухлявых домов трущоб, выставив на улицу под моросивший дождь его обывателей, после чего пинками отправляя их в бега. Погоня вышла не особо длительной, но захватывающей. Старика пристрелили из арбалета практически сразу же, наспиговав стрелами, точно подушечку для булавок. Смазливую девку нагнал его партнёр по прозвищу Стон, начиная срывать с бедняжки её одежду, желая надругаться над ней. Самому же Плойеру достался молодой человек, который был либо братом бедняжке, либо её мужем. Засранец хотел было атаковать барона исподтишка, выскочив из-за мусорной кучи, однако камень отскочил от зачарованных магией одежд агрессора, поскольку все Гончие защищались всегда по первому разряду. Он с удовольствием убрал свой кинжал, намереваясь разделаться с бедолагой голыми руками, и начался бой. Парень раз за разом пытался прорваться мимо Плойера туда, где на земле страдала и кричала извивавшаяся под насильником девушка, но барон раз за разом отбрасывал бедолагу обратно. После второй попытки у молодого человека было разбито в кровь всё лицо, после третьей – сломаны пальцы на руке, после четвёртой – пострадала и сама рука. А потом Плойеру наскучило это развлечение, и он прирезал бедолагу, словно барана на бойне, поскольку сопротивляться тот уже не мог – не осталось сил.

Драка эта барону понравилась, как и дальнейшая охота, по результатам которой в трущобах Дыры осталось две дюжины свежих мертвецов. Однако кто будет считать этих грязных нищих и заводить расследование? Да никому это попросту и не нужно! Гончие так уверовали в свою неуязвимость и вседозволенность, что наглели просто на глазах. Плойер и вовсе предложил в следующий раз ворваться в одну из тех грязных забегаловок, что у местных зовутся тавернами, и устроить там самую настоящую резню. Всё равно никто не сможет навредить охотникам, а расследование, даже если и начнётся, его быстро заведут в тупик, благо недаром среди Гончих были люди из суда и высших эшелонов власти, которые сами и поспособствуют этому. Идею поддержали, правда новое дело назначили аж через месяц – негоже злить людей из трущоб слишком часто, иначе те всё же смогут что-нибудь предпринять в отношении развлекающихся господ.

Плойер усмехнулся, лёжа на кровати, с неприязнью глядя на сопевшую рядом куртизанку, которая после плотских утех стала ему противна. Он пинком спихнул вскрикнувшую девушку с кровати, после чего сочувственно улыбнулся ей, мол, как это так ты свалилась во сне?

– Вон! – односложно выгнал он продажную деву из своей спальни, но та лишь начала неторопливо облачаться, чем лишь ещё сильнее разозлила барона.

– Прибить, её, что ли?! – гневно раздувая ноздри подумал он, потянувшись за кинжалом, который всегда хранил под подушкой.

Словно почувствовав, что ей угрожает опасность, куртизанка вздрогнула и поспешила покинуть спальню, продолжая одеваться уже на ходу.

– Никакие деньги не стоят того унижения, которое мне пришлось пережить этой ночью! – решила она для себя, спеша убраться от мерзкого мужчины как можно скорее.

Сам же молодой барон усмехнулся, падая обратно на смятые простыни, после чего вызвал к себе слуг. Поев и выпив вина прямо в кровати, Плойер ощутил потребность прогуляться на свежем воздухе, поскольку голова начала гудеть от густого перегара, витавшего по спальне. Да и вчерашние ночные похождения давали о себе знать, хоть и проспал он практически до самого обеда. Вспоминая список дел на сегодняшний день, Плойер с удовольствием вспомнил, что на сегодня объявлен бал-маскарад у его соседей и ему было выслано на него приглашение загодя. Что ж, было бы весьма неплохо заявиться туда, чтобы задарма сытно пожрать, а также покутить с товарищами. Если там будут присутствовать оплаченные шлюхи – тем лучше. Велев приготовить ему костюм для вечернего мероприятия, барон также приказал седлать лошадей и подать ему экипаж, поскольку ходить пешком по городу ему было лень.

Единственный человек, который жил в поместье и не боялся гнева его хозяина, был широкоплечий и сильный малый по имени Сурик, который был не только телохранителем и поручителем для любых щепетильных и мокрых дел, но также и кучером. Через полчаса барон был готов для выхода в город, одев свой парадный костюм из коллекции мэтра Таля, который славился не только изящными фасонами, отличным качеством материала и безупречным пошивом, но и магическим чарам, наложенным на любой предмет коллекции. Пока Плойер был облачён в подобный костюм, ему не грозило никакое обычное оружие, поскольку предмет был заколдован подобным образом, чтобы отклонять от себя любое оружие. Вкупе с мощным телохранителем Суриком, барон чувствовал себя практически неуязвимым, а посему охотно колесил по городу в открытой двухместной коляске. Кроме того, за пазухой у молодого аристократа лежал магический жезл, который мог парализовать любое существо своими снарядами, а на поясе висел кинжал с примесью мифрила, отчего оружие становилось смертельно опасным не только для простых смертных, но и для любых оборотней и магов, поскольку лезвие его легко преодолевало волшебные защиты. Вся эта экипировка вкупе с парадным костюмом стоила кругленькую сумму, но Плойер привык жить на широкую ногу, при этом не экономя на средствах защиты. Пара покушений как-то разом отбили любое желание экономить на подобном, ведь жизнь только одна, а на тот свет свои прибыли не унесёшь.

Для начала барон наведлся в заведение под названием «Шафран», располагавшееся на Золотом мосту, где отобедал устрицами, а также полакомился шоколадным фондю и деликатесным мороженым. Потом он направился в сторону Променада, сам не зная зачем. Иногда он любил поглазеть на суету торговцев и обывателей, потолкаться среди них, посмеяться над выступлениями уличных артистов, купить какую-нибудь безделушку, чтобы потом подарить первой попавшейся шлюхе. Жене же, кроме тумачков, от этого изверга никогда ничего не перепадало.

– Останови! – приказал Сурику Плойер, задумчиво глядя в сторону шапито, где играла музыка, и слышался смех. – Я, пожалуй, прогуляюсь по цирковому городку. Глядишь, удастся развлечься и занять себя до вечера. Идём со мной!

– Минуту, хозяин! – телохранитель помог патрону выбраться из коляски, после чего огляделся, выясняя, куда можно пристроить свой экипаж.

Для подобных целей тут обнаружился самый настоящий амбар и коновязи, и вскоре, за пару серебряных империалов лошадки и коляска оказались в надёжных руках, а телохранитель с молодым бароном уже шагали по аллее циркового городка, глаза по сторонам. Оружие им оставлять на входе не пришлось, благо позволяло знатное происхождение, а посему чувствовал себя аристократ превосходно, поскольку мог демонстративно при случае поигрывать своим непростым кинжалом. И если Плойер сейчас беспечно стрелял взором по ладным фигуркам гимнасток или усмехался ужимкам мимов, то вот Сурик зорко высматривал возможных убийц своего патрона, держа ладонь на рукояти своего короткого меча. Сам же барон обнаглел настолько, что остановился возле одной из палаток, сделал понюшку порошка чёрного лотоса, а потом направился дальше, взбодрённый порцией наркотического зелья. Вскоре небольшой отряд сделал вторую остановку, когда Плойер расширенными зрачками уставился на великана-эттина, охотно поднимающего вверх ребятню за пару медяков, позволяя верещающим от радости детишкам обозреть окрестности с пятиметровой высоты.

– Ого! – сам себе сказал барон, глядя на исполина, и прикидывая, сколько Гончих потребовалось бы для того, чтобы завалить подобную тушу в случае охоты.

А потом он услышал смех и звон кимвал, прикреплённых к запястьям полноватой улыбчивой девушки, которая в паре с мимом завлекала народ в шатёр, где должно было происходить представление. Заметив, что на неё смотрят, девица в смелом платье быстро подмигнула и улыбнулась богато одетому господину, отчего губы барона помимо его воли растянулись в ответной улыбке. Рядом с миленькой танцовщицей и мимом обнаружился также и щёголь музыкант, который своим красивым голосом исполнял отрывок песни из предстоящей пьесы, и затуманенные дурью глаза Плойера наконец обнаружили афишу. «Невесты Великана», гласило название, и на самой картинке был изображён двуглавый исполин (вероятно его роль достанется тому эттину, который сейчас развлекал детвору поблизости), а под его ногами обнаружился целый сонм полуголых девиц и несколько рыцарей во всеоружии. Надпись, внизу предупреждала, что представление будет содержать в себе пикантные моменты, элементы ужасов и потоки крови, а посему детям посещать подобное мероприятие строго не рекомендовалось, как и излишне впечатлительным особам.

– Вероятно, в пьесе будут задействован тот эттин и эта симпатичная пухляк! – усмехнулся сам себе Плойер, который уже решил зайти внутрь и посмотреть представление. – Наверняка, будет интересно!

И правда – не каждый день на сцене выступает подобный верзила. Да и название было новым, доселе неизвестным. Если выступление ему понравится, то можно будет и вовсе пригласить артистов к себе в поместье на Остров, созвать гостей и потешить их подобным зрелищем. А пока переселим в себе безразличность к черни и зайдём в палатку!

Внутри Плойер сразу же начал привередничать, поскольку сидеть на общих лавках не возжелал, а требовал к себе должного внимания и почтения. После недолгих споров с каким-то приземистым гномом, который возглавлял эту труппу, «почётному гостю» притащили отдельное кресло, которое поставили немного в стороне, но это снова не устроило барона, потому как смотреть представление со стороны, а не спереди, его не устраивало. В итоге пришлось немного передвинуть прочие лавки, чтобы по центру стояло кресло Плойера, а уже за ним теснились прочие лавки. С самодовольным видом аристократ заплатил золотой империал лично устроителю гному поверх оплаты билета, всем своим спесивым видом выражая довольство собой и излучая чувство превосходства над простыми смертными. Некоторые зри-

тели, которые к этому моменту уже ожидали начала представления, начали было роптать, но суровый взор Сурика, а также его руки, сжимавшие рукоять меча, отбили любую охоту возмущаться вслух. В ожидании начала представления барон успел заскучать, а посему принял ещё одну понюшку чёрного лотоса, а потом стал разглядывать невесть откуда взявшуюся девицу, помогавшую готовить сцену к выступлению. Эта дама была тонкой, миниатюрной и болезненно бледной (хотя это был всего лишь грим), но всё равно обладала своеобразной красотой, притягивая взоры ожидавших мужчин. Только один Сурик не смотрел на неё, поскольку изучал посетителей шатра, повернувшись к залу спиной, и к черни лицом, чтобы исключить возможность атаки со зрительских трибун. Чтобы зрители не скучали, на сцене появилась жонглёрша-половинчик, которая подбрасывала вверх и ловила десяток куриных яиц, и все, затаив дыхание, постоянно ждали и гадали, когда разобьётся хоть одно.

Вскоре свет начал гаснуть, и это означало начало представления, что Плойер встретил ехидным замечанием, что-то навроде:

– Наконец-то, а то я уже было хотел уходить или засыпать!

На сцену выпорхнул знакомый уже барону бард, который доселе развлекал публику у входа, и принялся играть на лютне, явно посвящая свою песню даме. В слова этой любовной чепухи Плойер особо вслушиваться не стал, поскольку не любил розовых соплей, ожидая уже, когда по ходу действия появится великан и польются реки крови. Либо когда обнаружатся те полуголые девицы, изображённые на афише.

Свою партию Эванс исполнил как всегда на отлично. Ему досталась роль пылкого возлюбленного по имени Киринальдо, который хотел добиться любви дочери знатного торговца. Ею стала Вира, которая предстала перед зрителями в непривычном для себя амплуа – беззащитной статной девы, которой был симпатичен её ухажёр. Пользуясь случаем, все свои поцелуи на сцене с девушкой де Грей беззастенчиво делал самыми пылкими, желая тем самым позлить недоступную гордячку Виру или разбудить в ней страсть, если повезёт. Воркующих голубков в саду обнаруживает разъярённый отец, роль которого достаётся Атосу. Дворянин так естественно исполняет роль оскорблённого в лучших чувствах отца, что многие папаши в зале, воспитывающие дочерей, лишь одобрительно хмыкают и кивают головами. Всё верно – девушек нужно держать в строгости, и не подпускать к ним всяких-яких, наподобие этого веле-речивого барда. Естественно, что разгорячённый отец хватается за своё оружие, намереваясь проучить наглеца на месте, и кажется, что бой неизбежен. Также естественно, что доченька повисает на руках у папаши, желая тому помешать, поскольку де она любит этого молодого человека, и если так суждено, то она сбежит из дома вместе с ним.

– Опять семейные драмы! – зевнул на своём почётном месте Плойер, начиная откровенно скучать. – Подобное я видел уже не один раз!

Не успела баронская задница оторваться от кресла, как неожиданно раздались громкие звуки. Шатёр неожиданно взлетел наверх, когда его купол оказался в кулаке великана-эттина, и зрители отчаянно завизжали от страха, а сам Плойер лишь только и смог, что икнув свалиться обратно в кресло. Перепуганный Сурик выхватил из ножен меч, часть зрителей рванула прочь, однако всё это оказалось не нападением, но лишь частью представления. Такого эффектного выхода на сцену никто из присутствующих ещё никогда не видел! Театральное представление из шапито мигом перешло под открытое темнеющее небо, и это, в принципе, было и понятно, потому как в большой палатке эттину было всё равно особо не развернуться.

– Ффух! – выдохнул ошарашенный барон, державшийся за грудь, в которой галопировало перепуганное сердце. – Так и помереть со страху можно!

Кто-то на задних рядах громко возмущался, что из-за внезапного появления великана он наложил себе в штаны, и сам Плойер также поспешил проверить сухость своих панталон, чтобы не позориться перед чернью. По счастью подштанники оказались непоруганными, а посему

можно было продолжать смотреть представление. А там на сцене действительно было на что посмотреть. На крики отца-Атоса сбежалась стража, которой великан-эттин уже откусывал головы и метал их тела, что было встречено публикой с новыми воплями страха. Однако умирали вокруг только лишь искусные иллюзии, сотворённые дядей Арни. Пара тел, брошенные вошедшим в раж Малышом напрямик в сторону зрителей, растворились в воздухе, не долетая до скамей считанных метров, но бедные горожане, не привыкшие к подобным представлениям, многое воспринимали за чистую монету. В итоге даже пришлось на время приостановить буйство исполина и всех актёров, чтобы Арнолиус призвал публику не пугаться происходящего, поскольку всё это лишь часть шоу. В итоге народ вернулся на свои места, желая досмотреть необычное представление до конца. Не каждый день на сцене лицезрешь такие правдоподобные смерти, а ревуший монстр оказывается самым настоящим, а не иллюзорным или бутафорным, как у других трупп. А в том, что Малыш вовсе не иллюзия, многие успели убедиться до представления, когда лицезрели эттина поблизости от шатра, развлекавшего почтенную публику.

Вскоре представление продолжилось, и по сценарию великану удалось похитить купеческую дочь напрямик из сада их дома, оставив убитого горем отца и возлюбленного посреди руин. Естественно, что оба они тотчас поспешили броситься вдогонку, решив объединить свои усилия ради спасения девушки. Следующим актом зрителей перенесли в иллюзорные пещеры, куда захватчик принёс и небрежно швырнул свою добычу. В жилище великана уже обнаружили и две другие жертвы, в исполнении Лиры и Ниры. Вот тут-то и последовала обещанная пикантность, поскольку бедняжки уже давно жили взаперти и не имели возможности починить своих одежд, отчего оказались облачены в лохмотья, едва скрывавшие их наготу. Надо отдать должное Назину, поскольку зрители наблюдали за ходом представления затаив дыхание. Автору удалось в нужных пропорциях смешать всего понемногу – любви, отчаяния, жестокости и эротики, приправив это всё мастерскими иллюзиями дяди Арни, получив на выходе интереснейшее представление. В дальнейшем зрителей ждало ещё множество головокружительных приключений и поворотов событий, навроде попыток дам сбежать из плена, либо приключений двух мужчин, идущих по следам великана. В итоге спасателям и заложницам не повезло разминуться, и последовала трагическая развязка, в ходе которой усыпленный сказками девушек эттин проснулся в пустой пещере в тот момент, когда туда вошли мстители. Увидев сонного великана, а также кучу костей вокруг, они, естественно, решили, что пленница уже съедена, и они опоздали. А сам же исполин разъярился, увидев, что его названные невесты пропали, а в его логове орудует несколько нарушителей.

Чем окончилось представление Плойер не застал, поскольку немилосердно нывший мочевого пузырь заставил барона покинуть своё место для знатных персон, устремляясь наружу. Естественно, что верный ему Сурик потопал следом, а когда оба мужчины вернулись обратно, то вся труппа уже вышла на поклон, собирая громкие аплодисменты, переходящие в овации. Зрители были в восторге – они кричали, свистели, топали ногами и швыряли к ногам артистов медяки, которые тут же собирал половинчик-мим.

– Всё уже кончилось! – вздохнул Плойер, которого также заинтриговала сея история, финал которой для него остался неизвестен. – Жаль!

– Вы что-то забыли из своих вещей? – подошёл к нему гном-устроитель, который и подал барону кресло перед началом спектакля. – Поэтому решили вернуться?

– Нет! – мотнул головой барон.

– Вам не понравилось представление? – поспешил поинтересоваться Арнолиус, который прямо так спал и видел, как кто-то из знатных господ приглашает его артистов к себе в поместье, а посему спешил им угодить с собачьей преданностью.

– Нет! Как раз-таки нет! Всё было на высоте! А особенно ваш этот монстр, реки крови и красавицы-невесты.

В этот момент Нира, уходившая за кулисы, заметила, что дядя разговаривает со знатным гостем, которого уже видела раньше. Верная себе девушка, любившая дразнить мужчин, в очередной раз подмигнула барону, отчего тот ощутил прилив уверенности в себе, своей неотразимости, а также почувствовал готовность своего дружка к новым постельным подвигам. Перехватив его кобелиный взор, гном нахмурился.

– Это средняя из сестёр, – пояснил он аристократу.

– Так эти девушки сёстры? – удивился сразу же тот.

– Именно, – кивнул головой маг. – Ежели вы желаете, то я могу пригласить к вам их всех. Они – отменные танцовщицы и гимнастки, а посему могут вам показать массу всего интересного в частном порядке. За дополнительную плату, разумеется.

– А что если я хочу их «того»? – Плойер сопроводил свой вопрос недвусмысленным жестом, после чего усмехнулся. – За дополнительную плату, разумеется?

– Да за кого вы нас принимаете, милейший?! – тотчас побагровел гном. – За сводника и куртизанок?! Не бывать этому!

– Что ж, ваше мнение я узнал, – нехорошо осклабился барон. – Осталось узнать об этом у самих девушек!

– Нет! – сразу же отрезал Арнолиус. – Ни за что!

– Все вы так говорите! – усмехнулся Плойер, который уже распалился достаточно сильно, чтобы пойти на попятный. – Но вы всё же не спросили об этом самих дам. Кроме того...

Кошелёк оказался в ладони аристократа так быстро и внезапно, словно тот был заправским фокусником. Блеснуло золото в его недрах, а потом мешочек пропал также быстро, как и появился. При виде монет гном заворочено вздохнул, но потом снова потрянул своей гривой и бородой.

– Я сказал – нет! Они же мне как дочери!

– Что тут происходит?! – подошла к дяде Нира, продолжая призывно улыбаться барону. – Что за шум?

– Я тебе потом скажу, дорогая! – ответил ей гном. – Иди к себе в фургон, переодевайся!

– Нет, почему же! – вклинился в их беседу Плойер. – Я предлагал вашему гному хорошие деньги за ночь с вами и вашими сёстрами! Таких красавиц, как вы, ещё следует поискать! Но ваш хозяин отказывается дать мне даже поговорить с вами на эту тему...

– Дядя! – тут же возмутилась Нира. – Почему?

– Почему я до сих пор не дал этому хлыщу по морде?! – тут же поспешил уточнить Арнолиус.

– Почему ты не сказал мне об этом! – оскорбилась девушка. – Ты же сам говорил, что мы на грани банкротства, а этот господин предлагает нам...

Тут Нира опомнилась, вздрогнув, оглядываясь на барона Плойера.

– Извините нас, пожалуйста! Можно я переговорю с дядей в сторонке? Но вы пока никуда не уходите! Нам правда очень нужны деньги, а посему мы что-нибудь придумаем, не сомневайтесь!

В итоге возмущённый гном и сердитая девушка отошли к фургонам, где начали тихонько ожесточённо спорить. Через короткое время Нира кликнула сестёр, и те подошли к месту торгов, включаясь в диалог. Когда танцовщица рассказала пришедшим суть дела, то миниатюрная дева побледнела, как полотно, в то время как поджарая и мускулистая высокая барышня согласно кивнула головой. Наблюдавший за всем этим Плойер лишь хищно усмехнулся – ему практически никогда не отказывали женщины, особенно из более бедных слоёв общества, охотно клая на приманку в виде денег.

– Ломаетесь лишь для виду, цыпочки?! – усмехнулся сам себе барон.

Через пару минут ожесточённых споров делегация из гнома и Ниры вернулись к ожидавшему аристократу, успевшему заскучать.

– Мы согласны! – с места рубанула девушка. – Дядя сказал, что вы хотели всех троих разом?

– Верно! – кивнул довольный Плойер.

– Тридцать золотых, – тут же потребовала Нира. – Без торгов!

– А не слишком ли дорого вы просите? – усмехнулся барон. – За такую сумму я могу купить себе допля в борделе мадам Ллойс.

– Мы стоим этих денег, поверьте! – улыбнулась девушка. – Хоть раз вам довелось заниматься этим в подобной позе?

Гибкая гимнастка изогнулась мостиком, призывно подмигивая удивлённому аристократу от земли. Потом Нира и вовсе легла на землю, сворачиваясь ещё сильнее в один большой клубок.

– Или в такой? – после этой демонстрации своей поразительной гибкости тела девушка быстро встала обратно на ноги, а потом опустилась на шпагат. – Каждая из нас может принять любую из этих поз. Кроме того, моя младшая сестрёнка Лира ещё до сих пор невинна, а это стоит дополнительных расходов. Решайтесь, мистер...

– Плойер, – представился, наконец, аристократ. – Хорошо! Вы меня сразили в самое сердце! Держите!

– Только я своих дочерей с вами не отпущу! – тут же поспешил буркнуть Арнолиус, принимая плату. – Знаем мы всяческих извращенцев – увезут девушек в неизвестность, а те потом пропадают! Я выделю вам для этих целей самый большой фургон, можете там торчать хоть до посинения, но сестёр уводить из цирка я не позволю!

– Договорились! – легко согласился барон, которому вовсе не хотелось вести девушек к себе домой, поскольку в этом случае ему пришлось бы ещё и угощать их или тратиться на дополнительный экипаж. – Сурик, жди меня тут!

Да и веселится долго не получится, ведь Плойер ещё желал успеть на сегодняшней бал-маскарад. Поэтому пару часиков с тремя гимнастками в цирковом фургоне ему должно хватить. Но за эти деньги нужно озаботиться тем, чтобы лишить невинности ту худенькую куколку! Разрешив таким образом все разногласия, стороны вздохнули с облегчением. Нира взяла состоятельного господина за руку, увлекая в сторону своего фургона, где сёстры уже всё готовили к приёму гостя, раскладывая везде подушки, а также приготовив вина и нехитрой закуски. Вслед им тяжёлым взором, полным боли и страдания смотрел гном, который чувствовал себя отвратительно, словно только что продал себя, а не своих подопечных. Сурик же глумливо улыбался, провожая взором довольного патрона, скрывшегося в недрах вместительного фургона. Уходить не думал ни тот, ни другой, поскольку первый переживал за своих девочек, в то время как телохранитель честно ожидал возвращения своего патрона. Минут через десять из фургона начинают слышаться ритмичные стуки, потом раздаётся какой-то грохот, сама повозка даже пошатнулась, а следом за этим доносится довольное рычание барона и кого-то из сестёр. Естественно, что слышат эти звуки не только волнующийся гном и телохранитель, который поначалу решил, что его босса внутри уколошили (иначе чему там так грохотать?), но и сновавшие неподалёку коллеги по труппе и отдыхающие зеваки, которые начинают глумливо ухмыляться.

– Ваши чёртовы деньги не стоят того, чтобы потом про мою труппу ходили всякие грязные слухи! – в сердцах бросил Арнолиус, поворачиваясь к Сурику. – Ваш хозяин что, никак не может делать этого потише?

– Нет! – осклабился телохранитель, которого наоборот забавляли подобные звуки. – Он всегда такой!

Гном выругался, начал было заламывать руки и тереть бороду, но потом передумал, начиная ходить взад-вперёд. После получаса томных вздохов и криков звуки стали постепенно стихать, а разволновавшийся гном уходит в свою повозку, махнув на происходящее безобразие

рукой. Вскоре Плойер снова переходит в наступление. Но на этот раз Сурик уже не улыбается – ему наскучило торчать под открытым небом в одиночестве, а посему теперь и он желает своему боссу поскорее закончить и отправиться домой, а после и на бал-маскарад. Там телохранитель получит относительную свободу передвижений, и сможет либо вернуться в особняк, либо остаться в гостях и позаигрывать с тамошними служанками.

Примерно через два часа от начала марафона из фургона девушек вывалился покачивающийся от усталости довольный барон, который был небрежен в туалете, на ходу поправляя на себе одежду. На шее и щеке у него размазалась губная помада, а также темнел след от того поцелуя, которые в народе именовали засосами. Нетерпеливый Сурик поспешил поинтересоваться, насколько хороши были девушки, на что Плойер жестами изобразил «отлично!».

– Давай домой! – хрипло сказал барон. – Иди вперёд, я за тобой!

– Хорошо! – кивнул Сурик, которому уже не терпелось двинуться прочь.

Вдвоём они быстро вышли к воротам циркового городка, и пока телохранитель занимался экипажем, барон закашлялся, опираясь на столб.

– С вами всё хорошо? – заволновался охранник, подхватывая босса под локоть, с изумлением ощутив, что от Плойера едва уловимо тянет табаком, чего раньше за ним никогда не наблюдалось.

– Всё хорошо, – оттолкнул руку помощника барон. – Поперхнулся просто. Поехали уже. Умотали меня эти девки – сил моих нет!

Забравшись в коляску, Плойер усмехнулся.

– Хорошие бабы, таких у меня ещё никогда не было! Сурик, а ты бы не прочь с теми красотками, а?

– Нет, не против! – тут же поспешил ответить телохранитель – а вдруг его босс сейчас расщедриться настолько, что даст премию и тогда можно будет и самому вернуться в цирк и развлечься с теми обалденными гимнастками?

– Ладно, я пока прикорну, а ты буди меня, если что! – зевнул Плойер. – Устал я что-то немного!

– Как прикажете! – слегка разочарованно ответил охранник, который понял, что премии ему не видать, как своих ушей.

Через полчаса показался пост у въезда на Золотой мост, и Сурик обернулся назад, желая разбудить своего патрона.

– Приехали, хозяин! Просыпайтесь! Хозяин?!

– Что тут у вас? – заглянул Арнолиус в фургон к сёстрам, которые уже убирались внутри после отъезда знатного гостя. – Всё хорошо?

– А что может быть плохого? – хмыкнула Нира, утиравшаяся после небольшого купания.

– Не знаю! – ворчливо отозвался Арнолиус. – Как быстро вы его успокоили?

– Да почти сразу! – пожала плечами Лира, которая помогала своей сестре с простынями. – Это было даже приятно!

– А вот привыкать к подобным вещам я тебе не советую, детка! – нахмурился гном. – В нашем ремесле это лишнее! Запомни – мы делаем это не для развлечения, а потому что нам платят за это, и платят хорошие деньги! Нельзя выносить личное удовольствие на первый план – иначе про нас пойдёт дурная молва!

Потом Арнолиус вспомнил о том, с какой неприязнью косились на фургон сестёр сновавшие по цирковому городку зеваки, усмехаясь звукам громкого совокупления, и почернел, подобно грозовой туче.

– Если уже не идёт дурная молва! – тяжело вздохнул он. – Кто к нам пойдёт на представления, если все будут считать наш балаган не театральным, а борделем на колёсах?!

– Скажи спасибо, что будут звать борделем, а не как-то ещё! – усмехнулась Вира, которая занималась тем, что убирала в сундук стилеты и кинжалы.

В дверь осторожно постучали, и, судя по робости этого звука, это мог быть только вечно зашуганный автор их успешных пьес, не иначе.

– Кто там? – спросил гном, желавший подразнить полукровку лишний раз, заставив того заикаться на собственном имени.

– Это я! – ответил полуэльф снаружи, не попавшись на уловку.

– Кто я?! – тут же поспешил осведомиться Арнолиус, который также был не лыком шит.

– Ваш автор! – упорно не поддавался на заикающуюся провокацию Назин.

– А звать-то тебя как?

– Пошёл к чёрту! Или я вхожу, или иду с-с-с-с... С-с-с-с-с... Чёрт!

– Да заходи уже! – рассмеялся добившийся своего гном.

– С-с-с-сволочи вы! – наконец, выдал из себя бедный Назин, заглядывая вовнутрь фургона. – Как всё прошло?

Это он уже к сёстрам обращается.

– Ты правда хочешь знать всё в подробностях? – усмехнулась Нира. – Может тебе ещё и показать, как всё было? Раздеться, для пущей убедительности?

– Было бы неплохо! – хмыкнул подошедший к фургону Эванс. – Ну как там аристократ? Хороший любовник из него или нет?

– Тебя сюда не звали! – отрезала Вира, закрывая дверь фургона. – Иди, развлекай публику, нечего тут слоняться!

– Вот так всегда! – вздохнул снаружи де Грей, отправляясь обратно к зрителям.

Назин отнимает от своей груди свой извечный талмуд, с которым не расставался даже во сне, начиная любовно поглаживать переплёт книги. Сёстры, которые уже не раз и не два видели, что последует за этим, уже знали, что от них требуется. Лира присела на пол, откинув край простыни с предмета, скрытым им, и все уставились на мертвенно-бледное лицо покойного ныне барона Плойера. Заманить похотливого напыщенного идиота в фургон не составило труда, как и зарезать его, словно свинью на бойне, а потом симулировать звуки разгоревшейся внутри страсти. Из повозки наружу выбрался уже отнюдь не барон, а его точная иллюзорная копия, которая и отправилась в недолгий вояж по вечернему Белокамню с Суриком на коляске. Именно этим и объяснялся лёгкий аромат табака, который исходил вовсе не от иллюзорного барона, а от невидимого хозяина фантома, коим был не кто иной, как сам Арнолиус, который и закашлялся не вовремя у ворот. Благо, что он успел приказать иллюзии сделать то же самое, чтобы не выдать своей маскировки.

Тут, вероятно, стоит сделать небольшое отступление, и уточнить, что никакие это не артисты путешествовали балаганом, а самая настоящая банда высококлассных наёмных убийц, для которых песни, пляски и сцена были не больше, чем удобным прикрытием для сокрытия своего настоящего источника дохода. И встречался вчера со своим сородичем Арнолиус отнюдь не затем, чтобы найти своим артистам тех, кто желает послушать их песни или посмотреть спектакли. Нет, вчерашним вечером гном получил от своего связного четыре заказа на такое же число голов негодных жертв, одна из которых (о, чудо!) сама явилась к ним в цирк, затребовав себе место получше в первом ряду. Ныне же барон Плойер лежал мёртвым в их фургоне, его иллюзия уже наверняка растворилась, оставив Сурика в недоумении. Арнолиус скрытно ехал бок о бок рядом со своим фантомом до тех пор, пока убедился, что можно уходить, отчего пропажу хватились не сразу.

И теперь Назин с его извечной книгой решал последнюю проблему – он склонился над трупом, распахнув свой талмуд, который внезапно завертелся и запрыгал в его руках, как живой. А потом злоеущий гримуар начал прямо на глазах у всех очевидцев пожирать тело мёртвого барона, что избавляло труппу от последней улики. Теперь не только плоть Плойера

окажется надёжно укрыта от некромантов, но также и его дух, ежели те попытаются отыскать пропавшего аристократа путём призыва его грешной души. Этим же объяснялся и факт крайней талантливости молодого автора – он не писал никаких пьес, а попросту считывал память поглощённых душ, перенося их воспоминания на бумагу в дальнейшем. Строфы писались благодаря духу нескольких бардов, пожранных когда-то зловещим гримуаром, который звался «Глашатай Смерти», и являлся одним из редчайших артефактов современности. Предмет сей был разумен, и сам выбирал себе хозяина, открываясь только ради него одного, и почему он избрал для этой роли Назина, оставалось для всех загадкой.

– Первая цель уничтожена! – провозгласил на вечернем совете довольный Арнолиус, который преотлично изобразил пару часов назад разгневанного дядюшку, не желавшего торговать телами своих девочек. – Сёстры просто молодцы!

Девушки скромно потупили взоры, словно самые настоящие невинности, хотя вид истерзанного кинжалами тела Плойера до сих пор стоял у впечатлительного Назина перед глазами. Все же посмотрели на сестёр, словно видели их впервые.

– Пф-ф-ф! – тут же поспешил озвучить своё отношение к великолепной работе своих товарок Эванс. – Будь я бабой, сработал бы не хуже! А так – трое на одного, причём, на голого и безоружного. Ничего сверхъестественного!

– Точно! – кивнул Коврига. – А попробовали бы вы как мы с Офелией пробраться в охраняемый особняк в Турине, полный ловушек и стражи, чтобы прирезать Нимеда-параноика. Посмотрел бы я на вас тогда!

– Ладно, хватит! – поморщился Арнолиус. – Нечего вспоминать про былые заслуги и незаслуженно умять успехи наших сестёр. Или вы забыли, как они противостояли той магичке из Белых песков, призвавших своих демонов?!

– Если бы они не сплеховали, то и демонов бы не было! – поспешил вставить ехидное замечание де Грей. – А уж коли тебя заметила жертва, то естественно, что задача усложняется!

– Вообще-то! – хмуро заметила в ответ на это сообщение Нира. – Тебе, де Грей, полагалось отвлекать её, но ты с этим не преуспел!

– Кто ж был виноват в том, что ту стерву мужчины не интересовали? – набычился бард. – Если бы она любила мужчин, то я бы справился с ней самостоятельно!

– Замолчали! – повысил голос гном. – Это не профессионально, коллеги! Слово мы не наёмные убийцы, а простые базарные бабки!

– Простые базарные бабки! – повторил шёпотом Коврига, передразнивая взор и позу своего патрона, поскольку вживался в образ мима он так крепко, что часто паясничал против своей воли.

– Во-первых, хочу поблагодарить Назина, – начал говорить Арнолиус, когда в штабном фургоне воцарилась тишина. – Его новая пьеса заинтересовала народ, а посему у нас в ближайшее время просто не будет отбою от зрителей.

Польщённый полуэльф кивнул, а гном продолжил свою речь.

– Кроме того, большое ему спасибо за уничтожение улики. В этом он настоящий профессионал! Во-вторых, сёстры – вы тоже молодцы! Кроме того, хочется отметить отличную игру всех сегодняшних актёров. А теперь плохие новости. Первая – Эванс, тебе выговор за самовольную отлучку из штаба! Следующая твоя работа оплачивается вдвое меньше, остальное идёт в казну труппы.

– За что?! – тут же вскинулся де Грей. – Я же не сделал ничего плохого!

– Но и хорошее ты не исполнил! Потом. Остаётся три цели, если я не найду нам ещё работы. Первая – графиня Монро, чей особняк находится на Острове. Иногда выбирается в город для похода по магазинам, но чаще проводит время на Золотом мосту или у себя в поместье. Вот её портрет.

С листа, большая часть которого была покрыта гномьими рунами, на всех присутствующих смотрела дородная пожилая дама, украшенная мощной бородавкой на носу, на пример самой настоящей ведьмы. Кто желал ей смерти, как и барону Плойеру, для трупы было загадкой, над решением которой биться никто из них даже и не хотел. Главное, чтобы заплатили. Листок был пущен по кругу, чтобы каждый смог занести себе в память облик новой жертвы, чтобы иметь возможность прикончить её, если подвернётся оказия например сегодняшней. Когда очередь дошла до Виры, та лишь фыркнула, после чего заявила.

– Наш хвастунишка Эванс-с-с постоянно хвалился, что все дамочки от него без ума, плюс то, что он вхож в высший свет Белокамня и на закрытый Остров. Вот пусть и возьмёт на себя эту красавицу, и заодно продемонстрирует нам своё мастерство! Это для тебя будет честным боем, а, Змей?! Старушка с положением, которая и оружия-то наверняка в жизни никогда не держала!

– Я легко могу исполнить её и всех остальных, – самоуверенно заявил во всеуслышание бард. – Но сперва хочу узнать об остальных целях. Всё ж таки старухи – это не мой профиль!

– Вторая жертва – маг по имени Бруно, обитает в Академии, преподаёт боевую магию, а посему соперник опасный. Часто наведывается не только на Стекляшку за городом, разучивая новые чары, но и в борделях у Ариадны или мадам Ллойс. Кроме того, любит гулять по набережной в сопровождении молоденьких студенток.

И снова лист пошёл по кругу, и все сразу же вглядываются в запечатлённый на нём лик.

– Симпатичный! – вздыхает Нира, с сожалением отмечая про себя, что подобного красавца ей убивать вовсе бы не хотелось.

– Значит, Нира отпадает! – со смехом сообщил Эванс. – Дамы, кто-то хочет взять его на себя?

– Без проблем! – хмыкнула Вира. – Мифрильные кинжалы у меня есть, ножи я бросаю хорошо, яд кой-какой найдётся, так что, почему бы и нет?

– Лира и Атос будут у тебя на подхвате, – тут же приказал Арнолиус.

– Лишнее! – покачала головой девушка. – Справлюсь сама!

– И, наконец, последний вариант, – вздохнул гном. – Самый тяжёлый из всех.

Все слушатели сразу же напряглись, поскольку без причин их начальник вздыхал редко.

– Нужно кое-что достать из особняка Роаэдронов, – пояснил Арнолиус.

Это ровным счётом никому ничего не сказало, лишь один Эванс, знакомый с местной аристократией не понаслышке, мигом согласился с тем, что убрать старуху для него раз плюнуть, и он берётся за графиню Монро.

– Хорошо, держи портрет! – легко согласился с ним гном, сунув барду листок в руки.

– Но это же не убийство! – осторожно заметил Атос. – В смысле, принести вещь из особняка!

– Правильно, мой друг, – улыбнулся ему де Грей, довольный тем, что своевременно «урвал» себе старушку. – Это не убийство, а самоубийство чистой воды! Ты хоть скажешь им, Арни, что это за поместье, и почему в него не стоит соваться?

– Можно хотя бы попробовать! – осторожно говорит гном.

– Вот сам туда и отправляйся, коли такой смелый! – предлагает ему Змей. – Или ты туда решил отправить наших лучших взломщиков на убой?

Офелия и Зингар с тревогой смотрят на своего патрона, который жуёт губами. Лучшими в команде специалистами по проникновению со взломом и без оного на запретные территории являются муж с женой, которые всегда работают в паре. Оба половинчика могут уговорить практически любой замок и протиснуться в узкие щели, что делает их лучшими кандидатами на подобные авантюры. Кроме того, их природная ловкость и актёрское мастерство позволяют им легко уклоняться от ловушек или душить головы при обнаружении.

– Что за особняк? – спрашивает Коврига у Арнолиуса.

– Брошенное строение, которое в народе считается проклятым, – поясняет гном. – Не переживайте – вас я снабжу всеми имеющимися у меня артефактами, кроме того, вы получите от Виры мифрильные ножи, если вам предстоит иметь дело внутри с чем-то сверхъестественным.

– Вообще-то, мы не подписывались на подобные авантюры, Арни! – тотчас замечает Стряпуха. – Мы убийцы, а не воры!

– Вы тоже крадёте, – хмыкнул гном. – Только не ценности, а чужие жизни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.